

Владислав Конюшевский

ИНОЙ ВАРИАНТ

Иной вариант

Главный день

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Владислав Конюшевский

**Иной вариант: Иной
вариант. Главный день**

«Издательство АСТ»

2011, 2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Конюшевский В. Н.

Иной вариант: Иной вариант. Главный день /
В. Н. Конюшевский — «Издательство АСТ», 2011,
2012 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-117743-0

Наверное, многие задавались вопросом, что было бы, если бы в 1991 году победил ГКЧП? Сумели бы потом прийти к власти более прогрессивные силы? А если бы в результате их прихода «парад суверенитетов» закончился распадом не только СССР, но и России? Скажете, слишком фантастическое предположение? Конечно, ведь мы-то знаем, что и как случилось на самом деле. Вот и бывший лейтенант частей специального назначения Сергей Корнев тоже так думал, пока не встретился с ученым, сумевшим активировать древний артефакт и открыть путь в параллельный мир. Там тоже есть наша страна. Но дело в том, что этот мир в начале девяностых пошел совсем по иному пути развития, и Корнев оказывается в страшной «зазеркальной России». В той России, где «истинная демократия» одержала полную победу. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117743-0

© Конюшевский В. Н., 2011, 2012
© Издательство АСТ, 2011, 2012

Содержание

Иной вариант	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	57
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Владислав Конюшевский
Иной вариант
Главный день
сборник

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 13

Оформление обложки Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Владислав Конюшевский, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Иной вариант

Глава 1

Гид с основной группой туристов ушел вперед уже метров на двадцать, но и отсюда достаточно хорошо был слышен его профессионально поставленный голос:

– ...и тогда, по призыву папы Климента Третьего в 1189 году вновь был организован поход, который возглавили Фридрих Барбаросса, Филипп Второй и Ричард Львиное Сердце. Всем участникам в очередной раз обещалось отпущение грехов и вечное спасение. Речь папы с огромным энтузиазмом восприняло не только рыцарство, но и...

Вздыхнув, я поправил цветастую панамку и, сильно пожалевав, что не надел солнцезащитные очки, сплюнул на остатки каменных плит мостовой. Герои Джека Лондона, героически осваивавшие северные золоторудные месторождения, таким образом температуру проверяли. Вот и я решил последовать их примеру. Только у лондоновских ударников капиталистического труда плевки замерзал на лету, а мой испарился, лишь только коснулся раскаленных солнцем камней. Ну правильно, если тут даже в тени – под сорок...

М-да, «страус закапывает свои яйца в песок и плачет. Почему плачет? А вы попробуйте закопать свои – поймете!» Присказка, конечно, детская, но в данном случае актуальная. Помоему, на здешних валунах не только яичницу можно жарить, но и мясо при желании испечь. Ёперный театр, и черт меня понес на эту экскурсию! Хорошо хоть, подвезли к самому замку, а то я слышал, что есть такой маршрут, где заставляют на гору карабкаться пешком. Для меня это не проблема, но вот пенсионеры, составляющие основную часть тургруппы, померли бы еще у подножия. Наверное, учитывая возможность подобного исхода, нас и доставили, как белых людей, к самому входу. Хотя входов здесь немерено... в смысле дыр и проломов в крепостной стене. Но вид отсюда просто потрясающий открывался. Да и внутри было на что посмотреть. Чем мы и занимались, с интересом разглядывая выбеленные солнцем, растрескавшиеся валуны старинной крепости и слушая экскурсовода, рассказывающего о европейских средневековых туристах, гордо называющих себя крестоносцами и ревнителями веры.

Только лично с моей позиции, эти «ревнители» вели себя точь-в-точь как наши гопники конца двадцатого века. Судите сами – ушлые рыцари под предлогом поиска Гроба Господня активно грабили местное население, ставили местных олигархов на счетчик да еще попутно организовывали показательный геноцид в отдельно взятых районах. Аборигены были тоже ребята не промах, поэтому беспредела терпеть не стали и постоянно навешивали неугомонным захватчикам по сусалам. А те все лезли и лезли... Вон, гид уже о третьем походе рассказывает...

Но мне что-то неинтересно стало слушать о том, как тупорылые предки европейцев раз за разом наступали на одни и те же грабли. Тем более я знал самый что ни на есть конечный результат этого противостояния. От крестоносцев, на сегодняшний день, в здешних местах лишь старинные руины остались, а вот первым помощником мэра Парижа в прошлом, две тысячи четырнадцатом году, под давлением хиджабоносной¹ общественности, стал некий Абульхалик Фарух. Так что в этом долгоиграющем соревновании бывшие сарацины победили окончательно и, похоже, – бесповоротно.

¹ *Хиджаб* – в исламе – любая одежда, однако в современном мире под хиджабом понимают традиционный исламский женский головной платок.

Только если говорить честно, я приотстал от группы не потому, что экскурсовод говорил скучно, а потому, что из боковой галереи пару минут назад вынырнули две девчонки. Одна в джинсах и топике, а вторая в форме АОИ², с нашивками рав турая³.

Но не это главное. Я ведь здесь уже седьмой день торчу. В смысле, не в этой крепости, конечно, а в Израиле, и каждый раз, видя местных девушек, поражаюсь – откуда тут столько красавиц взялось? Нет, может, у меня просто «синдром отпускника», но один черт количество симпатичных барышень на единицу площади в здешних местах просто зашкаливает. Вот и эта парочка выглядит так, как будто в свободное от службы время фотомоделями подрабатывает. То есть не похожими на бледных спирохет манекенщицами, а именно фотомоделями, со всеми положенными выпуклостями, впуклостями и округлостями в нужных местах...

Поэтому, словно невзначай оттянувшись в арьергард, я теперь имел все возможности разглядывать не замшелые руины, а весьма симпатичные попки, красоту одной из которых особо сильно подчеркивал покроем узких брючек. А девчата тем временем, прибавив шаг, подошли к охраннику нашей тургруппы. Похоже, они между собой знакомы, так как парень, поправив свой «мини-узи»⁴, сразу же разулыбался и начал о чем-то оживленно болтать с ними на иврите.

Хм, вот интересно – чего эти дамочки сюда вообще приперлись? Недосержантиха так вообще в форме, но, правда, без оружия. И судя по тому, как она лобызнула автоматчика, это явно не его сестра... Ага, наверное, барышня, находясь в увольнении, решила навестить бойфренда. А вторая с ней за компанию поехала. Или, если учесть, что сюда рейсовые автобусы не ходят, вот эта, в топике и с сиськами, скорее всего, просто подвезла свою подружку к ухажеру.

Поглядев какое-то время на радостного парня, я завистливо покрутил головой. Нет, понятно, что он просто в охранной фирме работает, но девчонка-то явно срочную служит! Вот нам бы так служить! В смысле – в подобном коллективе. Да нас бы тогда из армии и ломом не выгнали!

М-да, плохо, что все эти мечты разбиваются о суровую прозу жизни. В России такого точно не будет, так как даже у евреев женский пол в боевые части практически не берут. И встречаются девчата со своими ухажерами, лишь в находясь в увольнении...

А парнишка отнесся к появлению солдатки... солдатихи... бр-р-р, интересно, как ее в данном случае назвать-то? В общем, пацан к гостям отнесся радостно, но бдительности не потерял, продолжая во время разговора осматривать местность. То есть – бдел, невзирая на возникшие обстоятельства. Хотя на спецуру боец вовсе не похож. Даже бывшего. Молод слишком, да и повадки не те.

Я ведь за неделю пребывания здесь на самых разных сопровождающих насмотрелся... Прошлый раз, когда нас возили к замку, находящемуся возле палестинских территорий, в охране тургруппы был зубр, вооруженный гражданским вариантом «Тавора»⁵, явно прошедший и Крым, и Рим. Это и по замашкам, и по поведению хорошо было видно. А эта крепость, судя по всему, считается местом достаточно безопасным, вот и придали в сопровождение салабона.

Вы можете спросить, откуда у меня такие специфические познания, что могу различать не только марки иностранного оружия, но и хотя бы приблизительно определить квалификацию сопровождающих? Хм, просто когда-то это было необходимо для непосредственной работы. Ныне уже бывшей работы... Хотя, наверное, надо рассказывать по-порядку.

² Армия Обороны Израиля.

³ *Рав турай* – воинское звание в АОИ, что-то среднее между нашим ефрейтором и младшим сержантом.

⁴ Пистолет-пулемет калибра 9 мм.

⁵ *Tavor* – TAR-21 – Штурмовая винтовка калибра 5,56 мм, состоящая на вооружении АОИ. Гражданский вариант – калибра 9 мм.

Я – Сергей Васильевич Корнев, 1985 года рождения. Детство, отрочество и часть юности проведший так же, как и миллионы моих ровесников. То есть стандартно – детсад, школа, уличные разборки, сидение за компьютерными игрушками, ухаживание за одноклассницами, первая сигарета и нож-«бабочка» в заднем кармане джинсов. Но к концу школы, когда в полный рост встал вопрос о будущей профессии, вмешался тогда еще живой дед – полковник танковых войск в отставке. Пройгнорировав тот факт, что я имел твердое намерение последовать за своей тогдашней зазнобой и поступать в Санкт-Петербургский государственный университет, бывший танкист взял дело в свои руки. Развернув передо мной необъятные просторы, раскрашенные в соблазнительные тона, он быстро убедил внука, что лучше армии доли нет. Правда, не меньшую роль в выборе сыграли просмотренный накануне боевик, рассказывающий о действиях наших храбрых десантников в Чечне, и ссора с подругой. Наложившись друг на друга, эти факторы дали нужный эффект, в результате которого я плюнул на Питер и поступил в Новосибирский военный институт, на факультет подготовки командиров подразделений войсковой разведки. Сначала было пожалел о выборе, но позже неожиданно для себя – втянулся. Ну еще бы, какому пацану в семнадцать-восемнадцать лет не хотелось бы ощутить себя суперменом? А мы себя ощущали именно так. Правда, не сразу... На первом курсе была натуральная умираловка. Зато потом стали людьми, которым любое море по колено.

Закончив вуз, служил по специальности. А если конкретней – почти четыре года в девятнадцатой ОБрСпН⁶. И служил бы дальше с большим удовольствием, если бы не случай. Довольно-таки поганый случай. Но, наверное, надо по порядку.

Я ведь в свое время считался неплохим группником⁷. Просто после института сразу не женился. Не сложилось как-то. Наверное, поэтому целиком ушел в службу, и командование нарадоваться не могло на рьяного офицера.

Радость начальства проявилась в досрочном получении мною звания старшего лейтенанта. А когда мысленно я уже примерял капитанские погоны, жизнь выкинула неожиданный фортель. Хотя сам виноват – сдержаннее надо быть...

Нет, к хамству в армии я отношусь довольно равнодушно, привыкнув к нему еще с училищных времен. Но тут все так нехорошо совпало... И началось-то с мелочи – будучи в командировке, уже вечером после службы, просто пошел искупаться. А что – личный состав, состоящий из дюжины выдрессированных, но один черт «залетных» срочников и трех сержантов-контрактников, за которыми тоже нужен глаз да глаз, остался на МПД⁸, в трехстах километрах от меня. Поэтому я, чувствуя себя совершенно вольной птицей, перед посиделками с такими же командировочными, решил сходить на речку. Остальные оказались лентяями, поэтому пошел один. А когда собирался уходить, на пустынном пляжике нарисовался какой-то ухари в спортивном костюме и, увидев нежащуюся тушку, возле которой была сложена форма, принялся орать дурниной. При этом безостановочно требуя, чтобы я ему представился. По воплям стало понятно, что это какая-то шишка, возможно даже из тех представителей ГУБП⁹, которые сейчас шерстят соседнюю мотострелковую часть. И эта шишка почему-то считает, что все его должны знать в лицо и ходить мимо строевым шагом, даже если он сам при этом будет в семейных трусах.

Но, во-первых, мне не понравился сам наезд, а во-вторых, делать доклад хмырю в «адидасе» – совсем себя не уважать. Поэтому довольно миролюбиво посоветовал мужику или надеть погоны и потом высказывать претензии, или просто идти, куда шел. Услышав подобный ответ, он окончательно взбеленился и отвалил только тогда, когда я пообещал наступать в

⁶ Отдельная бригада специального назначения.

⁷ *Группник* – командир первичного подразделения войск специального назначения. В обычных войсках эта должность соответствует командиру взвода.

⁸ Место постоянной дислокации.

⁹ Главное управление боевой подготовки и службы войск ВС РФ.

бубен неугомонному скандалисту. А перед уходом «спортсмен» пригрозил, что вернется с патрулем. Портить себе настроение разборкой с патрульными у меня желания не было, поэтому я смылся практически следом за ним. И пока находился на курсах, с этим придурком больше не встречался.

А месяца через три после командировки судьба показала свою тыловую проекцию. Хотя никаких подлян я не ожидал, совершенно забыв летний казус, и спокойно готовился к очередной проверке. Но вот надо же было такому случиться, что среди приехавших проверяющих оказался тот самый подпол, которого я в свое время послал. Шанс на подобную встречу был один из тысячи, так как носитель «аидаса» никоим боком к подразделениям разведки не относился и мог попасть к нам лишь случайно. Вот случайность и сыграла...

И что характерно – этот чмошник меня сразу узнал и чуть не обделался от восторга. Сначала, при людях, просто доколупывался до каждой мелочи, опуская командира группы ниже плинтуса. А потом, заведя в канцелярию, долго и с наслаждением трахал мозги, попутно поливая отборным матом. В принципе, наверное, я бы сдержался. Но тут как раз сыграло свою роль то самое совпадение. Очередной облом в налаживании личной жизни наложился на недо-сып, возникший из-за подготовки к проверке, общую головную боль и охренительное чувство внутреннего протеста. Поэтому когда раздухавившийся подпол в запале слегка пихнул меня в грудь, я так зарядил хаму в ухо, что его шитая фуражка-«аэродром» упорхнула куда-то за сейф.

Кстати, чтобы вы знали – в армии бывает и так, что младший по званию дает люлей старшему. Бывает, бывает. Очень редко, но все-таки... Не посадили меня по нескольким причинам. Во-первых, тяжких телесных повреждений тому козлу я не нанес. В смысле – все обошлось без сотрясений и прочих увечий. А во-вторых, раздувание этого случая подполу было невыгодно, потому как он сам, первым, грубо нарушил уставные требования. Да и при отсутствии свидетелей мое слово было против его. Только в этом случае присутствовал еще один неучтенный момент – волосатая лапа в Министерстве обороны. В смысле – подполковничья «лапа». Поэтому его слово оказалось значительно весомее, и как ни уламывал Батя замять все это дело, ничего не вышло. Аидасоносец выдвинул категорическое условие, что не будет катить на меня бочку только в том случае, если некий хулиганистый старлей сам подаст рапорт об увольнении из рядов ВС РФ.

Вот так я и оказался на гражданке. Хорошо, что комбат помог еще раз, дав координаты своего старого знакомого в Москве. Тот работал в одной медийной фирме начальником охраны и по рекомендации Бати брался пристроить бывшего комвзвода к себе.

Но при встрече с президентом компании выяснилось, что у меня чересчур много мозгов для простого стояния на фишке, так что соискателю работы была предложена должность в техотделе. Начальник охраны, который привел меня на это собеседование, против подобного предложения не возражал и лишь одобряюще кивнул. Таким образом я и попал в число сотрудников «Роскома» – солидного учреждения, занимающегося предоставлением населению услуг интернет-провайдера. И хоть зарплата стала ровно в три раза выше, чем денежное довольствие взводного, но по армии я до сих пор скучаю.

Зато в гражданской жизни есть и плюсы. Оно ведь как – во время службы у меня была первая форма допуска. А это значит – никаких выездов за границу. То есть обычную поездку в Турцию или Египет, которая для других людей являлась само собой разумеющейся, я представлял себе лишь теоретически. Правда, существовала еще возможность попасть в заграничную командировку. Но эта возможность была совершенно призрачной и для старшего лейтенанта практически нереальной. Если только куда-нибудь в африканские джунгли – папуасов инструктировать да москитов кормить. Но снабжать комаров-переростков экзотическими продуктами мне не улыбалось, а более цивилизованные страны российские летёхи не посещали. Вариант же поездки за бугор на танке, в составе нашей армии, хоть и представлялся достаточно брутальным, но отменялся как чреватый международными осложнениями. Вон, наш начштаба

несколько лет назад, в составе 58-й армии, доехал практически до Тбилиси, так до сих пор «общечеловеки» на каку исходят...

Поэтому, не ударяясь в крайности, я спокойно дожидался, когда пройдут положенные пять лет после моего досрочного дембеля и можно будет получить справку, необходимую для оформления загранпаспорта. Но случилось так, что в военкомате нашелся старый знакомый, и вожделенную справку, в нарушение всех инструкций, я получил гораздо быстрее. Так что уже почти месяц свободен в своих желаниях, как муха в полете.

И тут в дело вступили Кузнецовы. С этой семейкой я подружился довольно давно – как только в Москву перебрался и снял квартиру на одной площадке с «микроскопическими». «Микроскопическими», потому что Светка была ростом метра полтора, а Мишка выше нее всего на полголовы. Но мелкий рост они компенсировали большими достижениями на ниве частного бизнеса, являясь владельцами довольно процветающего туристического агентства.

В общем, как только Мишка узнал, что Корнев стал выездным, он тут же начал зазывно шевелить бровями, надувать щеки и соблазнять разнообразными турами. Соблазнение обычно сопровождалось показом фотографий с комментариями и было достаточно завлекательным. Но дело упиралось в то, что я копил себе на машину, поэтому в средствах был ограничен. Только Кузнецовы не сдавались и за пять дней до моего очередного отпуска затащили соседа к себе, поставив перед фактом. Точнее, пока Света накрывала на стол, Мишка хлопнул передо мной цветастый проспект, торжественно объявив:

– Помнишь, я тебя спрашивал, какую сумму ты можешь потратить для отдыха? Ну, чтобы свою автомечту не похерить?

– И что?

– Радуйся! Ты едешь в Израиль!

От неожиданности я закашлялся и удивленно поинтересовался:

– Это с какого перепуга? Чего я там, у евреев, забыл? Да и насчет машины ты знаешь...

Мишка хмыкнул:

– Машина останется в неприкосновенности. Просто я добыл для тебя горящую путевку, и по деньгам это получится дешевле, чем в Ялту смотаться. Вот, цени, какие у тебя друзья есть! Теперь хоть за границей побываешь. Увидишь, как там классно! Море, пляжи, девушки, экзотика. Десять дней сплошного безделья и флирта! Поездки по значным местам и дайвинг по желанию! Хочешь, можешь даже с парашютом прыгнуть!

Выставив ладони вперед, я отказался:

– Нет уж. Напрыгался уже.

Собеседник покладисто согласился:

– Не хочешь, не прыгай. Но зато хоть почувствуешь разницу в обслуживании, между совковыми пансионатами и иностранными отелями. Да и вообще, сам прикинь... Ты ведь с приятелями в Карелию собирался, на сплав по речке? Так не лучше за те же бабки за бугор рвануть? И никаких тебе комаров.

– Угу, понятно. – Постучав пальцами по столу, я ехидно спросил: – Поёшь ты хорошо, а в чем подвох? Там что – жить в бараке придется? Или кормежки не будет?

Миха возмутился:

– Какой еще барак? Нормальный отель! Точнее – отели, так как ты аж в трех местах успеешь пожить... Стараешься тут для него, а он еще выкобенивается!

– Слушайте, вы, банда лилипутов, не надо меня лечить! Почему ты мне эту путевку настолько дешево втюхиваешь?

Тут вступила в разговор Светка:

– Потому что она «горящая». Да и еще есть нюанс – группа будет не наша, а иностранная. То есть требуется знание языка. Но учти, что иностранцев обычно обслуживают лучше, а ты английский знаешь в совершенстве, так что какая тебе разница, с кем пить?

Съездить за бугор, тем более за такие смешные деньги, очень хотелось, поэтому я, удовлетворенный ответом, пожав плечами, произнес:

– В общем-то никакой... Спасибо, ребята!

Вот так день 17 июля 2015 года и вошел в историю моей жизни как поворотный и полностью ее изменивший. Но тогда я этого еще не знал и, спокойно отдав Кузнецовым документы, с жаром принялся изучать по Интернету гражданскую жизнь страны под названием Израиль. Что собой представляет военная его часть, мне было приблизительно известно. Тактика, техника, вооружение, состав армии, способы работы спецслужб – это еще в институте давали, при изучении армий иностранных государств, и вузовские знания не совсем выветрились из головы. Но вот чем дышат мирные люди? О них я мог судить только из новостных выпусков и передачи «Клуб путешественников». Наверное, поэтому страна евреев у меня прочно ассоциируется с Мертвым морем, в котором даже спяну не утонешь, пустыней и Стеной Плача, возле которой странные мужики в черных шляпах бьют частые поклоны. Еще в тех ассоциациях присутствовали неисчислимые легионы злобных арабских террористов и маца, которую я себе представлял в виде пирожков с мясом. Почему именно с мясом, не знаю, наверное, это как-то связано с «кровью христианских младенцев», на которой ее, судя по анекдотам, замешивают. Ну и конечно, песней «Семь-сорок», пользующейся неизменным успехом в наших кабаках.

А уже через неделю, когда я прилетел в «землю обетованную», выяснилось, что маца – это вовсе не пирожок, а пресная лепешка, пустыня тут присутствует, но садов и деревьев больше. Арабские террористы после того, как месяц назад закончилась крупная заварушка на ливанской границе, сидят тихо, как мыши под веником, и песня «Семь-сорок» здесь гораздо менее популярна, чем в России.

Но самое главное, я понял, что значит – «иностранная группа». Оказывается, это толпа забугорных пенсионеров, которые если и пьют, то тайно и лишь в своей тесной компании. А так как отель был небольшой и русских в нем не было вообще, я двинул в город. И сделал два вывода. Первый – Хайфа особо красива вечером, и второй – даже при полном незнании английского, здесь не пропадешь. В Хайфе можно знать только один язык – русский. Этого вполне достаточно, так как за несколько дней гуляния по городу я видел только вывески и указатели на иврите, но не встретил ни одного человека, который бы не понимал по-русски. Меня даже начали терзать сомнения, а есть ли за этой границей иностранцы вообще? Ведь даже два афериста, пытающиеся развести лоховатого с виду туриста на бабки, и те радостно вешали лапшу исключительно на языке Пушкина и Лермонтова.

Единственное, где нужен был английский, так это на экскурсиях. И то, потому что группа была иностранная, а искать соотечественников в других отелях, чтобы присоединиться к ним на ознакомительных выездах, мне было влом. И так все устраивало. Огорчало лишь одно – только я познакомился с одной симпатичной киевлянкой, как мы сменили отель и вся группа переехала в южную часть страны. Это было обидно – девочка была очень даже ничего, во всех смыслах. Но зато на новом месте было Мертвое море, к которому прилагались лечебные грязи и душ. В море я дрейфовал, как непотопляемая баржа, в грязях изображал из себя свинтуса, измазавшись черной, вязкой массой с ног до головы. А если учесть, что у кромки воды нашел халявный сувенир в виде полностью заросшей соляными кристаллами палочки, то, считай, день вообще удался.

А на следующее утро нас потащили на экскурсию к какой-то старинной крепости, развалины которой здесь пылятся еще со времен Крестовых походов. Крепость была интересна, гид тоже не подкачал, напрягало лишь одно – жара, которая сильно смазывала общее впечатление от созерцания руин...

Тем временем экскурсовод сделал приглашающий жест, и толпа, как цыплята за наседкой, потянулась за ним в сторону выхода. Я тоже, выбравшись из тенька, добавил ходу, прислушиваясь, о чем это все так оживленно галдят. Оказывается, гид предложил быстренько сгонять в еще одно место, находящееся сравнительно недалеко отсюда. Там, дескать, находится один жутко древний храм, который раскопали совсем недавно, и поэтому туристов туда пока не возят. Но у нашего провожатого есть нужные связи, так что специально для своей группы он получил разрешение на посещение столь эксклюзивного места.

Лично мне ехать еще куда-то совершенно не хотелось, поэтому я, купив две порции мороженого в самоходном ларьке перед входом, догнал увлеченно размахивающего руками гида и озабоченно спросил:

– А храм, он большой? Мы его долго смотреть будем?

Тот взглянул на мою кислую физиономию и, улыбнувшись, ответил:

– Не больше получаса. Но вы точно не пожалеете! Впечатлений останется на всю жизнь!

Пожав плечами, я полез на свое место в автобусе, машинально отметив, что привлечение мое внимание девчонки тоже грузятся в свой ярко-желтый «жук» и явно собираются ехать следом за нами. Ну-ну. Видно, сержантиха еще не наобщалась со своим бойфрендом и решила сопровождать его дальше.

А когда все загрузились, автобус резво покатиł вниз по дороге. Экскурсовод безостановочно трещал в микрофон, и все, следуя его указаниям, послушно крутили головами налево и направо, разглядывая местные достопримечательности. Потом мы свернули с трассы и еще какое-то время двигались по довольно пустынной дороге, до тех пор, пока, въехав на очередную горку, не увидели на ней какие-то развалины. По сравнению с уже увиденными они мне показались полным фуфлом. Остатки стены, строения, похожие на сараи без крыш, башенка, торчащая метрах в ста от основных построек, и в общем-то все.

Но иностранцы, горящие желанием приобщиться к вечному, держа наготове свою фотоаппаратуру, бодро вывалились наружу и, весело гомоня, потопали куда-то внутрь этой груды обломков. Я же, выйдя последним, несколько приотстал, крутя головой в поисках необходимой мне детали пейзажа. Просто воды надулся, аж в ушах булькало, вот и придавило. Но биотуалета, типа «продвинуто-экологический сортир», нигде не наблюдалось. Прав был гид – туристов сюда точно не возят, и инфраструктуры нет никакой. На площадке стояли только наш пепелац, девчачий «жук» и чей-то фольксвагеновский микроавтобус. Тоже, наверное, туристов привез...

Поэтому, хмыкнув и воровато оглянувшись, я, обойдя кусты и спрятавшись за валунами, оросил древние руины. После сего варварского действия, сильно повеселевший и взбодрившийся, быстро догнал группу, приветливо улыбувшись окинувшей меня взглядом черноволосяй барышне в топике. Взгляд у нее был явно заинтересованный, и я, моментально забыв про бухтящего гида, тут же начал соображать, насколько вообще возможно знакомство с такой красавицей. Ну или даже пусть не романтическое знакомство, а просто общение? Пацан с «узи», тот вроде как на службе, и лезть к нему с вопросами – неудобно. А вот у девчонки было бы любопытно разузнать, как у них вообще в армии служитя? Тут ведь все через вооруженные силы прошли, значит, тема ей знакома. Сначала, правда, было сомнение, а поймет ли она меня вообще, но потом прикинул, что по-английски тут вроде все спикают, поэтому языкового барьера быть не должно. Единственно, пока они болтают с автоматчиком, как-то неудобно влезать в разговор...

И тут мне повезло – у чернявой зазвонил телефон, и, оставив подружку говорить с парнем, она отошла на несколько шагов в сторону. Стоя возле стены, я подобрался, выбирая момент, когда девушка уже закончит разговор, но еще не успеет вернуться к своим друзьям. Тогда-то ее и можно будет перехватить, завязав беседу. Все рассчитал очень точно, но как раз

когда она, что-то прощально прочирикав в трубку, захлопнула флип телефона, день потерял свою жаркую томность и события понеслись вскачь.

Мы все стояли на центральной площади, как вдруг со стороны башни донесся еле слышимый хлопок, после которого охранник мягко свалился на выщербленную временем брусчатку, громко брякнув автоматом. В первые секунды никто ничего не понял, и народ только начал оборачиваться на звук падения, как хлопок прозвучал снова, а голова лежащего парня дернулась и вокруг нее стала быстро расплываться кровавая лужица.

Все планы познавательной беседы от увиденной картинки моментально испарились, и я просто застыл возле стенки, тупо пялясь на убитого солдата. В том, что он убит, сомнений не было совершенно. Когда мозги выстрелом выплескивает из черепной коробки, то диагноз оспариванию не подлежит. Но все случилось настолько неожиданно, что машинально отметив приблизительное местонахождение снайпера, бывший крутой спецназовец Корнев не стал ни искать укрытия, ни предпринимать еще какие-либо действия, а как последний гражданский лох впал в ступор. Даже рот приоткрыл от удивления. А вы что хотели? Стою тут весь в неге и расслабленности, разглядывая природу и баб, как вдруг – стрельба, трупы. Это кого хочешь из колеи выбьет.

Но с другой стороны, пока тело пребывало в опупении, башка после некоторой заминки стала выдавать самые разнообразные мысли. Начиная с неинформативной – «Опаньки – это что за фигня?» и заканчивая более умными, с попыткой анализа ситуации. А этот анализ говорил, что мы, похоже, очень крепко попали. Снайпера, они ведь обычно в одиночку не ходят. Значит, есть прикрытие. И это прикрытие, скорее всего, уже почикало нашего водителя, который остался возле автобуса. Вернее, не «скорее всего», а точно. Ведь буквально за мгновение до падения охранника на землю я услышал со стороны площадки какой-то странный звук, но не успел его идентифицировать, так как начал работать снайпер. А теперь могу уверенно сказать, что тот звук был похож на выстрел из оружия с глушителем.

Тут меня опять заклинило, наверное, из-за полнейшей нестандартности ситуации. Я просто-напросто не знал, что делать. Самый оптимальный вариант – бегство без оглядки – не выдерживал даже поверхностной критики. Стрелок на башне наверняка четко отслеживает весь внутренний дворик. Да и те, снаружи, тоже вряд ли клювом будут шелкать. При подобных раскладах, несмотря на безобидную панамку веселенькой расцветки, шорты и сандалии, меня могут посчитать опасным смутьяном и превентивно шлепнуть, дабы не делал лишних движений, смущая остальных туристов. А что – это хорошо укладывается в схему взятия заложников. Одного пристрелить, зато остальные сразу станут послушными, как овечки. Быть пристреленным не хотелось категорически. Становиться заложником, с непредсказуемыми последствиями – тоже.

Или, может, все-таки решиться на рывок? Сейчас вот шмыгнуть в арку, за которой идет ход в сарай. А там куча проломов, через которые можно будет выскочить и скрыться в рощице. Но вспомнив про свою форму одежды, я скривился. Угу – шмыгнуть... В сандалях... Далеко же в них убежишь, особенно когда через каждые три шага надо вытряхивать попавшие камушки. Зараза! Ведь хотел же кроссовки надеть, но посчитал их слишком жаркими. А теперь тяга к прохладе выходит боком...

В общем, мои сомнения и сожаления продолжались довольно долго. Секунды две как минимум. А потом рав турай, стоявшая ближе всех к упавшему парню, наклонилась над ним и с башни раздался новый выстрел, от которого барышня, не успев выпрямиться, свалилась на убитого.

От неожиданности я подпрыгнул и коротко матюгнулся. Да ё-моё! Она ведь не ствол схватить хотела, а просто сунулась помочь, но снайперу, похоже, было все равно – он тупо валил всех, кто мог бы воспользоваться лежащим возле трупа автоматом. Или просто мочил тех, кто был в форме и представлял хоть какую-то угрозу? Мысль еще не оформилась до конца,

когда над ошарашенной увиденным группой прозвучал первый старушечий визг. Все сразу зашевелились и загомонили. Кто-то присел, лихорадочно оглядываясь, кто-то, наоборот, засеменил в сторону арки, откуда мы пришли.

Меня этот визг тоже побудил к действию. Но не к бегству. Просто видя, что чернявая, с которой я так хотел познакомиться, сейчас бросится к своей упавшей подружке и, вполне возможно, спровоцирует стрелка на новые жертвы, я, не сходя с места, громко сказал:

– Эй, ты, стой! Стой, где стоишь!

К счастью, оставшаяся в живых барышня понимала английский, поэтому и не сделала пары последних в своей жизни шагов, вместо этого оглянувшись на меня. А я, пользуясь тем, что привлек ее внимание, опасно поглядев в сторону башни, как можно более внушительно произнес:

– Не подходи к убитым. Снайпер может посчитать, что ты хочешь взять оружие, и опять открыть огонь.

Пока это говорил, очень медленно подходил к ней. А подойдя, ухватил за предплечье. И вовремя, так как девушка, попытавшись вырваться, воскликнула:

– Но там Кейла! Она ранена!

Угу, как же – ранена! Пуля твоей подружке прямо в затылок вошла... И если она еще жива, тут подручными средствами явно не обойдешься. А сунешься помогать – сам дырку схлопочешь... Поэтому, ничего не объясняя, я затащил вырывающуюся девчонку под арочный козырек, тем самым выходя из сектора обстрела, и уже спокойнее сказал:

– Она убита. Поверь мне. Ты сама в этом через пару минут сможешь убедиться, когда все решится.

Чернявая еще пару секунд машинально потрепыхалась, но потом до нее дошли мои слова, и она, в упор глянув карими глазами, выпалила:

– Как – убита? Что решится? Откуда вы знаете?

Черт! И как ей быстро объяснить то, что я, пока соображал, бежать или не бежать, для себя уже все разложил по полкам? И выстрелы снаружи, и работу снайпера... Похоже, у арабов очередной раз крышу снесло и они решили для какой-то неведомой мне цели захватить заложников. Только вот раньше я про подобные захваты даже не слышал. Здесь ведь граница на таком замке, что никакому Карацупе¹⁰ не снилось! И «колючка», и секреты, и камеры, и минные поля, и мобильные посты на всем ее протяжении. А так как эта протяженность просто смешная, то евреи прикрываются от арабов очень качественно.

Единственно, что можно сказать уверенно – нас тут уже ждали. А это значит, что или гид в доле с бандитами, или он просто языком трепанул про то, что повезет свою группу в столь удаленное от обычных маршрутов место. Хотя нет, судя по выпученным глазам нашего провожатого, он не при делах. Та-ак... но он ведь араб. Сам хвастался, что из какого-то бедуинского рода происходит. И если учесть, что родственников у них немерено, то вполне может быть, что кто-то из его клана передал новость про поездку. Передал кому следует, наплевав при этом на безопасность своего соплеменника...

Угу... похоже на то. Не могут ведь террористы неделями на объекте сидеть, добычи дожидаясь? Значит, приехали незадолго до нас. Интересно, какие же рискованные отморожки на это решились? Палестинцы? Не-е-т... Те исключительно с евреями воюют, развлекаясь самоподрывами в людных местах. Только даже в этом случае стараются, чтобы иностранцы под удар не попали, ибо это сильно чревато потерей имиджа. А имидж для них – это всё. И поддержка в европейских странах, и деньги, и гуманитарная помощь... То есть отказываться от большой халявы ради сомнительного теракта палестинцы точно не будут. Не стоит овчинка выделки...

¹⁰ Карацупа Никита Федорович – легендарный советский пограничник. За 20 лет службы задержал 338 и уничтожил 129 вооруженных нарушителей границы.

А что я вижу сейчас? Хм, нападение на зарубежных туристов на чужой территории... У нас в группе – американцы, канадцы и австралийцы. И это значит, что за захватчиками начнет охотиться как минимум четыре страны. Четыре, потому что евреи это дело, разумеется, тоже просто так не оставят. Россию, выступающую в защиту своего гражданина, попавшего в подобную передрагу, я себе представляю слабо, поэтому относительно нее иллюзий даже строить не буду. Только ведь и перечисленных стран вполне хватит для огромнейшего скандала.

Угу, все верно, но как быть с правилом насчет того, что израильтяне с террористами переговоров не ведут? Они их тупо стреляют при каждом удобном случае... Стоп. Но ведь в данном случае атакованы не их граждане, и поэтому говорить придется.

Наверное, на это и рассчитывают террористы. И чтобы боевиков во время переговоров еврейский спецназ не почикал, они будут прикрываться нами, как живым щитом.

Так-с... Вспомнив традиции и привычки местной спецуры, я задумчиво пожевал губу. Не, не канает... Израильтяне могут просто наплевать на сохранность иностранцев и действовать как обычно, чтобы не создавать прецедент. Налетчики этого не могли не просчитать... Тогда что же получается? Какая цель всей этой бодяги? И главное – как террористы уходить собираются? Ведь не вечно они с нами сидеть будут? Нас им вывезти не дадут однозначно, а время прибытия местного спецназа по тревоге какое-то очень маленькое... Насколько помню, чуть ли не двадцать минут, и – они на месте. Тут ведь достаточно одного выстрела... Ага... а стрелки пользуются оружием с глушителями... Значит, раньше времени шум поднимать не хотят. А чего они тогда хотят?

Мозги кипели, ответа не было, но сейчас, судя по всему, должны появиться основные действующие персонажи, которые избавят меня от сомнений и заодно от объяснений с зажатой в угол девчонкой.

Я как в воду глядел, потому что буквально сразу после вопроса фигуристой кареглазки на площадь выскочили трое мужиков с автоматами. И их вид развеял последние сомнения относительно национальной принадлежности террористов. Во всяком случае, у евреев точно не было принято заматывать морды куфией¹¹.

Автоматчики появились и сразу принялись за дело. В первую очередь они развернули троих престарелых канадцев, которые так и не успели добраться до дыры в ограждении, и жесткими тычками погнали их обратно. Меня, вместе с барышней, тоже извлекли из-под козырька и пинком указали направление к остальным туристам. В общем, буквально через минуту тургруппа сгрудилась возле недоразрушенной стены. Шипя сквозь зубы от боли и потирая ушибленный копчик, я безропотно встал, где было указано, и с нарастающим удивлением наблюдал за дальнейшими действиями террористов.

Нет, это понятно, что заложников надо запугать до такой степени, чтобы у них и мысли о сопротивлении не возникло. Только мне сильно не понравилось, как один из арабов поступил с австралийской бабкой. Остальное турье, приседая от страха, выполняло все указания захватчиков, а эта старуха, впад в шок, начала визжать. Я бы еще понял, если бы ей вlepили пощечину для успокоения. Но вот то, что австралийке дали прикладом автомата между лопаток, наводило на интересные мысли. Ее ведь не просто толкнули, а вlepили не жалеючи. Старуха, неестественно выгнувшись, аж влетела в толпу, где и сползла на землю. Это, конечно, укладывалось в рамки запугивания, но тут уж надо было или стрелять, или обращаться мягче. Свежий труп предостерег бы людей от необдуманных действий. А покалеченная бабуся, вместо спокойствия среди заложников, создаст террористам массу проблем. Потому как если убитый за непослушание застрашает остальных и тем самым принесет пользу захватчикам, то за раненым надо ухаживать. И добивать раненого тоже чревато – это может озлобить заложников и вывести их из повиновения.

¹¹ Мужской головной платок, у нас более известный как «арафатка».

Непонятны мне эти арабы. С одной стороны, вроде крутые профессионалы. Уже одно то, что они смогли проникнуть на территорию Израиля, данный факт подтверждает. Но вот как они с нами обращаются... Хм, такое впечатление складывается, что бандюки с захваченными людьми вообще никаких отношений выстраивать не собираются. Только это противоречит логике. Ведь за каким-то чертом нас взяли? И явно не для того, чтобы демонстративно изничтожить. Деньги будут требовать небось. Или, как вариант, захотят освобождения своих кентов, томящихся в лапах «кровавой гѣбни». То есть бррр... в лапах Шабак¹².

Но вот как они уходить собираются?! Меня почему-то очень сильно интересовал этот вопрос. Тут чувствовалась какая-то закавыка, но я никак не мог понять, какая именно.

А террористы, пока я размышлял, потирая ушибленную пятую точку, времени не теряли. На отличном английском языке они потребовали, чтобы все отдали им свои телефоны. В принципе – вполне ожидаемый ход. Кстати, я даже не сомневаюсь, что если бы кто-то после убийства нашего охранника достал телефон, снайпер бы его тут же снял. И именно поэтому стрелок дал девчонке, которая до сих пор цепляется за мою руку, убрать в карман «сотку» и только потом открыл огонь. Ведь в противном случае она могла бы успеть сказать о захвате. А если бы он начал отстрел с нее, то парень с «узи» мог бы успеть укрыться и создать массу заморочек. Точнее, в обоих случаях поднялась бы тревога и очень скоро тут оказалось бы много обозленных вояк с оружием.

Но это все лирика, а с момента первого выстрела снайпера и пяти минут не прошло, как нас согнали в кучку, обыскали и выстроили вдоль стенки, после чего один из арабов что-то пробормотал в уки-токи и во дворе появились еще два персонажа. Один квадратный, как Шварценеггер, и ростом под два метра, зато второй – его полная противоположность. Я вначале даже подумал, что это баба. Но когда недомерок, пройдя вдоль строя заложников, остановился перед каким-то мужиком лет шестидесяти и заговорил, стало понятно, что к женщинам он явно не относится. Он относится к щеглам, лет восемнадцати-двадцати. Только, судя по замашкам, малолетний шкет и есть старший всей этой команды. Вон остальные как на него поглядывают. А Шварценеггер при нем, получается, замом работает? Или дядькой-нянькой? Черт, ничего не понятно! И времени обдумать эту странность тоже не было, так как разговор между пацаном и американским дедком полностью привлек мое внимание.

Недомерок, остановившись напротив престарелого туриста, сдернул с фейса платок и, как-то криво улыбаясь, сказал по-английски:

– Ну что, полковник, как видите, мой отец держит слово. И ваша встреча все-таки состоится...

А потом, даже не оборачиваясь к своим нукерам, просто шевельнул пальцем. После этого шевеления двое арабов резво подскочили ближе и, ухватив мужика за руки, поволокли его в сторону выхода.

Я, как и все остальные, просто повернул голову, глядя вслед американцу, а мозги в это время опять заработали на полную катушку. Ничего себе! Это что же получается? Арабам ВСЕ заложники не нужны? Им нужен был только тот, которого щегол назвал «полковником»? Именно для его поимки и была задумана вся эта операция? А как же мы? Что с нами эти сыны Ближнего Востока делать собираются? Хотя «сынами» этого самого Востока являются далеко не все из террористов. Здоровяк, он больше на европейца похож. Во всяком случае, глаза, видимые в щель куфии, светлые. И цвет загара немного другой...

Да ё-мое! Какая разница, кто он – сириец, француз или англичанин? Тут главное – нам теперь чего ожидать? А Шварценеггер тем временем, наклонившись к пацану, что-то сказал по-арабски. Что, я, разумеется, не понял, но судя по всему, поняла держащаяся за мой локоть еврейка. Она сильно сжала пальцы и, уткнувшись носом мне в плечо, чуть слышно произнесла:

¹² Служба безопасности Израиля.

– Они нас всех убьют...

У меня от такого «радостного» известия аж колени ослабли. И нутро в узел скрутило. Наверное, потому что поверил ей сразу и безоговорочно. Вроде явных предпосылок не было, но жопа-вещун, как только я услышал разговор с полковником, сразу дала знать, что мы попали конкретно. Мозги еще не могли все факты сопоставить, а интуиция уже все разложила по полочкам. Только тогда я все-таки надеялся, что это попадалово будет не НАСТОЛЬКО конкретным...

А когда самая первая, противно-липкая волна страха немного отступила, мне стало очень обидно. Нет, вот надо было перетянуть на другой конец света, чтобы тебя, за твои же собственные деньги, ухлопал какой-то недоделанный житель пустыни? Твою маман! Да лучше бы на меня дома кирпич свалился! По крайней мере, это не настолько экзотическая смерть. А самое смешное, что я этих бандитствующих потомков Али-Бабы только по телевизору видел! Вот сидел бы в Москве, так и дальше наблюдал бы все эти разборки исключительно по ящику. Не-е... меня сюда принесло! Как будто своих отморожков прямо на дому не хватало...

Обида на собственную невезучесть несколько заглушила панику, и поэтому снова включилось рациональное мышление. Радости оно не принесло, зато появилось хоть какое-то занятие. Теперь можно было досконально обдумать, почему я поверил словам девчонки о том, что нас завалят?

Хм, да все просто! Я наконец-то понял разгадку той загадки, что меня мучила с момента убийства охранника. Они нас не собираются куда-то везти. Переговоры проводить тоже никто не будет. Это ведь не террористы, и им заложники в пупок не уперлись. У этих козлов спецоперация была с задачей – захват американского полковника. И они ее выполнили. Без шума, без пыли. Причем очень быстро, буквально за пять минут. Так что теперь им надо быстро уходить. Но и фора по времени тоже нужна. Хотя бы на полчаса. До тех пор, пока сюда следующая экскурсия не пожалует или дикие одиночные туристы не забредут. За эти полчаса они через пол-Израиля при желании проскочить успеют. Причем совершенно не таясь, а как вполне добропорядочные граждане. Не зря ведь даже одеты боевики не как обычно – во что-то грозно-военное или полувоенное, при разгрузках, берцах и прочих прибабах, а вполне обычную гражданку. И скинь они «арафатки», ремни с подсумками да пистолеты-пулеметы, как моментально внешне перестанут отличаться от туристов или местных жителей. И ищи их, свищи... А американца по своим каналам потихоньку переправят в нужное место. Или здесь же, у евреев, встречу с папашей этого женоподобного типа проведут, и всё.

Ну а мы – лишние свидетели. Да и стоим уже возле стенки, как по заказу. Чего уж проще – в три ствола замочить двенадцать человек... Это десять секунд времени. И еще немножко на добивание раненых. После чего бросить оружие, рассесться по машинам и – гоу! Документы-то у них наверняка в полном порядке, поэтому никаких проверок на дороге эти ребята не боятся...

Стоп. А может, нас просто свяжут всех, кляпы в рот запихнут и уедут? И останутся все живы-здоровы! М-м-м... цыкнув зубом, я скривился. Шиш! Мы знаем задачу, мы видели лицо главного, мы слышали разговор про недовольного отца... Нет, живыми не выпустят. Да и просто нажать на курок гораздо быстрее, чем качественно запаковать такое количество людей. А потом они возьмут один или парочку трупов с собой, отвезут к подножию горы и закинут в овраг. После этого исчезновение полковника уже вовсе не так будет бросаться в глаза. Что даст еще какую-то фору и запутает следствие. Пусть и на время...

Глава 2

От этих мыслей мне стало совсем нехорошо. Но почти сразу появилась злоба. Фигасе! Какие-то бедуины-бабуины меня просто так, походя, пристрелят? Эх, сюда бы ствол, я бы им показал, что такое русская спецпура! Но с голыми руками шансов нет... Даже если прыгну на пацана, то здоровый меня в полете срежет...

А может, чернявая с переводом ошиблась или не так их расслышала? С внезапно вспыхнувшей надеждой я повернул голову налево и, стараясь не шевелить губами, уточнил:

– Они прямо так и сказали, что убьют?

Мне в ответ тихонько всхлипнули:

– Большой сказал молодому что-то вроде – «господин, идите в машину, мы сами тут все закончим». А молодой отказался...

Нет, не ошиблась... Точно – хана...

И глазки у этого малолетнего упыря что-то уж совсем странно загорелись. То ли маньячит потихоньку, то ли в первый раз в жизни людей кончать будет, вот и мандражирует. Ухватившись за эту мысль, я приказал себе перестать трястись и попробовать прикинуть дальнейшее развитие ситуации. Может, хоть что-то это даст. Так... шегол явно нервничает, постоянно облизывая губы. Да и пальцами – вон как рукоятку автомата сжал. Сейчас его вскинет и начнет стрелять? Хм, вряд ли... Ему для стрельбы повод нужен будет. Это здоровяк без особых эмоций всех бы покрошил. Потому как профессионал. А мелкий змееныш волнуется. Но и упиывается ситуацией. Так, так, так... Истероидный тип? Угу, похоже. Значит, наверняка – будет искать повод. Доколуется до какой-нибудь мелочи, разорется и только потом, брызгая слюной, начнет палить. Весь магазин выпустит, тем самым доказывая, что он взрослый мужчина и кровавых дел не боится. Себе доказывая, Шварценеггеру-няньке, бойцам своим вонючим, папику долбаному...

Ага – вроде пока все логично. То есть для начала он обязательно должен подойти к кому-то из нас и завести разговор. Понятно, что их время сейчас сильно поджимает, но с момента уничтожения охранника прошло всего несколько минут. Шума боевики не наделали и могут себе позволить в боевой обстановке провести дрессуру молодого волчонка. Точнее, не просто рядового волчонка, а сыночка очень крутого папика.

Да уж, действительно, Восток – дело тонкое. Вот захотел отпрыск арабского набоба лично гяуров пострелять, и запретить ему никто не осмелился. У здоровяка только и хватило духу, чтобы мягко ему посоветовать уйти, пока спецы будут заниматься своей работой. А пацан в ответ закусил удила – как же, ведь его уход может быть воспринят подчиненными как слабость. Глупо это, конечно, и непрофессионально... совсем непрофессионально. Но нам сейчас любые ошибки противника на руку...

Единственно – отпустит ли его Шварц одного, пусть даже на эти пятнадцать-двадцать шагов? Или будет идти рядом? Вообще-то должен отпустить. Ведь, идя рядом, он подвергнет сомнению способность мелкого гада к самостоятельным поступкам и тем самым принизит его самооценку. Да и кого опасаться? Толпу старичков? Щупленького полуобморочного гида? Тех трясущихся жиробасов из Лос-Анджелеса? А может, меня с девахой? Вряд ли. Я, конечно, вовсе не выгляжу задохликом, но внешний вид сейчас играет на меня. Одна панамы чего стоит...

Да и не догадываются они, что тут русский затесался. Группа ведь иностранная. А все эти иностранные с детства приучены в подобных ситуациях не рыпаться. Поэтому шегол должен пойти один... Угу – в поисках повода. Будет идти, заглядывая каждому в глаза. Ощущая себя вершителем судеб. Накачиваясь куражом и предвкушением. А как накачается – начнет...

Так может – дать ему повод? Что я теряю? Если он начнет с того края, то шансов вообще не останется. А если ко мне подойдет в упор, то хоть прикрыться им попробую. Автомат сдержу, конечно, не успею. Пистолет... нет, ствол у него в кобуре. Остается нож, рукоять которого торчит из ножен на ремне. Вариант, конечно, дохлый. Очень дохлый, но это лучше, чем ничего. И если здоровяк при нем действительно нянькой работает, то в первую же секунду меня не пристрелят. Не пристрелят из-за опасения зацепить командира. Главное – самому не подставиться. А там – куда кривая вывезет. Но всяко-разно это лучше, чем подохнуть вообще без всякого трепыхания! Уж щегла я завалить сумею и тем самым расстрою Шварценеггера до невозможности. Ведь папаша этого недомерка за смерть сына со всех боевиков голову снимет. Хоть какая-то радость напоследок...

Все эти соображения заняли не больше полудесятка секунд, и арабчонок еще не успел согнать упрямое выражение с морды, возникшее после вопроса своего зама. Выражение-то не согнал, но глазами уже начал обшаривать строй людей, стоящих возле стенки. Значит, сейчас всё и завертится.

План вчерне сложился, и, может, мы со стоящей рядом незнакомкой ошибались в своих предположениях, но быть оптимистом в данной ситуации просто глупо. Упустишь момент – помрешь совсем бесполезно... Да и адреналиновая волна уже пошла по телу. Поэтому, опять повернувшись к еврейке, я тихо сказал:

– Когда все начнется, встань за меня.

– Что начнется?

– Просто держись позади меня. Поняла?

Девчонка, может, и не совсем поняла, но взглянула вполне осмысленно, кивнув в ответ. А я почти в голос добавил:

– Дорогая, отпусти, пожалуйста, руку.

Есть контакт! Араб, который уже собирался подойти к середине строя, услышав мой голос, нехорошо улыбнулся и направился к нам со словами:

– Чего это вы там шепчетесь, дети собаки?

Здоровяк и второй бандит при этом остались на месте, с интересом наблюдая за развитием событий. Даже оружие к плечу не вскинули, продолжая контролировать толпу просто направленными в ее сторону стволами. Здорово! Получается, что подляны не ожидают и дают право пристрелить меня с девахой именно этому салабону. А на себя возьмут остальных.

И нож у арабчонка без предохранительного темляка. Держится только за счет пружины в ножнах. Это радует, так как после начала моего движения каждое мгновение на счету будет. Тем временем сынок высокопоставленного папы, остановившись напротив нас, повторил свой вопрос.

– Чего замолчал, гяур? У себя в Америке вы обычно очень голосистые. А сейчас уже штаны мокрые? – И, обращаясь к наполовину спрятавшейся за меня барышне, добавил: – И ты, еврейская свинья, не прячься, не поможет. Когда твои соплеменники убили моего старшего брата, я поклялся уничтожить тысячу израильтян. Пришло время исполнять клятву.

После чего сдвинул кобуру на живот и картинно положил на нее руку. А я, чувствуя плечом, как трясет прижавшуюся ко мне девчонку, просто стоял, кусая губы. Черт, черт, черт! Прогadal... Этот мудака, конечно, стоит всего в двух шагах от меня, но вот Шварц, хоть и не стал подходить ближе, зато просто сместился по фронту и теперь, вскинув свой «микро-узи»¹³, снабженный длинным набалдашником глушителя, полностью контролирует ситуацию. Стоит мне только дернуться, здоровяк наплюет на все педагогические порывы и просто нашьпигует возникшую для своего подопечного опасность свинцом.

¹³ Израильский пистолет-пулемет калибра 9 мм.

Блин, а я так рассчитывал, что мелкий ублюдок подойдет вплотную и начнет, брызгая слюнями, шипеть мне прямо в лицо. А может?.. Вспомнив любимое словечко нашего курсового «залетчика» Рината Игнатуллина, я пробормотал:

– Иншалла¹⁴.

Бандиту, наверное, показалось, что он ослышался, и, сделав шаг вперед, щегол переспросил:

– Что? Что ты сказал, американец?

И как раз в этот момент с другой стороны нашей шеренги послышался надтреснутый вопль:

– Она не дышит! Не дышит! Вы ее убили!

Шварценеггер и второй автоматчик машинально повернули голову в сторону шума. Арабчонок тоже. И даже захотел отступить назад, дабы получше разглядеть, из-за чего возник незапланированный переполох и кто именно там «не дышит». Но я, начавший работу за мгновение до неожиданного даже для меня вопля, не дал ему этого сделать. Ухватив за тонкую шею, подтянул бандита ближе и со словами: «Я – русский!» – ткнул большим пальцем ему в глаз. Морда у него была повернута, поэтому тычок вышел не очень удачным. Но боевику и этого хватило. А пока он еще только вскидывал руки к поврежденному месту, одним рывком развернул легкого пацана спиной к себе. Кобуру он, конечно, исключительно вовремя сдвинул, вот я и смог заранее разглядеть, что там не пистолет, а револьвер, который вовсе не нужно взводить. Это сыграло решающую роль, поэтому, не связываясь с ножом, схватился именно за револьвер. Здоровяк и автоматчик еще только поворачивались в мою сторону, а я, уже направив ствол в сторону замотанного в куфию мужика с автоматом, сделал два выстрела.

Зараза! Расчет на то, что у них лишь автоматы с глушителем, себя не оправдал... Кургузый уродец в моей руке оказался чем-то вроде нашего ОЦ-38¹⁵, поэтому чуть слышно кашлянул и все. Черт, и где он только добыл настолько эксклюзивный ствол? Хотя какая сейчас разница, главное, что возможность звуком выстрелов поднять тревогу у меня отсутствует! А ведь так надеялся, что бабахами привлеку внимание кого-нибудь. Место, конечно, пустынное, но чем черт не шутит. Вдруг кто-нибудь по округе бродит. Те же археологи, например...

Только, видно, не судьба... Ну и хрен с ним! Главное, что мне удалось попасть и автоматчик упал, а я, не теряя времени на пустые сожаления и пытаюсь спрятаться за щупленькой фигуркой неудачливого террориста, каким-то мерзким фальцетом завопил:

– Оружие на землю! Оружие на землю, а то я убью этого человека! Оружие на землю!

После моего крика послышался топот ног. Ага, понятно, это сюда бегут те, кто полковника к машинам утаскивал. То-то сейчас им радости будет от незапланированно изменившейся ситуации! Или я перед смертью «порадуюсь», если ошибся в своих расчетах и мой заложник представляет гораздо меньшую ценность, чем рассчитывалось.

Но прошло уже секунды четыре, а по мне пока никто не стреляет. Все члены тургруппы, как будто им ноги подрубили, с началом пальбы повалились на землю, прикрыв голову руками, а бандиты всё молчат. И ведь не посмотришь, что они там делают, так как стоит только высунуть голову, как ее моментом прострелят. Тут даже гадать не нужно. Поэтому я и не высывался, продолжая орать, срывая горло:

– Оружие на землю! Быстро! Оруж... Кхе кхе...

От волнения я перестарался в громкости, поэтому, пустив позорного «петуха», закашлялся. Да и английский для показания экспрессии и непреклонности намерений как-то не

¹⁴ Считается, что это значит – «на все воля Божья». Но более верно это звучит так – «может, да, может, нет», и не несет никакой христианской обреченности. То есть, с одной стороны, воля, конечно, Божья, но и человек вполне может поучаствовать в решении своей судьбы.

¹⁵ Бесшумный револьвер под спецпатрон СП-4, разработанный И. Я. Стечкиным.

очень подходит... Наверное, поэтому машинально стал вносить в свои требования русские непарламентские выражения:

– Стволы на землю, суки! Я ему, б...ь, башку сейчас отстрелю, в п...у! Вы, п...ы, маму вашу через семь коромысел, выполнять приказ! Е...е папуасы, быстро оружие положили!

А сам тем временем, чтобы оценить обстановку, присел еще ниже и, используя обмортанную вокруг шеи щегла «арафатку» как удавку, осторожно на секунду выглянул из-под его локтя. Этой секунды хватило, чтобы увидеть, что двое захватчиков, вбежавших во двор, остановились, повинаясь жесту здоровяка, и застыли недалеко от входа на площадь. И вот еще что интересно – действительно у Шварца, когда он услышал русские маты, глаза, видимые в щель куфьи, расширились, или мне показалось? Хотя какая разница? Главное, что они автоматы так и не побросали! Чувствуя противную дрожь в коленках, я выдал длинную матерную тираду на родном языке, закончив ее, однако, по-английски:

– Считаю до пяти и, если вы не бросите стволы, убиваю этого крысеныша! И пох... что будет дальше! Раз! Два!

И тут услышал хриплый бас, ответивший на том же английском:

– А если мы сейчас перестреляем заложников? И первой будет твоя баба! А сам ты пожалеешь, что родился на свет. Лично тебе буду кишки выпускать!

– Ха! Начинай! Тогда вторым, после девушки, будет этот п...ш! И живым вы меня один хрен не возьмете! Три! Четыре!

И бас сломался:

– Стой, не стреляй! Мы положим автоматы и отойдем, а ты отпустишь Ахмета.

После этого послышался металлический бряк. Еще раз выглянув и убедившись, что оружие террористы действительно положили на землю, я продолжил выдвижение требований:

– Эй, здоровый, возьми рацию и скажи снайперу на башне, чтобы выбросил винтовку! Говори!!!

Этот снайпер был самым уязвимым местом моего плана. То есть там была, конечно, целая куча этих мест, но снайпер... Я ведь его не видел и поэтому, пока тыкал в глаз арабчонку, попутно выдирая ствол, все время ожидал выстрела. Но видно, стрелок тоже несколько отвлекся на крик, поэтому момент упустил. Или, что гораздо вероятнее, как только боевики взяли ситуацию под контроль, занялся наружным наблюдением, следя за дальними подходами. А когда все завертелось и я уже палил в автоматчика, то он мог видеть только мою руку с револьвером. Вот и побоялся работать, опасаясь задеть главаря. Да и сейчас наверняка какие-то части моего тела, выступающие из-за щегла, он может наблюдать. Но, видимо, не жизненно важные, поэтому и не стреляет. Ведь если меня только ранить, я всегда могу успеть нажать на курок, а лишняя дыра в организме арабчонку точно здоровья не прибавит!

Но от этого стрелка один черт надо избавляться как можно быстрее, поэтому мне пришлось снова завести счетчик:

– Б...ь! Не вижу винтовки! Считаю до пяти и валю вашего п...а! Раз! Два! Три!

– Подожди! Сейчас, сейчас он ее выбросит!

Ага – здоровяк опять поддался и что-то начал говорить по-арабски. Наверное – в рацию. А я спросил у стоящей за моей спиной девушки:

– Чего он бормочет?

– Не слышу... Кажется, что-то про оружие.

– И что?

– Пока ничего... подожди... вот! Выкинул!

Ну, одной головной болью меньше. Но только одной. На самом деле все только начинается, а чем закончится, вовсе не известно. Сильно ткнув стволом начавшего трепыхаться заложника, я более смело высунул голову и окинул взглядом создавшуюся диспозицию. Понятно, что у снайпера есть альтернативное оружие, но до бойницы, откуда выпала винтовка,

достаточно большое расстояние, поэтому пистолета можно не опасаться. Да даже если там и автомат, точнее говоря, пистолет-пулемет у помощника снайперюги найдется, то стрелять все равно никто не решится. Пока не решится. Но стоит мне отпустить заложника, из любой щели могут начать пальбу. Я ведь не знаю, сколько их всего собралось. В принципе, должно быть не более десяти человек. То есть от семи до десяти. Один уже лежит. Один у меня. Трое передо мной. Один-два на башне. А где еще трое, можно только гадать.

Радует, что за спиной стена капитальная, без проломов, и оттуда ни одно мурло не вылезет. Но больше поводов для радости не вижу. Пока сыночек крутого папы пердит от переживаний, выгибаясь от упертого в поясницу ствола, все застыло в равновесии. Только вечно так продолжаться не может...

Всей шкурой ощущая общую напряженность ситуации, я обильно потел, чувствуя себя мужиком, поймавшим тигра за хвост. И держать боязно, и отпустить – смерть. Правда, потел не просто так, а попутно перебирал варианты. В конце концов, решившись, крикнул стоящим шагах в двадцати от меня бандитам:

– Снимайте подсумки и отходите к выходу. Вон туда! Когда мы заберем автоматы, я освобожу вашего человека!

Здоровяк, просунув руку под платок, поскреб шею, а потом, повелительно кивнув стоящим рядом арабам, принялся стягивать с себя амуницию. Через минуту, покидав боеприпасы рядом с оружием, они отошли еще шагов на тридцать, расположившись возле кучи валунов перед входом. А я, очередной раз ткнув стволом в почку мелкого крысеныша, которому никак не стоялось смирно, спросил у девчонки:

– Тебя как зовут?

Та, не выходя из-за моей спины, ответила:

– Майя¹⁶.

Хм, имя какое-то не еврейское. Но сейчас это роли не играет никакой. Поэтому, не теряя времени на посторонние мысли и понимая, что помощи ждать мне больше все равно не от кого, попросил:

– Майя, ты сейчас медленно и спокойно подойдешь к лежащему оружию, соберешь автоматы и подсумки, после чего принесешь всё сюда. Поняла?

Барышня от такого предложения вздрогнула, но после пятисекундного молчания ответила:

– Поняла. Только мне очень страшно...

Я вздохнул:

– Мне тоже, но деваться некуда. Если я сам пойду, да еще и вместе с этим арабом, то меня из любой дыры могут пристрелить в спину. Если я начну передавать тебе револьвер и меняться местами, чтобы ты встала возле заложника, то в этот момент нас тоже кто-нибудь сможет подстрелить. И тогда всех положат. А пока этот пацан у меня в руках, тебя не тронут... Ну что, сделаешь?

Девчонка вместо ответа всхлипнула и, вывернувшись из-за меня, какой-то деревянной походкой направилась к амуниции. Ну вот и хорошо... А то я боялся, что она струсит и откажется идти. Тогда – пиши пропало. Но сейчас мы еще повоюем.

Глядя, как Майя, сгибаясь под тяжестью барахла, возвращается обратно, я довольно кивнул и приказал подошедшей девчонке:

– Возьми оружие и подсумок с боеприпасами на себя надень.

Мокрая как мышь деваха, глянув на меня шальными глазами, выполнила все, что было сказано, и, опять спрятавшись сзади, жарко прошептала:

– Там, возле пролома сидит автоматчик. Я его заметила, когда назад шла.

¹⁶ Майя (от *машм* (ивр.) – вода) – еврейское женское имя.

– Понятное дело. Такую хорошую позицию не занять просто нельзя. Ну да черт с ним! Ты сейчас лучше достань во-о-н из того подсумка гранату, слегка разогни усики и дай ее мне.

Получив тяжеленький кругляш, удовлетворенно ощерился – знакомая штучка. Да и как ей не быть знакомой, когда это киданная мною сотни раз русская Ф-1! Продемонстрировав «лимонку» здоровяку, я с трудом запихнул ее в тесный нагрудный кармашек на сетчатой жилетке арабчонка. Запихнул так, чтобы скоба торчала наружу, и крикнул:

– Скажи своим людям, чтобы никто не вздумал стрелять, а то я вашего человека заминировал. Вот видишь – у меня палец в кольцо продет. Если я упаду, то и ему конец!

Шварценеггер, нервно переминающийся с ноги на ногу, заволновался:

– Эй, мы так не договаривались! Ты обещал его отпустить, когда получишь оружие! Мы свое оружие отдали, теперь ты должен выполнить обещание!

Щаз! Спешу и падаю! Совсем меня за дурака держат... Вместо ответа я опять спросил свою напарницу:

– Майя, у тебя веревочка есть?

– Какая?

– Любая! Можно леску или проволочку... что, нет? Жалко... Тогда держи!

Я передал ей револьвер и, не вынимая палец из кольца, принялся стягивать куфию с шеи яростно сверлившего меня одним глазом пацана. Второй у него тоже был на месте, просто в данный момент не открывался, заплыв сильной опухолью. Подмигнув косому пленнику, я отдал платок девчонке, сказав:

– Оторви от нее две полоски и дай мне. Сделай одну ленту потолще, я ею руки этому парню свяжу, а другую тоньше – ее за гранатное кольцо завяжу. Сможешь?

– Конечно!

– Тогда – действуй!

За спиной какое-то время слышалось сосредоточенное сопение, а потом треск разрываемой материи.

– Ой!

Я напрягся:

– Что «ой»?

Майя, разглядывая оторванный шматок, виновато сказала:

– Криво вышло...

– Ничего страшного! Давай его сюда и делай второй пошире, для рук.

Пока девчонка мучилась с «арафаткой», сильно переживающий Шварц, внимательно следящий за моими манипуляциями, снова вступил в переговоры:

– Ты что творишь, скотина? Мы ведь так не договаривались! Немедленно отпусти Ахмета. А то отсюда никто живой не уйдет! Нам без него не жить, но и вы жить не будете!

Я, привязав ленточку к кольцу и намотав на кулак длинный, почти полутораметровый хвост, крикнул в ответ:

– Не ори! Все живыми останутся, если глупить не станешь. Ты сейчас собираешь всех своих людей, и которые возле тебя стоят, и тех, что за стенами прячутся. После чего садитесь в машину и едете вниз, до поворота. Там останавливаешься, и тогда я отпускаю к тебе Ахмета. По-другому никак не разойдемся! Согласен?

– Дай подумать.

– Думай!

В этот момент подала голос наконец-то справившаяся с платком Майя:

– А как же тот турист, которого они с собой забрали? Ну, полковник? Ты их что – с ним отпустишь?

Я кивнул:

– Ага. Иначе ничего не получится. – И видя, что девчонка хочет возразить, пояснил мысль: – Если они заберут полковника с Ахметом, то просто уедут, и все. Ни секунды лишней терять не станут. У них и так операция непозволительно затянулась. Ведь с момента убийства нашего охранника уже минут десять прошло... А вот если я затребую полковника, то, получив Ахмета обратно, они вполне могут пойти на штурм, чтобы вернуть полковника и выполнить свою задачу. В данной ситуации лишние пять минут, при общей тишине и спокойствии вокруг, для них роли не сыграют. Ну а я один против них не потяну. Да и ты ведь не из боевых подразделений? Вот видишь... Значит, бой вести не сможешь. И тогда ляжем все.

– А если им Ахмета не отдавать? Пока он у тебя, смотри, какие они послушные!

Я фыркнул:

– Если боевики заподозрят, что им пацана не отдадут, то штурм начнется еще быстрее. Со всеми вытекающими последствиями. Нет уж! Я не Рэмбо, поэтому пусть забирают обоих и уматывают! Или есть возражения?

Майя, тяжело вздохнув, покачала головой. Хм, быстро же она очухалась от потрясения, возникшего во время захвата. И как всякая женщина, сразу же, как только ситуация более-менее выправилась, захотела большего. Но вообще наш диалог мне сильно напомнил сказку о рыбаке и рыбке. Если конкретнее, то как раз тот момент, со словами: «Не хочу быть царицей земною, хочу стать владычицей морской!» Правда, кареглазая принцесска, в отличие от сказочной бабки, сумела найти в себе силы и вовремя остановиться. А ведь мне нужно было именно ее согласие. Обдуманное согласие, а не выжатое. Просто я должен наблюдать, как арабы грузятся и уходят, а она все это время будет оставаться на месте, держа Ахмета на поводке. И если бы я не стал объяснять побудительной причины своего поступка, то кто его знает, что придет девчонке в голову? Вдруг, почувствовав себя хозяйкой положения, она объявит арабчонка своим личным пленником и начнет качать права? Нет уж! Лучше все разжевать и быть спокойным...

– Эй, русский!

О, здоровяк голос подал!

– Чего тебе?

– Мы согласны! Но если ты опять обманешь или станешь выдвигать новые условия, то мы вернемся и уже тогда разговаривать ни с кем не будем! А смерть твоя будет настолько страшной, что даже я испугаюсь!

– Я тоже пугаюсь, поэтому говорю правду! Если ВСЕ твои люди уедут к повороту, то я сразу же отпущу Ахмета. Он мне не нужен! Мне главное, чтобы вы нас в покое оставили!

– О'кей! Только кто будет за нами наблюдать?

– Я! А девчонка вашего пацана посторожит!

– Не пойдет! Жизнь Ахмета я еврейке не доверю! Пусть она смотрит, а ты его сам контролировать будешь!

Блин! Видно, здоровяк тоже хорошо шансы прикидывать умеет... Но еще раз хоть как-то подставлять девушку мне вовсе не хотелось, поэтому я крикнул в ответ:

– Нет! Я ей доверяю, и этого достаточно! А тебе придется доверять мне. Поэтому начинай действовать!

Шварц сплюнул и махнул рукой:

– Хорошо!

А я, передав веревочку Майе, попросил:

– Смотри внимательно и от стены не отходи. Я скоро вернусь.

После чего, подняв ранее сдернутый с заминированного главаря «узи», замотал ему руки обрывком «арафатки» и, напялив на себя один из трофейных ремней с подсумками, притащенных Майей, потопал в сторону выхода. Шел и по пути сильно боялся, даже не того, что боевики шутки шутить начнут, а того, что наши странные движения могут заметить какие-нибудь

посторонние люди. Пусть вокруг и пустынно, но по закону подлости какой-нибудь водитель из изредка проезжающих по нижней дороге машин разглядит, что здесь происходит. Две минуты назад я об этом мечтал, а сейчас, когда ситуация стала разруливаться, поднятая ими тревога могла бы мне конкретно икнуться. Аборигены тут все дерганные до невозможности, и многие гражданские ходят с оружием. Вот увидят боевиков и вполне могут вообразить себя героями. Ладно, если просто отзвонятся воякам. А если стрелять начнут? Тогда все выйдет из-под контроля и шансов выжить у меня практически не останется...

Но пока нас вроде никто не замечал, и, пройдя к выходу, я мог наблюдать, как террористы грузились в свой микроавтобус и «тойотовский» джип, которого я раньше не видел. Точнее – четверо заскочили в «фольксваген» и еще трое, включая здоровяка, разместились в «тойоте». При этом Шварц, перед тем как сесть в машину, довольно буднично сказал:

– Смотри, русский... Ты, насколько я успел понять, человек достаточно умный. И прекрасно понимаешь, что наше время уже вышло. Так что или через пять минут мы уезжаем с Ахметом, а вы продолжаете жить спокойной жизнью, или мы все, включая вас, превращаемся в шахидов. Мы в добровольных, так как вернуться без сына хозяина просто нельзя, а вы – в вынужденных. Поэтому тянуть не советую.

После чего захлопнул дверь, и джип, выкинув мелкие камешки из-под колес, рванул вниз по серпантину.

Я, глядя им вслед, только сплюнул. Ай-яй-яй... Как все нехорошо выходит... Можно сказать – очень плохо. Нет, меня напрягли не слова здоровяка – они как раз были вполне нормальны и ожидаемы. Мне категорически не понравилось то, что я увидел их машины. Точнее, что мне позволили их увидеть. И это могло означать лишь одно – живым меня по-любому оставлять не собираются. Остальных туристов, скорее всего, не тронут – тут уж не до жиру. А вот русского, который сломал все планы, уберут. Уберут по двум причинам – я видел, на чем они поехали, и, значит, буквально через полчаса полиция начнет искать именно эти колеса. А вторая... Хм, тут все упирается в менталитет и престиж. И то, и другое требовало от Шварца превратить меня в жмурика, чтобы можно было сказать: «Кяфир, поднявший руку на молодого господина, нами уничтожен». Потому как при проведении операции он допустил огромный косяк. И винить в этом косяке будут вовсе не невоздержанного в своих желаниях сопляка, а того, кто допустил, что сына хозяина захватил какой-то турист. И только смерть дерзкого неверного может слегка выправить ситуацию.

Ой, тошненько мне... Хотя... Я очередной раз сплюнул, наблюдая, как машины боевиков подъезжают к повороту, и взбодрился. А чего, собственно говоря, горевать? Ведь предполагал, что они обязательно кого-то здесь в засаде оставят. Или в развалинах, или в «зеленке». Просто не могут не оставить. А вдруг русский опять начнет фортели выкидывать? Тогда этот засадный стрелок меня тупо валит, плюя на все последствия. А потом вернувшиеся бандиты устраивают здесь кровавую баню, после чего героически гибнут в неравной схватке с подъехавшими вояками. В том, что вояки подъедут, я несколько не сомневался. Там, в оставшихся возле Майи подсумках, гранат вполне хватает, так что бесшумное оружие перестает играть. Да и я при падении устраиваю такой бабах, который и в Эйлате слышат.

Это первый вариант развития событий. Второй же, гораздо более приятный для террористов – это тот, где я просто отпускаю Ахмета. И как только он берет гранатный «поводок» в свои руки, меня тут же валит оставшийся в засаде бандит. Валит лишь для того, чтобы Шварц мог сказать коронную фразу насчет «кяфира, поднявшего руку»...

Только вот здоровяк, конечно, может быть, и профи, но, видно из-за большого расстройств, ошибку с машинами допустил. Или просто недотумкал, что я это просеку. А надо было. Зато теперь точно знаю, что меня ждет. Без вариантов. Но на первоначальный план передачи арабчонка это никак не влияет. Ну не думали же они в самом деле, что русский, стоя посреди

дороги, вытащит гранату из жилетки щегла и широким жестом предложит ему бежать к своим? Щаз!

У меня на это свой план заготовлен, и пока машины ехали к повороту, я все, что надо было, приглядел. А надо мне было укрытие, в котором можно было залечь и только потом отпустить заложника. И подходящее место нашлось. С одной стороны прикрытое большим деревом, а с другой – нехилым валуном. Как говорится – то, что доктор прописал! Поэтому, махнув рукой вылезшим возле дорожного указателя боевикам, я повернулся и, скользнув взглядом по нашему автобусу, пошел обратно.

А там практически ничего не изменилось. Лишь двое туристов хлопотали возле лежащей в тенике бабки, да еще один сухонький старичок стоял рядом с Майей, воинственно сжимая в руках кургузый пистолет-пулемет. Да уж, вот что значит старая закалка. Те, кто помоложе, так и валяются жопами кверху, а этот старик... вроде канадец... ну да, точно канадец, один из тех, кто в самом начале сбежать хотел, возбужденно сверкая глазами, при моем подходе поинтересовался:

– Помощь нужна? Ты не смотри, что я старый! Рука еще крепкая! И хоть вот это, – дедок с сомнением взглянул на ствол, – и оружием не назовешь, но будь уверен – не промахнусь.

Хмыкнув, я ответил:

– Конечно, нужна, – и обращаясь к Майе, добавил: – Сейчас пойду отдавать пацана, а ты возьми автомат нашего охранника, да и остальную амуницию, и уводи людей вон в то строение. Пусть у него задней стенки нет, но хоть с боков прикрыты будете.

Барышня, передавая мне веревку, привязанную к кольцу гранаты, кивнула и поинтересовалась:

– А ты?

– Я же сказал – пойду этого крысенюша отдавать. Но если через пять минут не вернусь, начинай стрелять из оружия охранника. Хоть в воздух, лишь бы шум был. Только не раньше, а то меня там ухлопают. Поняла?

– Да. А...

Она как-то замялась, и я вопросительно поднял брови:

– Чего?

– Может, мы этого, – девушка с ненавистью покосилась на пленного боевика, – отпустим прямо отсюда? Зачем тебе выходить? Все спрячемся, где ты посоветовал, и – отпустим. Они ведь не должны вернуться, ты сам говорил... А как отпустим, так сразу стрелять начнем. Это их здорово подстегнет к бегству...

Во блин! Я тут планы рожаю один за другим, а ведь все действительно очень просто! На хрена мне куда-то переться и подставляться под пули, когда можно спокойно занять оборону и только потом выпускать араба! А уж если сразу за этим начать пулять из «узи», то никто сюда уже точно не вернется. Террористам до основной трассы минут десять ехать надо, поэтому они подхватят своего облажавшегося главаря и пулей отсюда рванут, забыв про все планы мести! А я ведь так лоханулся потому, что про оружие убитого парнишки совсем не подумал. Оно ведь без глушителя, так что сейчас такой грохот устроим, чертям тошно станет! Можно было, конечно, снять глушители с трофейных пистолетов-пулеметов, но они почему-то не откручивались, вот я и оставил эту затею. Зато сейчас...

На радостях я чуть было не чмокнул сообразительную девчонку, но неожиданно застыл. Твою маман! Ну не идиот ли? Нет, понятно, что со страха да с переполоха мозги слабо соображали. Но ведь это на поверхности лежало, как же я сразу не допер!

Майя, увидев внезапное изменение выражения моего лица, встревоженно выпалила:

– Я опять что-то не то сказала?

– Нет, ты умница и все правильно придумала. Просто меня еще одна мысль посетила. Поэтому давай, собирай туристов и гони их куда задумано. А я – сейчас...

После чего, не обращая внимания на девушку, принялся охлопывать гордо молчащего Ахмета. И почти сразу нашел, что искал. А именно – телефон. И ведь еще по одному телефону есть у убитой сержантки и у охранника. Их, а также ныне умершую бабу, боевики не обыскивали. А так как в наше время выйти из дому без «сотки» – это все равно что выйти без штанов, то связью мы сейчас обеспечены по самые уши!

Главное теперь, чтобы прячущийся стрелок не разглядел, что же я взял у арабчонка. Или он сам не завопил, предупреждая террористов. Но это вряд ли. Не такое у него состояние, чтобы помирать сейчас. Поэтому будет молчать до тех пор, пока не добежит до своих. А Шварц, узнав о новой опасности, тут же, забрав своих нукеров, даст деру.

Поэтому, сунув трофейный телефон в карман, я, глядя, как последний турист исчезает в здании, завопил в никуда, при этом имея в виду оставшегося стрелка:

– Эй! Я сейчас отхожу к остальным и сразу отпускаю вашего человека.

После чего сделал, как обещал. Подтянув Ахмета ближе к стене, смотал ленточку, привязанную к гранате, в комок и, сунув получившееся макраме арабу за пазуху, тут же нырнул в дверной проем. И уже оттуда сказал ему:

– Чего встал? Беги к своим!

Бывший пленный, поняв, что его действительно отпускают, сразу преобразился. Выпрямился, расправил плечи, засверкал глазом, но, однако, после высокомерного плевка в нашу сторону, больше никак своего отношения показывать не стал и довольно резво порысил к выходу. Я же, глядя ему вслед, подумал, что именно присутствие вот этого гонористого малолетнего дилетанта нас всех и спасло. Без него Шварц со своими людьми сразу бы изъяли полковника, покروшили свидетелей и умотали. А «папин сыночек» своими действиями им все обломал. Прямо хоть свечку за него ставь... Хотя через пару-тройку лет этот волчонок в волка превратится, и если и втыкать за него свечку, то только ему же в задницу. Так, чтобы по самые гланды...

В общем, посмотрев, как Ахмет добежал до входа и скрылся из глаз, я обернулся и протянул удивленно вытаращившейся на меня девчонке телефон:

– Давай звони – куда там у вас в таких случаях звонят? А мне вон в ту дырку понаблюдать надо, как он до остальных дойдет. И уедут ли они после этого...

Майя, вцепившись в трубку, как утопающий хватается за спасательный круг, тут же принялась набирать номер, а я, поставив канадского дедушку с пистолетом-пулеметом возле дверного проема, подошел к пролому в стене.

Начала дороги отсюда видно не было, но большая ее часть, а самое главное, стоящие внизу террористы просматривались хорошо. И по тому, как начал разворачиваться джип, стало понятно, что своего главаря они заметили. Заметили и захотели подъехать к нему. Но мы так не договаривались, поэтому, ухватив неудобный и маломощный «узи» охранника, я несколькими одиночными выстрелами обозначил свое недовольство. Да уж... после чуть слышного кашляня бесшумок, грохот пальбы заставил поморщиться. Попутно он взвил целую стаю птиц, которые с громкими криками начали кружить над рощей, растущей вокруг развалин. Но он же сразу прекратил всяческие незапланированные движения. «Тойота», клонув носом, остановилась, и выскочивший из нее здоровяк, погрозив в нашу сторону кулаком, остался на месте.

Вот так вот. Стой, грозись, но близко не лезь... А еще секунд через десять я увидел Ахмета. Связанные за спиной руки мешали ему бежать под уклон, но арабчонок все равно развил приличную скорость, шустро перебирая конечностями. Такими темпами изнервничавшийся Шварц уже через полминуты сможет прижать своего непутевого командира к широкой груди. Единственно... Оторвавшись от карабина, я прищурился, пытаюсь понять, что там у Ахмета между ног болтается. Вроде, когда он от нас уходил, ничего такого не было...

Глава 3

– Господин Корнев, Мухаммад-аль-Исрани достаточно авторитетный в определенных кругах человек. И свои клятвы старается выполнять. Нет, конечно, с одной стороны, его слова могут так и остаться словами, но с другой... Никто не может сказать с уверенностью, что придет в голову фанатику, и на всякий случай лучше отнестись к его обещаниям со всей серьезностью. Тем более что смерть сына он, похоже, воспринял как личный вызов...

Собеседник замолк, а я, глядя на древнего, как экскремент мамонта, старика, сидящего в инвалидной коляске, вместо ответа на заданный вопрос, тяжело вздохнул и горестно пробормотал:

– Ёперный театр... Ну ведь не я же этого Исраненка ухлопал!!! Я его отпустил. Живым! Кто же знал, что он настолько безмозглый, что умудрится сам себя подорвать? И чего этот бандитствующий папик именно ко мне прицепился?

Хотя, честно говоря, с этим я несколько лукавил, отлично зная, кто непосредственно приложил руку к отправке Ахмета в мир иной. Просто не подумал вовремя головой, вот араб и бабахнул. Ведь когда его отпускал, то была мысль достать гранату из кармашка жилета. Но так хотелось выпихнуть пленного побыстрее, что я на все плюнул и, оставив «лимонку» как есть, просто сунул ленточку, привязанную к гранатному кольцу, ему за пазуху. А пока этот архар скакал вниз по дороге, матерчатая веревочка распуталась и, съехав вниз, вывалилась из-под футболки. Вот он на нее, споткнувшись, и наступил... Может быть, все и обошлось бы, только подбитый глаз не позволил Ахмету сразу это заметить, а со связанными за спиной руками гранату от себя не откинешь. Да и карман, зараза, крепкий оказался. Будь на нем китайская жилетка, шитая гнилыми нитками, типа той, что у нас на базарах продают, глядишь, рывок просто бы оставил гранату валяться на дороге. Но, видно, не судьба...

В общем, невезучий сынок крутого бандита взорвался, не добежав буквально десяти шагов до своего зама. Шварц ведь тоже заметил болтающуюся ленту и, сразу поняв, что это и чем может закончиться, громко вопя что-то по-арабски, побежал навстречу своему командиру. Чуть-чуть не успел...

Да я и сам охренел от этого зрелища. Нет, на жизни боевиков, будь они хоть посланцами Бога на земле, мне плевать, но сразу вспомнил, что было обещано в случае малейшего повреждения арабчонка...

Единственно – нет худа без добра, и когда эхо взрыва стало затихать, стало понятно, что и здоровяку досталась часть осколков. Во всяком случае, он лежал на дороге, не трепыхаясь и не отдавая громогласных мстительных приказов. А оставшиеся стоять возле машин шестеро террористов, похоже, тоже растерялись и не сразу начали действовать. Зато потом, компенсировав первоначальный ступор, зашевелились очень шустро. Я сначала даже подумал, что они, как и обещалось, дружно решив стать шахидами, рванули в атаку, дабы покарать вероломных неверных. Поэтому и принялся лихорадочно стрелять в суесящихся внизу людей. Только вот расстояние было большим, из-за чего постоянно мазал...

А бандиты, не очень обращая внимание на стрельбу, подхватив тушки Шварца и своего командира, запихнули их в машины и, дав по газам, моментально вышли из зоны обстрела. В смысле – нырнули за поворот и, судя по звуку удаляющихся моторов, уматывали во все лопатки. Только я, запуганный здоровяком, посчитал это гнусной провокацией с целью выманить нас из убежища, поэтому еще минут двадцать мы сидели тихо, как мыши. Сидели до тех пор, пока на площадку перед входом в замок не влетели два джипа и грузовичок, из которого горохом посыпались еврейские солдаты. Их никто не обстреливал, из чего можно было сделать вывод, что даже находившийся в засаде араб тоже смылся.

Ну а нас тут же разоружили и принялись обхаживать. Всаживать уколы, давать таблетки... Двоих старичков так вообще уложили на носилки и подцепили к капельнице. Я от всех этих излишеств отказался, но один черт пришлось ехать до города на «скорой», так как наш автобус и машину, на которой приехали девчонки, шустрые подчиненные Ахмета, оказывается, успели заминировать. Зато карет «скорой помощи» сюда нагнали столько, что они целый полк обслужить смогли бы, будь поставлена такая задача. Поэтому, дав какому-то рав серену¹⁷ наводку на автомобили боевиков, я, с чувством глубокого удовлетворения от непокоянности собственной шкуры, уселся в белый с красными могоендовидами¹⁸ микроавтобус.

А дальше... Дальше было вполне ожидаемое действие. Не знаю, как с остальными, а меня в тот же день взяли за хобот два очень вежливых и улыбчивых субъекта, которые в присутствии гораздо менее улыбчивого представителя Российского посольства принялись задавать самые разные вопросы. Что, где, как, кто где стоял, кто куда пошел, как у меня вообще возникла мысль сопротивляться, как я понял, о чем говорили боевики, не знал ли я раньше американского полковника. Ну и так далее...

Скрывать мне было нечего, поэтому, обозначив на схеме все, что вспомнил о местоположении каждого, напрочь отказался от знакомства с америкосом и честно признался, что в арабском ни бум-бум, а переводила разговоры бандитов красивая девушка Майя. Кстати, с огромным удивлением узнал, что, оказывается, далеко не все евреи понимают язык своих ближневосточных соседей. Это, выходит, нам еще крупно повезло, что Майя на заре своей юности входила в организацию «Шалом Ахшав»¹⁹, активно дружащую с арабами, вот и смогла вовремя протолмачить.

Не знаю, что она делала в том кружке изучения иностранных языков, но ее переводы мне очень сильно помогли. Да что там – «помогли»! Без нее я бы так и пребывал в сомнениях до тех пор, пока бы нас стрелять не начали! А тут все очень в тему получилось.

Под занавес мне показали кучу фотографий, на одной из которых я с уверенностью опознал Ахмета, и отпустили. Чему, честно говоря, я был несказанно рад. А то всякие мысли были... Ведь, как ни крути, одного террориста я ухлопал собственноручно, и труп его, когда нас увозили из крепости, так и оставался лежать на старинной брусчатке. Здоровяка с малолетним командиром утащили подельники, поэтому, что еще и их мне «пришьют», я не опасался, но вот тот, застреленный из револьвера, меня сильно тревожил. Ведь, при желании, вполне можно было повесить на Корнева превышение допустимой самообороны. Глупость, конечно, и подобный вариант развития событий проходил у меня как самый хреновый, но чего в жизни не бывает...

Только все обошлось. Пожали руку, поблагодарили и, узнав, что через два дня я уже вылетаю из страны, отпустили восвояси.

А за день до вылета нарисовалась Майя в сопровождении какого-то мужика, который представился Натаном Блохом и оказался ее женихом. Я сначала обрадовался встрече, но когда узнал статус сопровождающего, энтузиазм сразу увял. Только еврейка, оказывается, не просто так прикатила, а привезла приглашение от своего деда, который хотел лично отблагодарить спасителя своей внучки.

Ехать к чьим-то престарелым родственникам мне совершенно не хотелось, поэтому я брыкался как мог до тех пор, пока Натан не сказал, что это касается моей личной безопасности. Блох, оказывается, служил крупным чином в израильской спецуре, и они в рабочем порядке получили сведения, касающиеся персоны некоего русского, который уничтожил сына

¹⁷ *Рав серен* – майор.

¹⁸ Звезда Давида.

¹⁹ *Шалом Ахшав* (Мир сегодня) – левоекстремистское движение, выступающее за отход Израиля со всех арабских территорий, захваченных в 1967 году. Финансируется в основном иностранными правительствами.

достаточно высокопоставленного человека. После этих слов Майя с женихом получили мое моментальное согласие ехать хоть к деду, хоть к прадеду.

А после начала общения с пращуром Майи мне стало совсем грустно. Нет, я, конечно, нутром чувствовал, что арабчонок еще икнется, только рассчитывал уехать домой до того, как поднимется буча. Но не учел расторопности его папаши...

И как сказал в завершение своей речи престарелый Зив (да-да, господин Корнев, просто Зив. Я знаю, что у русских принято называть друг друга по имени-отчеству, но меня вывезли из Львова еще во младенчестве, поэтому я далек от этих условностей):

– Даже отъезд в Россию не обезопасит вас в полной мере от мести Исрани. Он ведь являлся правой рукой Аббаса Харауи, лидера «Эль-Мухафы», так что сами понимаете, какими возможностями обладает этот человек.

На это я только и смог, что, почесав затылок, протянуть:

– М-да... попал...

А Зив, грустно глядя на меня, продолжил:

– Тут ведь еще надо учитывать такой момент, что у Исрани больше никогда не может быть детей. Восемь лет назад, в Афганистане, немцы его ранили в такое место, что продолжение рода стало невозможно. Кстати, в том же бою был застрелен и его старший сын. Еще двое погибли в результате неудачно проведенного теракта, в Мадриде. А вы убили последнего.

Тут меня прорвало:

– Вот дебил! Если остался последний продолжатель рода, чего же его на такое рискованное мероприятие посылать? А теперь, козел такой, крайних ищет!

Зив пожал плечами:

– Менталитет. Руководитель подобного ранга должен жертвовать всем, ради достижения общей цели. Во всяком случае, хотя бы делать вид, что жертвует. И делать это публично. А то он очень быстро перестанет быть руководителем. Но Мухаммад-аль-Исрани не делал вид. Этот человек – фанатик. И что самое плохое для вас, фанатик, поклявшийся на Коране, что отомстит убийце...

Как стало понятно из дальнейшего рассказа, сволочной Шварц, который в обычной жизни носил имя Горан Савич и был хорватом, вовсе даже не помер от взрыва гранаты. Его только слегка поцарапало осколками и контузило. Вот он-то, передав ЦРУшного полковника своему нанимателю, и рассказал о трагической гибели долбанутого Ахмета. Перевернул наверняка, скотобаза нехорошая, себя обеляя. А ошарашенный гибелью наследника папаша взбеленился и закономерно возжаждал крови.

Вот тут я и спекся окончательно. Но предложение Зива – сделать мне новые документы, сменить имя и стать гражданином Израиля – отверг категорически. Здесь, на этом пятачке, меня в пять секунд найдут. Ведь если еврейская разведка работает настолько хорошо, что ей буквально день в день становится известно, что происходит у противника (вон, даже про клятву на Коране узнали), то где гарантия, что у этого Исрани люди работают хуже? Тут ведь все в деньги упирается. Забашляет кому надо, и мое новое имя с местожительством ему принесут на блюдечке с голубой каемочкой. Нет уж! Уеду домой, а Россия – она большая! Там меня хрен кто отыщет. Работу, конечно, придется менять, но зато никакой «Эль-Мухафе» до меня не доберется. Пусть хоть на ушах стойку делают.

Вот где-то в таком ключе и ответил Майкиному деду. Тот повздыхал, постучал пальцами по подлокотнику своего самоходного кресла, а потом что-то сказал на иврите сидящему рядом Натану. Тот сразу поднялся и вышел. А появившаяся вместо него Майя принесла нам сок и какие-то печенюшки. После чего, усевшись рядом с дедом, стала рассказывать о том, как ей было страшно во время захвата и какой я героический мужчинка. Слушать было приятно. Во всяком случае, это сильно отвлекало от похоронных мыслей. Я даже повеселел и тоже начал вставлять свои реплики. В результате этого разговора пришли к выводу, что если бы не мои

действия, боевикам бы удалось уничтожить туристов и спокойно скрыться. В этом случае даже хваленая еврейская разведка ничего не смогла бы выяснить. Может быть, только по прошествии многих лет...

А тут, имея точные данные о том, кто именно принимал участие в теракте, буквально сразу вычислили заказчика, который находился аж в Саудовской Аравии. Конечно, сыграло огромную роль и то, что операция была засвечена и провалена, поэтому Исрани не стал делать большой тайны из гибели сына.

В разгар разговора вернулся Майин жених и передал Зиву какую-то пластиковую карточку. Тот, покрутив ее в руках, протянул карточку мне со словами:

– Господин Корнев. Поймите меня правильно. Я вам хотел помочь, опираясь на собственные силы. А они у меня, поверьте, – не маленькие. Но вы решили выбираться из сложившейся ситуации самостоятельно. Что же, я уважаю ваш выбор. Только хочу сразу сказать – если вдруг у вас что-то не получится, мое предложение остается в силе. А это, – дед кивнул на радужный прямоугольник в моих руках, – должно вам помочь на первых порах. Не поймите меня неправильно. Это не плата за спасение Майи... Жизнь внучки для меня бесценна. Это же – те деньги, которые вам помогут переехать в другой город, сменить работу и вообще – поддержат какое-то время. Там – двести тысяч. И человеку с головой, а я вас считаю именно таким, этого должно хватить.

А потом, видя удивление в моих глазах, усмехнулся и пояснил:

– Разумеется, не двести тысяч шекелей, а двести тысяч евро. В России, насколько я знаю, предпочитают именно эту валюту.

О-го-го! Твою дивизию! Вот это подарочек! Нет, понятно, что бабки мне на первых порах очень понадобятся, но с такими деньгами устроиться и жить на новом месте будет гораздо проще.

Спрятав карточку в карман, я поблагодарил понимающего ситуацию Зива, и мы продолжили разговор уже вдвоем. Болтали до самого вечера. Попутно я узнал от Натана гипотезу о появлении террористов на территории Израиля. Про полковника и его дела с Исрани Блох распространяться не стал, аргументируя это служебной тайной. Не сказал он, и как арабы отслеживали приезд американца в страну. Как именно его вели по стране, тоже промолчал. А вот утечка конкретного маршрута движения того дня действительно произошла через нашего гида. Точнее, он просто не делал из этого тайны, что и дало возможность боевикам, большинство из которых уже находились в Израиле под видом туристов, устроить засаду. А хорват с Ахметом, скорее всего, прошли к евреям при помощи бедуинов-кочевников. Бедуинами они воспользовались, потому что морды этой парочки во всех компьютерах высвечивались и легальный въезд в страну был невозможен.

В гипотезе Натана была масса нестыковок и довольно странных мест. Почему америкоса не захватили ночью, в гостинице? Почему не взяли, когда он гулял по городу? Откуда они чуть не за две недели могли знать о том, что нас завезут на раскоп? Как боевики, ухлопав гида-араба, собирались дальше пользоваться услугами бедуинов? И вообще – зачем им надо было устраивать резню, уничтожая целую толпу иностранцев? Но когда я начал задавать вопросы, хитрый еврей, отмазавшись сохранением тайны, ничего толком объяснять не стал, а перевел разговор на мои дальнейшие планы. Но тут уже я, особо не распространяясь, заявил, что главная и первоочередная задача – это спокойно вернуться домой...

А на следующий день я, глядя на проплывающие под крылом земли Ближнего Востока, смог наконец-таки спокойно выдохнуть и, обращаясь к стюардессе, попросить:

– Принесите мне водки, пожалуйста.

– Значит, тебе нужен ствол...

– Ага. Только без фанатизма. А то я у твоего бодигарда армейский кольт видел. Сразу скажу – мне такие изыски никуда не уперлись. Нужно что-нибудь простенькое, вроде «макара»²⁰. И пару магазинов к нему.

– Хм... – Витька ухмыльнулся, – поддерживаешь исключительно отечественного производителя?

– Нет. Просто оружие знакомое. Да и затяжные бои мне не вести, так что ПМ будет самое то.

Витек затянулся сигаретой, кивнул и, хитро улыбаясь, спросил:

– Получается, что хочешь прикупить ствол исключительно на случай «шоб було» и в то же время говоришь о затяжных боях? Ох, Волк, темнишь ты чего-то... Ну да ладно, дело твое. Я в чужие разборки не лезу, но однокашнику завсегда помогу. Короче, «макарка» у меня есть. Чистый. Тебе отдам за две с полтиной. Но, – Орехов поднял палец, – можно достать и «грача»²¹. Он, конечно, дороже почти в два раза, только, сам понимаешь, – восемнадцать «маслят» они и в Африке восемнадцать... Так что решай сам.

Хлебнув пива из запотевшего бокала, я задумался. «Грач», разумеется, и круче, и современной. Да и, как правильно сказал приятель, емкость магазина у него считай в два раза больше, чем у ПМ. Но зато «макаров» легче да и габаритами поменьше. То есть более приспособлен для скрытого ношения, что в моем положении является решающим аргументом. А то, что прицельная дальность у него никудышная, это уже дело десятое. Я ведь реально свои шансы оцениваю, и если вдруг меня конкретно зажмут несколько человек с оружием, то в данном случае поможет только автомат, но это уже несерьезно... Поэтому – решено:

– Нет! Пусть с ярыгинским армейцы рассекают. А мне лучше «макарку». Ну и два запасных магазина. А если получится ПММ²² добыть, то вообще замечательно будет.

Орехов возмутился:

– Ну ты даешь! Считаешь, что там, откуда пистолет притаранят, целый оружейный магазин в ассортименте?

– Брось, ты же меня знаешь – я вообще только до пяти считать умею! – Пихнув в плечо бывшего сокурсника, продолжил: – Да ладно тебе, Витек, не жмись. Ты ведь не штатным вооружением своего ЧОПа²³ приторговываешь, а через братву «левые» стволы добываешь. А я в жизни не поверю, что российские ОПГ²⁴ сидят на подсосе. Особенно в нынешние времена!

Орех фыркнул:

– Да уж... штатным... По штату у нас дерьмо, а не оружие. Да еще и под неустанным контролем как со стороны ментуры, так и со стороны шефов. Меня, вон, в свое время, за потерянную обойму поймали до изумления. Еле этот косяк развел...

Я подколот:

– В братве, небось, лучше жилось?

Но Орехов шутку не принял и ответил серьезно:

– Жилось лучше, но вот умиралось гораздо чаще. А сейчас пусть бабла и поменьше, зато жизнь спокойнее.

– М-да, это ты точно заметил.

– Угу. А что касается ПММ... В общем, ничего не обещаю, но если он у ребят будет, то возьму его, – после этих слов Витька поднял руку и, щелкнув пальцами, потребовал: – Эй, красавица, пиво нам обнови!

²⁰ Пистолет Макарова (ПМ), емкость магазина 8 патронов.

²¹ Пистолет Ярыгина (МР-443 «Грач»), емкость магазина 18 патронов.

²² Пистолет Макарова-Шипагова модернизированный (ПММ), емкость магазина 12 патронов.

²³ Частное охранное предприятие.

²⁴ Организованная преступная группировка.

А я, опять хлебнув из своего бокала, вспомнил возвращение из первой в своей жизни турпоездки. Будь она неладна...

* * *

Тогда, приехав в Москву, я вовсе не стал на каждом углу триндеть о своем израильском приключении. Особенно после того, как буквально по приезде несколько часов провел в ФСБ, куда был вызван для приватной беседы. Оказывается, из Российского посольства в Израиле был дан сигнал о случившемся, и гэбэшники моментом взяли Корнева на карандаш. Точнее, первая беседа состоялась еще в посольстве, с тамошним представителем наших спецслужб. А когда вернулся на родину, со мной захотели побеседовать уже в Москве. В принципе, этого стоило ожидать. Это их работа, да и дело получило достаточную огласку. Вон, что в Интернете, что в западных (да и кое-каких наших) газетах, случай с инцидентом в Израиле был расписан практически от и до. Радовало только одно – анкетные данные основного борца с терроризмом не приводились. Везде писали – «русский турист из Москвы».

Так что через два дня после возвращения, получив повестку, я потопал к зданию на Лубянке. А во время допроса больше всего опасался, что они попутно раскопают мои махинации с досрочным получением загранпаспорта. Но настолько глубоко никто не рыл, и все обошлось. Государевых слуг интересовало совсем другое, поэтому, рассказав чекистам свою историю, я благополучно был отпущен домой.

А по поводу моих опасений эфэбэшники сказали, что все эти клятвы одуревших от нефтяных денег набобов практически ничего не стоят. Но напоследок посоветовали быть осторожнее и если что – сразу звонить. Даже визитку дали с номером телефона.

В общем, как и предполагалось, охраной моей персоны никто из силовиков заниматься не собирался. Так – поставили галочку, что сигнал отработан, и на этом успокоились.

А типа если убивать начнут, то тогда звоните – мы подъедем.

Иного отношения и не ожидалось, поэтому, пожав плечами и пообещав, что как раз в тот момент, когда меня Бены Ладены на ленточки распускать начнут, обязательно позвоню, получил пропуск и ушел.

Но позже как-то внутренне успокоился, отоспался, и все эти ближневосточные заморочки стали казаться какими-то очень далекими и нереальными. Как будто не со мной все это произошло. Нет, планы ухода продумал. И будущее место жительства подыскал. Но потом – отпустило. Особенно после повторного вызова в ФСБ. Там мне дали подписать кое-какие документы, а на повторно высказанные опасения кряжистый мужик лет сорока, представившийся подполковником Андреем Трофимовичем Лопахиным, ухмыльнувшись, ответил:

– Сергей Васильевич, вы на эти клятвы не очень внимание обращайте. Меня двенадцать лет назад Аслан Безоев лично обещал закопать живьем. Слыхали про такого? Во... Фигура! И действовал он не где-то там, на Востоке, а прямо у нас под боком. Кстати, тоже ядом брызгал и клятвы давал, как на боевом оружии, так и на священных книгах. И что? Я жив до сих пор. И дальше жить собираюсь.

– А евреи говорили, что мой свои слова на ветер не бросает...

– Правильно, – собеседник кивнул. – Если бы вы остались в Израиле, то он, возможно, постарался бы исполнить задуманное. А здесь, в России... Слишком уж вы ему накладно обойдетесь. Ведь с боевиков за каждый потраченный доллар спрос идет. Так что я думаю, слова Исрани так и останутся словами. Тем более, вы понимаете... Кхм... Постоянную охрану вам никто дать не сможет. Включить вас в программу защиты свидетелей? Честно скажу – это настолько экзотическая для нас процедура, что без достаточно веских аргументов ее никто проводить не будет.

Я фыркнул:

– Угу. Слова и угрозы к делу не пришьешь. Понятно. Ну а вы лично что бы посоветовали?

Эфэсбэшник откинулся на стуле:

– А что можно посоветовать? Живите, как жили. Ведь нет никакой гарантии, что евреи вам правду про угрозы этого террориста сказали. Кто знает, что за операцию задумал Моссад, а тот факт, что вам предлагали остаться в Израиле, вообще наводит на очень интересные мысли...

Удивившись, я спросил:

– Так вы думаете, меня хотели задействовать в какой-то разработке тамошних спецслужб? А своим отказом и отъездом я им все планы сломал?

– Не исключено. Очень уж там все мутно и непонятно... – Андрей Трофимович задумался, а потом, тряхнув головой, уже другим тоном продолжил: – Но вы здесь, и на все эти подковерные интриги уже можно не обращать внимания. Ну а если вы настолько впечатлительны, то можете просто на годик уехать из города. Поверьте, этого будет вполне достаточно. За год, как говорится, или ишак сдохнет, или падишах!

Слова безопасника меня, конечно, несколько утешили. Но тщательно закамуфлированные подозрения в трусости заставили поморщиться. Ишь ты – «если вы настолько впечатлительны»... Козел. Ему хорошо рассуждать, находясь под защитой могущественной конторы, а мне надо только на себя надеяться. И ведь знает, что я бывший офицер, а один хрен подколоть решил... Хотя, может быть, этот подпол и прав? Паникую тут, как институтка, которой телефонный хулиган пообещал устроить козью морду, и она из-за этого нос из квартиры боится высунуть. И про евреев он тоже интересную мысль подкинул – вот как они умудрились узнать про угрозы буквально через несколько часов? Да еще так «удачно» получилось, что узнал об этом, типа по службе, Майин жених и тут же поспешил сообщить мне. Официальные-то органы про это молчали!

С другой стороны, двести тысяч евро просто так не дадут, да и дед был очень убедителен... Может, в моем случае просто сработал человеческий фактор, и благодарные родственники, не имея никаких далеко идущих планов, узнав об опасности, тут же решили проинформировать спасителя внуки? Может быть такое? Вполне! Блин, и что предпринять? Наверное, оптимальным вариантом будет сейчас не дергаться, а в дальнейшем, как говорил командир – «война план покажет». Почувствую неладное – свалю. Но не раньше. А то как-то перед самим собой неудобно становится – неужели я такой трус, что угроз, переданных с чужих слов, испугаюсь?

В общем, так и решил, тем более что дни шли, ничего не происходило, и поэтому по окончании отпуска просто вышел на работу. Ломать налаженный быт было гораздо страшнее какой-то встречи с полумифическими арабскими мстителями. Единственно, что сделал сразу – продумал линию поведения в случае возникновения опасности и снял в банке все деньги, полученные от Зива. А потом, глядя на четыре пачки пятисотевриковых купюр, с трудом подавил желание сразу бежать за возжеленной машиной. Вместо этого прикупил себе жилетку, наподобие той, в которой почил незабвенный Ахмет, и сложил пачки в нее. Жилетка была удобная, мешковатая, с множеством карманов, поэтому двести тысяч евро в ней потерялись, как камешек в пруду.

А в начале августа, когда я уже практически окончательно уверовал в благополучное окончание еврейской эпопеи и прицелился на покупку не нового, но очень даже бодрого «Ниссан Патрол», прозвучал первый звонок. В среду, возвращаясь с работы, обратил внимание на стоящую возле подъезда BMW. Точнее, не столько на машину, сколько на сидящих в ней пассажиров. Джемшутуов и Казбеков в нашем дворе не проживало, поэтому меня и удивили два сына гор, сидящие в «бэхе». И – давно сидящие, так как возле пассажирской дверцы валялось штук десять окурков.

Кавказцы на проходящего мимо человека вроде никакого внимания не обратили, только у меня при взгляде в их сторону аж волосы на затылке дыбом встали. Вот так, на пустом месте, по спине как волна ледяная прошла. М-да... Интуиция ведь, она вещь такая – когда я в последний раз ее проигнорировал, через несколько секунд после такой же волны, снайпер с башенки убил нашего охранника. Так что теперь, решив отнестись к сигналам подсознания со всей серьезностью, времени терять не стал. Благо что все ходы были заранее взвешены и просчитаны. Так что будем просто приводить их в исполнение. И пусть мне потом, возможно, станет стыдно за свою панику, но сейчас стану действовать по заранее разработанному плану.

Хотя нет, стыдно точно не будет. Ведь все три недели, что прошли после той поездки, я как ни отвлекался, а все равно ходил пришибленный. Где-то подспудно жила уверенность, что старый еврей мне не соврал и ничего не преувеличил. А значит – надо уходить. Логикой утверждала обратное: дескать, все нормально, да и вообще – месть в двадцать первом веке слишком дорогое удовольствие, чтобы его опасаться, находясь чуть ли не на другом конце света. Но на душе один черт была хмарь. И эта непонятная ипохондрия достала уже до такой степени, что сейчас я воспринял сидящую в машине парочку чуть ли не с радостью. От Иسرائи эти хмыри или нет, уже все равно. Главное в другом – я решился! Решился очередной раз изменить свою жизнь. И от этого почувствовал себе прежним Корневым, а не ходячим ожиданием проблем. С плеч как будто мешок свалился, и я, хулигански пнув попавшуюся под ноги пустую пластиковую бутылку, нырнул в подъезд.

А потом, бодро насвистывая, приступил к выполнению плана отхода. Бытом толком я так и не обзавелся, поэтому, надев валютную жилетку, собрал сумку, с которой обычно ездил в командировки, и, выключив свет, выглянул в окно. BMW стояла на месте. Ну-ну. Стойте дальше.

Злорадно ухмыльнувшись, я посмотрел в дверной глазок и, убедившись, что на площадке никого нет, прихватив отвертку, вышел наружу. После чего быстренько перекинул телефонные пары на щите и юркнул обратно. А уже дома набрал номер ментуры и старческо-хриплым голосом наябедничал:

– Говорит пенсионер Сергиенко из пятьдесят второго дома, квартира тридцать пять. У нас во дворе стоит черная иностранная машина, в которой сидят два лица кавказской национальности. У одного из них я видел пистолет! Товарищи милиция, это – бандиты! Они или киллеры, или наш дом хотят взорвать! Что? Адрес? Да-да, конечно!..

Продиктовав адрес, отключился и, довольно потеряв лапки, перекинул пары обратно. А потом оделся и, прихватив сумку, позвонил в дверь «микроскопическим». Когда Мишка открыл дверь, я, не давая ему вставить слова, протянул ключи от квартиры, сказав:

– Миха, привет! Я тут снова в командировку убываю, недели на две. Но может так статься, что задержусь гораздо дольше. Поэтому есть просьба – у меня в хате ворью брать нечего, кроме телика. Так что ты «панель» заberi, пусть у тебя побудет. Хорошо?

Сосед пожал плечами:

– Хорошо. Сейчас и заберу. Поможешь перетащить?

– Конечно! Я его уже отключил, так что пошли.

Когда забирали телевизор, снова выглянул в окно. Увиденная картина порадовала сердце. Гости с Кавказа уже лежали на земле, а вокруг них суетились человек шесть автоматчиков в масках и еще несколько ментов в форме. Хм... быстро работают московские органы! И пяти минут не прошло, как «киллеров и террористов» разложили, словно цыпят табака. Вот смеху-то будет, если у них действительно оружие найдут! А уж как удивится склочный Сергиенко, когда ему участковый благодарностью вынесет. Звонок ведь фиксируется, да и АОН у бывших ментов, уже четыре года носящих гордое звание полицейских, стоит хороший. Именно поэтому, не желая никак себя светить, я и перекинул телефонные пары, переведя стрелки на

бдительного соседа-пенсионера. Пусть он теперь рассказывает, когда и как увидел пистолет у сидящих в машине. А мне уже пора поспешать, пока там «маски-шоу» в полном разгаре.

Поэтому, в темпе закинув телик к Мишке, я пожал ему руку и поскакал вниз по лестнице.

Глава «микроскопического» семейства только и успел спросить:

– Куда едешь-то?

– В Мурманск!

– Ну, счастливо! А за квартирой я пригляжу!

После этих слов я резко затормозил и, стоя на нижней площадке, отсоветовал:

– Чего за ней смотреть? Сейчас урки отмороженные пошли. Ножи у каждого. Сунешься – еще прибьют, не дай бог. Лучше если что – в глазок глянь да милицию зови.

Мишка хмыкнул:

– Дык, я так и собираюсь делать. Не дурак ведь...

– Тогда – пока!

– Пока!

Махнув Кузнецову рукой, я повернулся и пошел вниз. Выйдя из подъезда, закурил и, поздоровавшись с сидящими на скамейке бабками, не торопясь двинул в сторону метро, краем уха слушая, как помятые сыны гор в чем-то клялись мамой суровым операм.

Ни те, ни другие на меня не обращали внимания, поэтому, уже спускаясь на эскалаторе, я выдохнул и похвалил себя за хорошую идею. Звонок ментозаврам, полностью отвлекшим на себя кавказцев, изначально входил в задумку. А вот спонтанная идея насчет телевизора, действительно – хороша. Мы ведь с Кузнецовыми старые приятели, так что пусть им это от меня станет прощальным подарком. Потом надо будет Мишке звякнуть и сказать про панель. Да и про квартиру тоже. Нехай он хозяйке передаст, что она может искать новых съемщиков.

М-да... до меня окончательно дошло, что целый пласт жизни неожиданно закончился. Работа, приятели, знакомые – все это остается в прошлом. И теперь ждет что-то новое. Но перед отъездом надо дела закончить. Так, так... значит: перво-наперво – уволиться. Будет несколько не по-человечески, если я просто пропаду, и всё. В «Росконе» у меня отношения нормальные сложились, поэтому подводить хороших людей было бы неудобно. Второе – прикупить-таки тот «Патрол», с хозяином которого мы ударили по рукам. Встреча и оплата у нас назначена на послезавтра, так что отменять ничего не буду. Третье... насчет третьего у меня были сильные сомнения – а надо ли это делать вообще? В смысле – вооружаться? Если на Корнева действительно уже объявлена охота, то мне и танк не поможет. Спаситься в данном случае получится, только затерявшись на наших бескрайних просторах. А вот ствол – это статья.

Да-а... Лишь в боевиках неподготовленные люди быстро срываются с места, затариваются огнестрелом и гасят своих врагов налево-направо. А в жизни... Хе! В жизни их бы арестовали уже при покупке пистолета, так как в девяноста девяти процентах случаев оружие предлагают ряженные под бандитов оперативники. И как только ствол перейдет в руки покупателя, ему на голову сваливается группа захвата, а зона гостеприимно распахивает двери.

Только у меня были свои ходы. Просто с год назад столкнулся со своим бывшим однокашником – Витькой Ореховым, по кличке Орех. Мы с ним в свое время не то чтобы сильно дружили, но были в приятельских отношениях. А на четвертом курсе Ореха и еще одного парня – Ленку Тянищева, с нашей бursы поперли. Как было сформулировано в приказе: «за драку в общественном месте». Тогда Витек и Леха, сцепившись с какими-то отморозками, качественно их отбучкали, после чего загремели в милицию и оказались кругом виноваты. Парней все сокурсники жалели, но сделать ничего не могли. Так наши дороги и разошлись.

Столкнувшись же в прошлом году в супермаркете, мы оба обрадовались и тут же решили отметить встречу. Я рассказал о себе, Витька о себе. Он, оказывается, помыкавшись без работы, вполне закономерно двинул в криминал. Где и поднялся. Ну так еще бы, с нашей-то подготовкой... А несколько лет назад его бригада, состоящая из вполне нормальных пар-

ней, в основном бывших спортсменов, решила легализоваться. Завели себе отличную «крышу» и зарегистрировались как ЧОП. Стали типа правильными и законопослушными до безобразия. Но заведя новые связи, Орех не растерял старых, поэтому через Виктора можно было достать чистый ствол за приемлемую цену. Достать, не опасаясь милицейской подставы. Только вот – надо ли это мне?

В общем, под подобные сомнения я и доехал до места. В смысле до гостиницы, где соби-рался провести пару-тройку дней. Места в ней были поэтому, сняв номер, я, бросив сумку в шкаф, завалился на кровать.

Тут меня накрыло по-новой. Появилась странная мысль – а не испугался ли я собствен-ной тени и стоит ли вот так, из-за одного подозрения, менять жизнь? Ворочаясь с боку на бок, попытался прикинуть, что же меня так дернуло? И постепенно все упорядочил. Тем более что, считай, три недели прокручивал самые разные варианты появления противника. Вплоть до национальной принадлежности тех, кто будет мстить неверному, поднявшему руку на послед-него сынка арабского авторитета. Это ведь не бином Ньютона. Вот кто в Москве имеет такую возможность? Однозначно – бандиты. Они за деньги маму родную прирежут. А если учесть, что еще со времен чеченских войн у кавказцев были крепкие связи с ближневосточными тер-рористами, то логично будет предположить, что миссию поручат именно нашим Асламам и Магам. Те для отвода глаз могут, конечно, нанять славян, но это вряд ли. Зачем делиться деньгами и вообще посвящать посторонних в столь интимные разборки? В общем-то поэтому исключались и коррумпированные менты. Привлекать для моей поимки какого-нибудь при-кормленного лейтенанта пэ-пээсника в данном случае было бы просто странно. Тут делов-то – зная ФИО, выяснить мое место жительства и постучаться в гости. Абреки это и сами в состо-янии сделать, без посторонней помощи. Так что я ждал именно кавказцев...

И ведь что характерно – в Москве их пруд пруди, и сталкивался я с ними каждый день, но вот именно на тех, в BMW,отреагировал как на угрозу. Интересно, почему? Почему, почему... Да черт его знает! Может, это вообще какой-то внутренний счетчик, отсчитав необходимое время, заставил так на все реагировать? Ведь не зря же сейчас, лежа на гостиничной кровати, чувствую себя гораздо лучше, чем находясь в своей съемной квартире. Так что все правильно сделал. Оставаясь на месте, я рано или поздно точно стану мишенью. А ведь еще прапрадед говорил, что ленивые да косные гибнут в первую очередь. Сам я этого не слышал, но в семей-ных преданиях его слова сохранились. Просто когда в тридцать шестом в их питерской конторе стали активно грести народ, предок взял в охапку молодую жену с сыном и рванул в Томск. Где, даже не меняя и не подделывая документов, снова устроился на работу. И всё...

Кстати, как уже после смерти Сталина стало известно, его искали. Усиленно. И в Ленин-граде, и в области. Но не дальше. Вот вам и всесильный НКВД... А ведь начини он сомневаться и прикидывать, что, может, все еще обойдется, глядишь, и меня бы на свете не было... Черт! Сразу надо было следовать путем прапрадеда, а не закапывать голову в песок, рассчитывая, что беда пройдет стороной. Так что не будем ленивыми и будем жить!

От повышенно-оптимистических дум неожиданно разыгрался аппетит. Ну так все пра-вильно, я ведь еще не ужинал! Не успел с работы появиться, как пришлось в бега уходить. Поэтому, недолго думая, поднялся с кровати и потопал в ресторанчик при гостинице. Там, плотно перекусив, вернулся обратно в номер и, несмотря на ранний час, завалился спать. Нервы ведь все-таки не железные, а переволноваться мне сегодня пришлось – дай боже.

Глава 4

Наутро, встав бодрым, отлично выспавшимся и полным деятельной энергии, опять перекусил в том же ресторанчике (как бы в привычку не вошло так лихо деньгами сорить) и по окончании завтрака позвонил на работу. Сделал два звонка – шефу и кадровичке.

Так как я давно привык просто так не трепать языком, то народ на работе был не в курсе моих еврейских заморочек. Да и какой смысл им про это было знать? Помочь все равно ничем бы не сумели, зато слухи о прытком коллеге быстро могли распространиться по Москве. А оно мне надо? Поэтому сейчас наплел с три короба, обосновывая свое желание уволиться семейными причинами и, взяв пузырь хорошего вискаря, который так уважал непосредственный начальник, поехал в контору.

Там, после продолжительных уговоров, окончательно убедившись, что Корнев настроен решительно, мне подписали заявление, не полоща мозги с отработкой.

Все эти бюрократические процедуры заняли достаточно много времени, поэтому пока я ходил с «бегунком», пока получал трудовую книжку, пока со всеми попрощался, время уже было далеко за полдень. Только один фиг вышел с «Роскома» очень довольным, так как на данную процедуру отводил себе дня два. Просто у нас фирма такая, что народ часто в разъездах находится, и кого-нибудь вполне могло не оказаться на месте. Или кладовщика, или начальницы отдела кадров, или непосредственного шефа. Да и генеральный вполне мог в этот день сорваться по своим неотложным делам.

Но все срослось в «елочку», поэтому, вполне удовлетворенный столь удачным стечением обстоятельств, я, свободный как ветер, выйдя из конторы и весело насвистывая, двинул к метро. Вот тут-то все и приключилось...

Когда уже подходил к перекрестку, рядом, с визгом тормозов остановился темно-серый «фордовский» микроавтобус, и из его распахнутой двери вывалилось три амбала. Они выскочили очень шустро, но я оказался быстрее. Наверное, потому, что действовал на одних заячьих инстинктах и ни на мгновение не усомнился, что этот «форд» прибыл по мою душу. Так что первый крепыш, за спиной которого маячили остальные, еще только выскакивал из машины, а я уже развернулся и со всех ног кинулся к оставшемуся метрах в пятидесяти за спиной въезду в переулок. Летел как на крыльях, и даже идущие навстречу прохожие практически не мешали. Только в самом начале сшиб худого очкастого мужика, который не успел увернуться. А за спиной слышался тяжелый топот и крики:

– Ситоять! Мэлысия! Корнев, ситой!

Щаз! Милиция они, как же! Без формы, с акцентом и все как один – «носороги».

Преследователи, видно, поняли, что эти крики на меня никакого влияния не оказывают, зато могут привлечь ненужное внимание, поэтому заткнулись и наддали. Я тоже прибавил ходу и, нырнув в арку, тут же рванул в сторону гаражей. Благо что район знал хорошо. Просто когда «Роском» проводил очередную «оптимизацию» расходов, нам убрали халявные обеды, и поэтому в поисках недорогой и приличной кафешки мы с ребятами тут всю округу излазили. Нашли. А потом нашли и самую короткую дорогу к ней. Тут, если пройти вдоль гаражей, кажется, что попадаешь в тупик. Но на самом деле это не так. Между домами, стоящими буквой «Г», есть узенький проход, который, пока не подойдешь к нему вплотную и не повернешь направо, не виден вообще. Вот к нему я и стремился. Главное, успеть туда нырнуть до того, как появятся загонщики. Тогда, если они не были в этих местах, вполне могут подумать, что преследуемый, зная код, заскочил в один из трех подъездов дома.

Задумка была очень соблазнительная, только вот абреки появились раньше. Появились и, пользуясь безлюдностью, тут же начали стрелять. Самого звука выстрела я не услышал, зато увидел, как из стены выбило крошку кирпичной пыли.

Ё-мое! Если до этого казалось, что я бежал со всей возможной скоростью, то сейчас предыдущий забег стал просто детским лепетом. И откуда столько прыти взялось? Во мне как будто реактивный двигатель включился, поэтому, пулей промчавшись в проход между домами и перебежав дорогу, я одним махом перелетел высокий забор из металлошифера, отгораживающий замороженную стройку. А дальше попер по буеракам, как судно на воздушной подушке. В смысле – ни разу даже не споткнувшись.

Судя по тому, что следом никто не полез, преследователи меня потеряли. Они отставали метров на тридцать и были еще во дворе, когда я тут акробатическими трюками занимался. Да и вообще, никакому нормальному человеку не придет в голову, что через этот забор вообще можно перелезть. Благо там есть несколько проходов в другие дворы, и теперь кавказцы, наверное, пытаются сообразить, в какой же из них свалил Корнев.

А я, добравшись до противоположной стороны стройки, столкнулся с новой проблемой. Во-первых, обнаружил, что порезал ладонь, а во-вторых, выяснилось, что еще раз повторить подвиг, достойный Бубки²⁵, не получится. У меня даже до верха допрыгнуть не выходило, не говоря уже о том, чтобы перелезть через трехметровый жестяной лист.

Поэтому, настороженно поглядывая через плечо, я двинул вдоль ограды, рассчитывая найти хоть какую-нибудь дырку. Ну не могут у нас быть заборы без прорех! Ведь бомжи сюда как-то проникают? Да и вездесущие пацаны тоже наверняка лазают.

Мысль оказалась верной, и уже шагов через двадцать обнаружил, что один из листов снизу отогнут. Заглянув в эту щель, увидел довольно оживленную улицу. В то, что «мэлысия», оббегая стройку, успеет сюда добраться, я не верил совершенно. Да и не подумают они здесь меня искать. Во дворах, небось, сейчас шуруют.

Поэтому осторожно, стараясь не измазаться, я принял положение «упор лежа» и по-крабьи выскользнул наружу. Здесь, в отличие от того переулка, где бегал до этого, народу хватало, но никто не обратил никакого внимания на странного мужика, появившегося столь экзотическим образом. Ну а я, недолго думая, поднял руку и, тормознув частника, шмыгнул на заднее сиденье остановившейся машины.

Пока ехал до гостиницы, все пытался привести мысли в порядок. В том, что вчерашняя «бэха» появилась не просто так, теперь уверен совершенно. Тут я молодец, вовремя сообразил исчезнуть. Но вот нужно же быть таким кретином, чтобы не просчитать появление наемников по моему месту работы! Точнее, это появление предполагалось, но я сам себя перехитрил. Думал ведь, как получится – бандиты вполне резонно посчитают, что если я исчез из дома, то значит, что-то почуял и свалил с концами. В этом случае ни один дурак не попрется на работу, чтобы соблюдать какие-то смешные формальности.

Только с чего я взял, будто кавказцы поняли, что я не просто из дому вышел, а сбежать решил? Менты их и так трясут на каждом углу, поэтому очередной шмон они могли со мной не связать. А то, что как раз во время этого шмона я куда-то утопал... Да, может, к бабе человек пошел! У нее и ночевать остался. И, значит, что? Значит, так как следующий день – рабочий, то и надо меня на работе искать. Что они и сделали. Не учли только запредельной прыти объекта поиска.

Да-а... хорошо еще, что меня именно так ловили, а не просто саданули автоматной очередью из окна проезжающего мимо автомобиля. Тогда бы точно – кирдык. Хм, нет, не так. Я ведь разные варианты прикидывал и такой способ ловли отмел. А то, что в переулке из пистолета палили – не считается. Это они от отчаяния стрельбу устроили, увидев, насколько резво от них Корнев улепetyвает. Ведь не зря же козлистый Исрани на Коране клялся отомстить. И не обычную мстю устроить, ухлопав обидчика, а обещал мою голову скормить собакам. А в

²⁵ Сергей Назарович Бубка – спортсмен-легкоатлет. Рекордсмен по прыжкам с шестом. Первый в мире человек, прыгнувший выше 6 метров.

его устах это не просто красивый оборот. Поэтому получается, что бандитам меня надо взять живьем. Чтобы на камеру заснять. Они это очень любят. А потом, поизмывавшись, лишить башки. Как урки ее переправлять заказчику собирались, я не знаю, да и знать не хочу. Но к ситуации надо относиться **ОЧЕНЬ** серьезно. Только, при всей серьезности, в ФСБ звонить я смысла не видел. Про персональную охрану там мне уже вполне популярно объяснили. А что они еще могут?

Хотя... могут они, конечно, многое, но вспоминая свой последний разговор на Лубянке, я все больше и больше подозревал, что из меня в лучшем случае просто решили сделать живца. А что – такой хороший способ вычислить не только тех бандитов, которые имеют выходы на забугорных террористов, но еще и людей при погонах, которые будут помогать в моих поисках. Кавказцы ведь на меня как-то вышли? Значит, без своего человека в милиции или в паспортном столе точно не обошлось. Безопасники это учитывали и данных коррупционеров наверняка уже взяли в разработку.

Ну а в худшем случае... В худшем – никто ничем не занимается и всем на всё плевать. Ведь если у нас бардак на всех уровнях, то почему я должен предполагать, что в госбезопасности все в порядке и там сидят супермены семи пядей во лбу, горящие на работе?

Но, даже при самом хорошем раскладе, быть живцом я не хочу. Смысла нет. Поймают этих, появятся другие. И так до тех пор, пока начальство арабского террориста будет готово терпеть его нецелевые расходы и осуществлять их финансирование. Так может продолжаться достаточно долго, а голова у меня одна, поэтому надо просто последовать совету эфэсбэшника и валить из Москвы, а не жалобными звонками развлекаться.

О! Кстати, про звонки. Достав телефон, я почистил память, извлек из него сим-карту с аккумулятором и сунул трубку обратно в карман. Вот так вот. Если уж играть по-взрослому, то играть до конца, соблюдая все правила. Ведь фиг его знает, какие теперь резервы задействуются для моей поимки. Но всяко-разно теперь меня через «сотку» не найти.

А после всех этих манипуляций попросил водителя остановиться возле метро. Пожилой армянин, сидящий за рулем, только пожал плечами и выполнил требуемое. Я же, расплатившись, нырнул в подземку и покатил к переходу, что на ВДНХ. Там народ активно краденными телефонами банковал, так что в моей ситуации воспользоваться их услугами сам бог велел.

Поэтому, минут через сорок, я уже спрашивал у «переходного» «жучка»:

– Нужна труба с незаблокированной «симкой». Сделаешь?

– А модель?

– А какие есть?

Фиксатый продавец хитро прищурился:

– Есть «Нокия 5340». Но с карточкой подороже выйдет.

– Сколько?

«Жучок» на секунду задумался и выпалил:

– Полтинник.

Я удивился:

– Это ты в каких единицах считаешь?

– В евро. Но могу и по курсу – в рублях.

Цыкнув зубом, я наклонился к продавцу и вкрадчивым голосом предложил свой вариант:

– За такие деньги ты можешь эту «паленую» трубу завернуть в бумажку, положить ее в целлофановый пакет и засунуть знаешь куда? Можешь не отвечать – по глазам вижу, что знаешь. Короче – даю двадцатку, и мы радостные разбегаемся. Согласен?

Терзать свою задницу фиксатый не захотел, но и с моей суммой не согласился. В конечном итоге, сойдясь на тридцати пяти евро, я получил телефон, проверил его и, выйдя из перехода, сделал первый звонок.

К тому времени оружейная тема был решена окончательно и бесповоротно. Особенно этому поспособствовала беготня, которая случилась полтора часа назад. Уж очень неудобно моя спина себя чувствовала в ожидании пули. Так что в данном случае вопрос стоял не как «ствол и возможный срок», а как «ствол и жизнь». Если сам себя не защищу, меня никто не защитит. Поэтому, когда абонент на том конце ответил, я сказал:

– Привет, Орех! Узнал? Вот и хорошо. Ты сейчас как – не сильно занят? Да нет, ничего, просто хотел пивка попить и тему одну перетереть. Куда подъехать? Хорошо! Через час буду!

* * *

А безопасникам я все-таки позвонил. Через два дня, когда уже выехал из города. Встал в свой старый телефон старую же карточку и звякнул. Лопахин, ответивший на звонок, был вежлив, нетороплив и вальяжен. То есть по его интонациям я понял, что никакого живца из меня делать не собирались, так как никто всерьез даже не рассматривал саму возможность мести. Зато узнав о случившемся, подполковник, мигом потеряв всю вальяжность, резко перевозбудился и сразу предложил подъехать к нему для выработки контрмер. Но тут уже я уперся и, напомнив ему его же слова об отъезде из города, сказал, чтобы они сами разбирались с оборзевшими бандитами. Пусть хоть двойника в мою квартиру селят и ловят этих сынов гор до победного конца. Только без участия Корнева. А от себя добавил, что звоню исключительно потому, что опасаюсь, как бы абреки не подключили свои связи в ментовских верхах и не объявили меня во всероссийский розыск по какой-нибудь особо пакостной статье.

Лопахин, хмыкнув, успокоил и сказал, что уж этого точно не будет. Потом посетовал на мое нежелание сотрудничать. Но надо сказать, что это сетование было довольно мягким. Подполковник, разумеется, чувствовал некоторое неудобство и поэтому, даже когда я отказался говорить, куда именно уеду, только понимающе угукнул и посоветовал: мол, если опять прижмет, сразу звонить ему и двигать в ближайший отдел ФСБ. А он уж приложит все силы для оказания быстрой помощи. Я пообещал именно так и сделать, после чего мы распрощались.

А потом была дорога. Сначала в Тулу. Там, получив положенную порцию причитаний от мамы и занудных наставлений от отчима, двинул дальше – к тетке. Вообще-то шансов, что вислоносые искатели гяура меня найдут в этом городе, не было практически никаких. Я ведь родился в Томске, а сюда наша семья переехала, когда мне три года было. Так что по месту рождения Корнева не вычислить. При устройстве на работу я, конечно, заполнял короткую анкету, но ни Тула, ни родственники в ней никак не фигурировали. Единственно что – в «Роскоме» осталась копия моего диплома и сведения о последнем месте работы – «Служба в ВС РФ». Про службу я вообще молчу. А даже если бандиты попытаются найти меня через институт, то и там ничего хорошего им не светит. Мало того что ФСБ сейчас будет отслеживать всех, кто так или иначе интересуется личностью бывшего старшего лейтенанта, так тут еще и военная контрразведка подключится. НВИ МО РФ²⁶ – это ведь вам не гражданская бурса... А если учесть, что ни прописываться, ни регистрироваться здесь я не собираюсь, то искать меня можно до посинения...

Только отчим, всю жизнь проработавший инженером, привык учитывать все варианты, поэтому было решено, что жить я буду у тети Маши. Его аргументы были достаточно вескими:

– Кто его знает, как может сыграть случай? А у нас в городе достаточно крупная кавказская диаспора, и есть шанс просто столкнуться нос к носу с одним из тех, кто тебя ищет.

Я с подобными доводами согласился, хотя причина была несколько в другом. Мы с моим отчимом, конечно, не конфликтовали, да и мужик он был вполне нормальный, только эта нормальность особенно ярко проявлялась на расстоянии. Все это хорошо понимали, поэтому изна-

²⁶ Новосибирский военный институт Министерства обороны.

чально думал пожить у тетки – старшей маминой сестры. Я у нее, пока в школе учился, каждое лето гостевал, да и потом, раз в год-два, обязательно заезжал. Так что, распрощавшись с предками, двинул в Юрьево – маленький городок, расположенный на берегу Азовского моря.

* * *

Когда я уже рулил по знакомой с детства улочке, которая упиралась прямо в дом тети Маши, на меня нахлынули воспоминания. Эх, сколько мы с двоюродными братьевыми тут куролесили! И сады бомбили, и с военного завода латунные трубки тырили, и даже строили в лиманах подводную лодку. Правда, эта лодка при первом же испытании быстро и как-то совсем не торжественно потонула. Причем вместе с Вовкой – моим старшим братом. Мы с младшим – Сашкой, и еще тремя конструкторами, принимавшими участие в постройке подводного «Титаника», минут сорок пытались провести спасательную операцию своими силами. А когда первый в Юрьево подводник через торчащую из воды трубку объявил, что всё – пипец, вода уже к шее подбирается, запаниковали и рванули за взрослыми. Тогда еще был жив дядя Жора, поэтому он, прихватив своего самого старшего сына – Антона, и еще двух друзей, без лишних проволочек побежали спасать Вована. Да-а... Вовка с тех пор обзавелся яркой кличкой – Капитан Немо или просто Капитан, а я впервые в жизни узнал, каково это – крапивой по голой попе. Тетя Маша различий между нами никогда не делала, поэтому мне досталось наравне со всеми. А Антоха, гад такой, потом еще от себя добавил.

Вот ведь странно... С тех пор уже лет двадцать прошло, а воспоминания о крапиве до сих пор живы. О крапиве, о пирожках с повидлом и о запахе моря. Вот ведь времечко было беззаботное! Хоть нас периодически и припахивали работать коробейниками, продавая отдыхающим на пляже дары теткиного огорода и ее же выпечку, но припахивали без фанатизма, и поэтому свободного времени оставалось выше крыши. Жаль, теперь уже так не порезвишься. Да и вижусь я с братьями довольно редко – все давно поразъехались. Шурик, тот дальнобойщиком стал, с постоянным местом жительства в Питере. Тошка теперь не просто Антоха, а солидный Антон Георгиевич со служебным «Мерседесом», пузом и шофером, подвизается одним из замов у губернатора Волгоградской области. А Вован, полностью оправдывая детскую кличку, рассекая на каком-то охрененном ракетноносце, на ТОФе²⁷, активно угрожает безопасности как западных, так и восточных супостатов.

Тетя Маша же, после того как умер муж, а выросшие сыновья разъехались по всей России, сказала, что в гробу она видела жизнь в пустом доме, и восемь лет назад взяла из детдома девочку. Сначала с этим были заморочки, но Тоха уже тогда был какой-то шишкой в управе и поспособствовал в решении вопроса с удочерением. Так что у нас теперь есть еще и сестра – в детстве довольно милое, а сейчас крайне язвительное и весьма своенравное существо семнадцати лет от роду.

Она-то меня и увидела первой, когда я парковал машину возле ворот. И сразу с воплем: «Мама, мама! Сережка приехал!» – повисла у меня на шее.

* * *

Блин, кайф-то какой! Сидя в плетеном кресле-качалке, вытащенном во двор, я занимался сразу несколькими делами. Принимал солнечные ванны, дегустировал сливы из большого тазика и слушал трофимовскую «Аристократию помойки». Песня, конечно, старая, но к творчеству Сергея Трофимова я пристрастился довольно давно, поэтому сейчас, качнув из

²⁷ Тихоокеанский флот.

Интернета несколько файлов и надев наушники, предавался неге и балдежу. Тетя Маша ушла на рынок, Зойка к подружкам, вот мне никто и не мешал полноценно наслаждаться жизнью.

А когда метко кинутой сливовой косточкой попал точно в голову здоровому гусю, нагло продефилировавшему буквально в десяти шагах от меня, настроение стало вообще фестивальным. Гусь от удара заполошенно подпрыгнул, зло глянул в сторону агрессора и убрался, а я, очередной раз качнувшись в кресле, показал ему «от локтя» и пожалел, что косточка была слишком легкой.

М-да... У меня с данными птицами вообще старинная вражда. Хотя до сих пор как вспомню – неудобно становится. А началось все с того, что блестящий курсант-третьекурсник, весь в форме и значках, прибыл к любимой тетке. Но не успел дойти до калитки, как был атакован целой бандой охамевших в корень гусей. Я к тому времени уже подзабыл, насколько могут быть пакостны эти водоплавающие, поэтому, когда один из них, самый здоровый, с наглой мордой матерого уголовника встал на моем пути и, растопырившись в виде российского герба, вытянув шею, зашипел, только плюнул в него и, буркнув: «Пошел в жопу, мутант», – двинул дальше. Это была ошибка... Кусаться гуси, конечно, не могут, но щиплются эти сволочи аж до слез. Да еще крыльями лупят, как палками! И ведь самое главное – не ответишь! Свернуть тонкие шеи атакующим бандитам не представляло труда, но начинать приезд со ссоры с их хозяевами вовсе не хотелось. Поэтому пришлось позорно убегать. И ладно бы мою ретираду никто не видел! Зряшние надежды! Сколько лет уж прошло, а мне нет-нет да и вспомнят прыжки и кульбиты, которые я перед теткиной калиткой выделял. В этой большой деревне соседи очень глазастые, поэтому домашним было доложено всё. И даже показано в лицах. Я, конечно, во время этих рассказов тоже ржал вместе с остальными, но крайнюю неприязнь к пернатому вместилищу фуа-гра²⁸ испытываю до сих пор.

Так что в полном удовлетворении от меткого попадания я закурил и, прикрыв глаза, продолжил слушать музыку и обдумывать идею вообще не возвращаться в Москву, а осесть здесь, в Юрьево. А что – климат тут просто замечательный, жилье, по сравнению с заоблачными московскими ценами, стоит совершеннейшие копейки, народ опять-таки очень доброжелательный. Девчонки так вообще – все как одна обалденно красивые и совершенно не испорченные эмансипацией. Глядишь, еще и женюсь... Тетка-то мне, уже начиная с третьего дня приезда, начала ненавязчиво сверлить мозг, чуть ли не каждый день приглашая своих подружек с взрослыми дочерьми в гости. И кстати, среди этих дочерей попадались мамзельки очень даже очень. Да и свое дело здесь можно замутить без особых проблем. Денег по меркам провинции у меня сейчас немерено, поэтому вполне можно заделаться олигархом местного пошиба. Да жить себе поживать, спокойно и размеренно. А чего бы не жить, когда я тут всех считай с самого детства знаю. Включая представителей как власти, так и криминалитета. С Женькой Запашным, который сейчас служит первым замом главного мента города, мы ту самую подводную лодку строили, а с Феликсом, который братвой рулит, столько садов соседских обнесли – вспомнить стыдно.

М-да... если здесь останусь – мне никакие Исрани страшны не будут. Пусть они хоть всей своей «Эль-Мухафой» приезжают. Как приедут, так здесь и останутся. В заброшенных карьерах места много, а народ тут хоть и доброжелательный, но за своих всегда стоит горой и горло кому хочешь перегрызет. В больших городах этого давно нет, поэтому я и отвык от подобного отношения. Там ведь как – знаешь только коллег по работе, соседей по площадке да плюс каких-то немногочисленных знакомых, оставшихся с прежних времен. И что характерно, в основном все, как говорится – «кожен сам за сэбэ»²⁹.

²⁸ Блюдо из гусиной печени.

²⁹ Каждый сам за себя (укр.).

Здесь же – как будто страна другая. И люди совершенно другие. Кхм, единственно что, если действительно надумаю остаться, надо будет с Запашным переговорить по поводу моих заморочек. А то ведь я сказал, что просто так приехал. Дескать, фирмочка, где работал, – накрылась медным тазом, а у меня отпусков неотгулянных за несколько лет накопилось чуть ли не на полгода. Вот и решил себе устроить большие каникулы.

Да-а... скажи я такое в Москве, с ее сумасшедшим ритмом жизни, мне бы только пальцем у виска покрутили. А здесь – нормально. Гуляет человек законный отпуск и пусть себе гуляет.

А работа не волк – никуда не убежит, да и новую найти никогда не поздно. Правда, Женька уже неделю назад удочки закидывал насчет того, мол, не желает ли бывший старлей снова стать государевым человеком? Но мне в МВД как-то неохота идти. Лучше свой бизнес начать. Только надо еще придумать, какой именно...

Тут радужные мечты были прерваны движением у забора. Повернув голову, я увидел соседа – Игоря Михайловича, носящего подпольную кличку Профессор. Он жил через два дома от нас и считался новеньким, так как переехал в Юрьево откуда-то из-под Воронежа всего двадцать лет назад. Хм, вот еще одно проявление патриархальности – в таких городках, как этот, жизнь течет очень неторопливо, поэтому и через тридцать лет человека будут здесь считать недавно приехавшим. А Профессором его называли потому, что сосед имел ученую степень, но почему-то давным-давно завязал с наукой и, бросив свой институт, приехал сюда. За время проживания Игорь Михайлович прослыл человеком крайне немногословным, рассудительным и где-то даже таинственным. Наверное, потому что за все годы его жизни здесь он ни с кем близко не сошелся, водку не пил, на базаре фруктами-овощами со своего сада не торговал, отдыхающим угол не сдавал и периодически исчезал на пару недель в неизвестном направлении. В общем, по местным меркам – человек-загадка.

И сейчас Профессор, остановившись возле нашего забора, взмахом руки пытался привлечь мое внимание. Сняв наушники, я положил их на ноутбук, после чего, поднявшись из качалки, сделал несколько шагов, подходя ближе, и поздоровался.

Игорь Михайлович поздоровался в ответ и, несколько помявшись, спросил:

– Сергей, мне Зоя говорила, что вы в компьютерах разбираетесь?

Пожав плечами, я кивнул:

– Разбираюсь маленько. А что у вас?

Сосед махнул рукой:

– Да что-то моя машинка работать перестала. Начинает загружаться, сканирование памяти и видеокарты проходит нормально, а потом даже заставка появиться не успевает, как все уходит в перезагрузку. Вы не подскажете, как это лечится и лечится ли вообще?

Хе, это же надо, какие у нас пенсионеры продвинутые пошли! Сосновскому, насколько мне известно, далеко за семьдесят, если даже не за восемьдесят, а гляди ты – не просто с компом дела имеет, но еще и более-менее внятно проблему описать может. Хотя что с него взять, не зря говорят – «профессор»! С другой стороны, до весны я совершенно свободен, так почему бы не помочь? Тем более что дисками с прогами затарился по самое «не могу», да и на ноуте столько всего лежит, что сложностей в процессе помощи возникнуть не должно.

Поэтому солидно ответил:

– Смотреть надо. Сейчас схожу, оденусь, сумку с «дровами» возьму, и пойдемте, глянем, что у вас случилось...

* * *

Вот так я вплотную и познакомился с бывшим завлабом Радужнинского научно-исследовательского центра – Сосновским Игорем Михайловичем. Комп сделал, остался на чай, потом просто языками зацепились. А после этого как-то получилось, что я к нему довольно часто стал

заходить. Собеседником Игорь Михайлович оказался очень интересным и знаниями обладал просто запредельными. Причем в самом широком спектре – от политики и до технических новинок. Ну так еще бы! Профессор, который на самом деле был доктором физико-математических наук, мне наглядно показал, что доктором он не просто так называется. Во всяком случае, до знакомства с ним я еще не встречал настолько эрудированных людей.

Поэтому и триндели мы, бывало, по несколько часов подряд. Причем с неослабевающим с моей стороны интересом. И как-то само собой вышло, что я ему первому рассказал об истинных причинах приезда в Юрьево. Профессор, в общем, мои действия одобрил, попеняв только на то, что я не сразу из Москвы удрал. И еще – он почему-то совсем не сомневался, что евреи меня хотели задействовать в какой-то своей операции, а я, отказавшись от их предложений, все планы Моссаду поломал. Кстати, во время того разговора у меня сложилось такое впечатление, что Игорь Михайлович на евреев имеет огромный зуб. Но когда я спросил об этом прямо, он только улыбнулся и перевел разговор на другую тему.

А ближе к концу сентября, когда я очередной раз пришел к нему в гости, сосед, выставив на стол неизменный чай с малиновым вареньем, завел довольно странный разговор. Точнее, у нас все разговоры были с заумью, но начало этого мне показалось совсем уж необычным. Игорь Михайлович, хлебнув чаю из большой расписной кружки, задумчиво посмотрел на меня и поинтересовался:

– Сережа, вы что-нибудь слышали о теории Хью Эверетта? В частности, о его «Формулировке квантовой механики через относительность состояний»?

– Чего-о-о?

Похоже, у меня сделались такие глаза, что «проф», смутившись, поспешил перефразировать и уйти совсем с другой стороны:

– Извините... Задам вопрос по-другому. Скажите – вы фантастику любите?

Я хмыкнул и ответил фразой из анекдота:

– Кушать да, а так – нет.

– Понятно... А как вы относитесь к гипотезе множественности миров?

– «Множественности» – это типа параллельных, что ли? В принципе – никак. Хотя о ней слышал. И даже фильм смотрел. Вон, на прошлой неделе новый сериал показывали, «Зазеркалье» называется. О том, как группа американских ученых бежит по тем самым «параллелям» и влипает в неприятности. А к чему это вы спросили?

Игорь Михайлович отставил свою посудину, повздыхал и, махнув рукой, словно отменяя какие-то сомнения, начал свой рассказ.

Оказывается, очень давно, еще в прошлом веке, в так называемом закрытом городе Радужный-2, расположенном во Владимирской области, велись исследования, в том числе и по поводу параллельных миров. А сосед был одним из руководителей лаборатории, занимавшейся данным вопросом. Все у них было совершенно по-взрослому. И строжайшая секретность, и курирование со стороны КГБ, и допуски, по сравнению с которыми мой допуск – это просто детский лепет. Был даже практически настоящий коммунизм в отдельно взятом городе. Только вот результатов не было. Кроме множества теорий и сотен неудачных экспериментов – совершенно ничего. А в 1990 году в Аркаиме археологи нашли, как выразился Сосновский, – «прелюбопытнейший артефакт».

М-да... слово «артефакт» у меня прочно ассоциировалось исключительно с компьютерными игрушками, но с «профессора» станется обозвать так все что угодно. Да и честно говоря, я не очень-то поверил в его рассказ. У людей, даже очень умных, к старости так бывает... Как бы это сказать? В общем, они слегка клинят. Кто на чем. Игорь Михайлович, похоже, находясь столько лет в одиночестве, поймал бзик на утверждении собственной значимости. Дескать, это я сейчас старый и больной, а вот ра-а-а-ныше – ух! Был кум королю, сват министру!

Ну и для большей убедительности принялся рассказывать сказку о закрытом исследовательском центре. Зачем это ему надо – непонятно. А сейчас даже мне стало неудобно от подобных речей, поэтому, не заостряя вопрос на конкретизации находки и желая уберечь собеседника от «потери лица», спросил другое:

– А что такое Аркаим? Город или страна? Да и вообще – название какое-то нерусское. Небось, где-то на Тибете находится?

Сосновский недоуменно посмотрел на меня и крикнул:

– Сергей, ну нельзя же настолько не интересоваться окружающим миром! Это ведь археологическое открытие, сравнимое по значимости с находкой Шлиманом Трои! Знайте: Аркаим – это именно город. И найден он не где-то на Тибете, а у нас, в Челябинской области, в восьмидесятом году прошлого века, при строительстве гидроузла.

Странно... Про этот город я действительно что-то слышал. Но как у «профа» интересно выходит реальность с выдумкой смешивать. А! Я, кажется, понял, к чему он все сведет! Ну, ну... Ладно, хочется ему поприкалываться над молодым собеседником, пусть себе. Тем более что уж в чем, в чем, а как рассказчик сосед кому хочешь фору даст...

А Игорь Михайлович, видно удовлетворенный моим подбадривающим кивком, вздохнул и, сказав, что не это главное, продолжил рассказ.

В общем, по его словам, археологи нашли, а гэбэшники приволокли в Радужный какую-то хреновину, похожую на турник. Сделана эта штука была из очень хитрого сплава, который для тех времен был просто невозможен. Ученые резво взялись ее обследовать, но, кроме странности металла, она их работе ничем не помогла. Поначалу. А потом случился прорыв. Точнее, то, что было принято за прорыв – когда при определенном воздействии подключенные к объекту приборы стали выдавать весьма любопытные характеристики. Только дальше этих необычных характеристик дело не сдвинулось. Но объект был признан особо перспективным и его принялись ковырять с утроенной энергией. Работали очень плотно, до самого конца, который наступил в 1993 году...

Блин, Игорь Михайлович рассказывал все настолько серьезно, что я внутренне подбрался. Как-то слишком много подробностей. Да и глаза во время этого рассказа у него стали такие... Нет, или в его лице сцена потеряла великого актера, или... да нет, не может быть! Сейчас он дождется, когда я рот от удивления открою, и в своей обычной манере начнет по доброму вышучивать великовозрастного балбеса, который до сих пор верит в сказки. А вот фиг он угадал! Не дождется!

Но сосед и не думал улыбаться. Наоборот, тяжело вздохнув, он продолжил рассказ, говоря о том, что к 1993 году финансирование совсем прекратилось, а на секретных объектах начали появляться какие-то мутные «иностранные наблюдатели». И как-то так совпало, что тогда же бывший «коммунистический» город начал резво превращаться в город будущих наркоманов. В общем, стало окончательно понятно, что стране уже не нужны ни ученые, ни их исследования, и народ принялся активно разбегаться в поисках заработка.

Я про подобный беспредел был наслышан и относился к нему просто как к превратностям того далекого времени, но Профессор от воспоминаний совсем распереживался и даже закурил стрелнутую у меня сигаретку. Затянувшись один раз, он закашлялся и, вытерев платочком заслезившиеся глаза, с силой воткнул ее в пепельницу. А потом, помолчав, сказал:

– Но за некоторое время до наступления полного коллапса была объявлена подготовка к плану «Сумерки».

Загасив до конца продолжавший дымиться «бычок», я осторожно поинтересовался:

– И что этот план подразумевал?

– Хм... он подразумевал очень многое. Но скажу лишь одно – этот план был разработан на случай оккупации страны противником. Так что сами можете представить, что это было за время.

– И?

– И всё. Подготовка была, но реализации не было. Где-то произошел сбой. Хотя какой там «сбой»... Когда предательство происходит на самом верху, это гораздо хуже любой самой страшной оккупации... В общем, все просто тихо развалилось и умерло. Но наш руководитель – Тихомиров, светлейшая голова и ученый с большой буквы, взял на себя ответственность и пошел на должностное преступление. Он, по ряду лабораторий, реализовал «Сумерки» на свой страх и риск, еще до окончательного развала. Все данные последних исследований были уничтожены или фальсифицированы. А наиболее перспективные к разработке объекты розданы трем руководителям проектов. Куратор от КГБ был настоящий патриот и поэтому одобрил все действия Тихомирова. Да что там говорить, без куратора ничего бы и не получилось... А так, когда какие-то непонятные люди с большими полномочиями приехали осматривать наш центр, им досталась только не представляющая интереса мелочовка и липовые результаты работы. Ну а мы просто разбрелись кто куда. Мне до пенсии оставалось всего-ничего, поэтому, доработав дворником, продал машину и переехал в Юрьево. Квартиру пришлось просто бросить, так как в Радужном-2 она стоила совершеннейшие копейки, только даже за эти копейки покупателей не было. А то, что было накоплено и лежало в сберкассе, превратилось в пшик. Хорошо еще, денег с продажи «Волги» вполне хватило на покупку этого домика. М-да...

– А почему дворником устроились? Получше места не нашлось? Или это... кхм, для маскировки?

– Какая там маскировка! Туда, где платили, то есть за границу, я не собирался ехать по моральным соображениям, а на родине... В общем, так скажу: грузчик из меня получился плохой – годы не те, но вот дворник – вполне нормальный...

Игорь Михайлович, побарабанив пальцами по столу, на несколько секунд замолк, видимо вспоминая, каково ему тогда пришлось, а потом выдал:

– А теперь самое главное. Уже здесь я, насколько мог, продолжал исследования объекта «18–36 бис». Продолжал, даже зная, что раньше мы практически ничего не могли добиться целым штатом светлых голов. Но свободного времени у меня неожиданно стало очень много, вот и ковырялся потихоньку. Восемнадцать лет исследований прошли безрезультатно... Только, как это очень часто бывает в науке, все решил случай. Два года назад на... – Сосновский хмыкнул и, смущенно кашлянув, продолжил: – Да, на свалке, я нашел интересный прибор. Ну, вы, наверное, подобные видели. На базе трансформатора Теслы сделана такая игрушка – стеклянный шарик с электрическими разрядами. Принес ее домой, починил и, включив, поставил на стоящий в углу столик. Как раз рядом с «турником». И представьте мое удивление, когда внутреннее пространство объекта «18–36» вдруг потемнело! То есть буквально через пару секунд налилось сплошной чернотой! Я был поражен! Ведь еще в Радужном что мы только не пробовали. В том числе и трансформаторы Теслы. Но результата не было. А тут вдруг все получилось... М-да... В общем, не буду утомлять вас рассказами о том, что и как я делал потом, просто скажу – мне удалось открыть путь в параллельный мир!

Я, хлопая глазами, слушал этот рассказ, не зная – верить или нет. Ведь все было сказано без тени улыбки. А глаза, тональность, мимика, интонации только подтверждали, что человек говорит правду. Но он не может ее говорить! И дело даже не в фантастичности самой истории! Дело совершенно в другом.

Сосновский, видно, правильно истолковал мое молчание, потому что, улыбнувшись, спросил:

– Вас что-то смутило в моем рассказе?

Я кашлянул и честно ответил:

– Вообще-то да. Спорить не стану – в жизни и не такие чудеса встречаются. Но сами посудите – по вашим словам, вы практически всю жизнь проработали на государство. Причем не просто на государство, а на его наиболее закрытые проекты. И что такое режим секретности,

знаете не понаслышке. Да что там говорить – он у вас в крови сидеть должен! А тут... как там у классиков было... – Прикрыв глаза, я по памяти процитировал: – «И тогда Ипполит Матвеевич открыл первому же встреченному им проходимцу все, что ему было известно о бриллиантах». Так что или вы вообще не работали в закрытом городе, или никакого открытия не было, а вы мне сейчас, кхм... извините, просто сказку рассказали.

Мне казалось, что после этих слов Игорь Михайлович может обидеться, но этого не произошло. Наоборот, удовлетворенно кивнув, словно убедившись в каких-то своих предположениях, он серьезно произнес:

– А третий вариант вы не учитываете?

– Какой?

– Безвыходное положение. Кстати, у Кисы Воробьянинова оно тоже было безвыходным, только «предводитель дворянства» это не сразу понял. Но чисто инстинктивно поступил правильно. Ведь если рассуждать трезво, то без Остапа Ипполит Матвеевич не нашел бы вообще ни одного стула. А с Бендером лишь случайность помешала добраться до сокровищ. Вот и у меня сейчас безвыходная ситуация. Просто мне для одного очень важного дела, направленного на продолжение исследований, **КРАЙНЕ НЕОБХОДИМ** помощник. Причем не в научной части, а скорее в силовой. То есть молодой, крепкий и неболтливый человек, который умеет хранить чужие секреты.

«Проф» многозначительно замолк, а я облегченно выдохнул. Фу-у-у, вот тут-то ты, мил человек, и прокололся! «Безвыходное положение» у него. Щаз! При подобных раскладах у ученого никак не может быть этого самого «безвыходного положения». Да как только государственные люди узнают об успешном эксперименте, у соседа не возникнет никаких проблем и вопросов. Ну, может, кроме одного: «Что? В какой валюте я хочу получить положенную вместо Нобелевской премии компенсацию?»

Но желая поддержать предложенную игру, я не рассмеялся в голос, а только вьедливо поинтересовался:

– И для чего он вам нужен? На роль подопытной крысы? – и тут же добавил: – Если вы меня на эту роль сватаете, то разу скажу – я несогласный. Я электричества боюсь, да и вообще... – А потом, сменив тон, фыркнул: – Вам не надоело? Как по мне, так шутка затянулась. Рассказывали вы, конечно, очень увлекательно, но я слишком хорошо знаю СИСТЕМУ, чтобы вам поверить. Судите сами – как только государство узнает о вашем открытии...

Увидев внезапно заледеневший взгляд Профессора, я осекся, а он, катнув желваками, отрезал:

– Государство?! Для меня никто «Сумерки» не отменял! Сергей Васильевич, разве вам не очевидно, если парадигмой общества декларируется и возможность, и даже необходимость паразитирования, то обращаться к носителям такой государственности безнравственно?

Ого! Как завернул! В последний раз Игорь Михайлович выражался подобным слогом, когда я заикнулся о Сталине, обозвав усатого правителя «кавказским палачом». А Сосновский в ответ минут на двадцать разразился осуждающим мою позицию монологом, из которого я практически ничего не понял, лишь по интонациям собеседника догадавшись, что он со мной в корне не согласен. Вот и сейчас, кажется, мое предложение Профессора сильно выбило из колеи. Обычно он тщательно следит за своей речью и старается не использовать стиль общения, принятый в их научной среде, предпочитая разговаривать нормальным языком. Но, похоже, мои слова его чем-то крепко зацепили.

Хорошо хоть, его теперешняя фраза была достаточно коротка, и я вполне ясно разобрал в ней принципиальное нежелание сотрудничать с властями. Поэтому, сглаживая ситуацию, примиряюще пожал плечами:

– И что вы так разволновались? Бардак девяностых вроде давно закончился. Зарплаты да пенсии платят. Бандитской стрельбы на улицах нет. Чего вам еще не хватает?

Игорь Михайлович, похоже, взял себя в руки, ответив вполне понятным языком:

– Отношения к жизни. Пойми, власть у нас вроде не оккупационная. И руководят нами не пришлые иностранцы, а вполне себе граждане России. Но это все лишь внешняя оболочка. Маска. Так как по сути, по своему духу, они – янычары.

Я удивленно вытаращил глаза:

– Это в каком смысле?

– В самом прямом. Если тебя с детства воспитывают относиться с презрением ко всему отечественному, начиная от любых технических или художественных достижений своей страны и заканчивая людьми, в ней проживающими, то патриотом ты точно не вырастешь. Наоборот...

– Да ну, – неопределенно покрутив ладонью, я попытался сформулировать: – Это кто же нынешних шишек так мог воспитать? У них папы-мамы все как один при СССР посты занимали – дай боже! И идеология тогда была ого-го! Так что воспитывали как раз в духе этого, как его... о! – коммунистического ленинизма. Или марксизма?.. Не суть! Главное, что если кто от этого учения отходил, так или с поста гнали, или вообще – на Колыму!

Сосновский вздохнул:

– Не думал, что нынешняя молодежь столь наивна... Вот скажи, тебе известен термин «штатники»? Э-э-э... хотя это самоназвание, и они гораздо более известны, как стилиаги.

На секунду задумавшись, я согласно кивнул:

– А как же! Лет семь назад одноименный фильм видел. Очень даже неплохой. Яркий, сочный, с хорошими песнями. Кстати, даже не предполагал, что у нас в пятидесятых могла быть своя субкультура. А что?

– Оставим за рамками то, что этот фильм имеет к реальности такое же отношение, как и сказки братьев Гримм. Весь, включая так понравившиеся тебе песни, реально, кстати, написанные в конце восьмидесятых годов. Просто стилиагами, или как они себя сами называли – штатниками, могли стать лишь дети **ОЧЕНЬ** обеспеченных родителей, имеющих вдобавок хорошие связи. Я вот тоже смотрел то кино, про которое ты говорил. Смотрел и смеялся от всей души. Как же – молодой паренек из коммуналки, подработав на разгрузке вагонов, приобрел себе яркую одежду и тут же влился в стройные ряды стилиаг.

Пожав плечами, я спросил:

– И что тут такого? Захотел и влился. Там ведь не в одежде дело было, а в духе!

Профессор подумал, а потом, видно, решив не усложнять, ответил:

– Знаешь, Сережа, я не буду тебе объяснять все нюансы. Скажу одно – шанс быть принятым в подобную компанию у него был. Точно такой же, как у нынешнего московского студента откуда-нибудь из хрущевки в Бирюлево попасть на тусовку современной «золотой молодежи». И не просто попасть, но и стать завсегдатаем этой тусовки. Так что сам можешь подсчитать эти шансы... М-да... Но мы отвлеклись. Так вот: штатники – в основном дети дипломатов, генералов, профессоров, директоров магазинов, членов политбюро и прочих «сливок интеллигенции», с юности поняли одно: они – будущая элита, которой красиво жить не запретишь! А красивая жизнь в их понимании это обязательно – «made in...». И так как СССР, вместе с населяющими его людьми, ничего интересного, с их точки зрения, предоставить не мог, они обратили свой взор на Запад. Стараясь при этом всячески дистанцироваться от своей страны и своего народа, в тесном кругу, с наслаждением унижая «совок» и восхищаясь всем иностранным. Так, конечно, поступали далеко не все, но именно тогда началось гниение. А так как у нас сын дипломата становится дипломатом, а сын генерала – генералом, то к началу девяностых мы имели вполне себе созревшую поросль, готовящуюся занять места родителей у руля государства. Поросль, считающую слово «патриотизм» – ругательством, народ – быдлом, а страну – полным дерьмом, годным лишь на то, чтобы качать из нее деньги. Поросль временщиков, которые воспитывают детей за границей, держат финансы в иностранных банках, поддержи-

вают не своего, а английского или немецкого производителя. Тех, которые практически уничтожили российскую науку и образование. А вы еще спрашиваете – чего мне не хватает... Так что, пока во власти янычары, наше руководство может не беспокоиться относительно параллельных миров.

Изумленно почесав щеку, я уточнил:

– Так что, все со стилинг началось?!

– Нет, конечно, но и они внесли свою лепту. А о штатниках вспомнил, потому что ты спросил: каким образом во времена Союза могли появиться люди, презирующие свою родину. Вот я и привел пример. Хотя, конечно, причин может быть очень много...

Сосновский перевел дух и, как-то сторбившись, добавил:

– Только ты знаешь, Сергей, я думал, что хуже, чем было у нас, просто быть не может. Но когда попал «на ту сторону», понял, что наш вариант истории это даже не цветочки, а так – пыльца от цветочков.

Я, отходя от эмоциональной речи собеседника, тряхнул головой и, возвращаясь к предыдущему странному разговору, ехидно улыбнулся:

– Ого! Так вы уже ТАМ были? А зачем тогда я понадобился?

«Проф» бросил на меня удивленно-рассерженный взгляд:

– Разумеется, был. Не думаете же вы, что я вообще бы начал этот разговор, досконально не убедившись в полной безопасности функционирования портала?

Не обращая на его недовольство внимания, я так же, с подначкой, продолжил:

– И как ТАМ? Люди есть?

– Конечно. И земля, и люди, и Россия есть. Точнее, то, что от нее осталось...

– В смысле?

– В самом прямом. Российской Федерации в том мире больше не существует. – Видно, предугадывая мой вопрос, он махнул рукой: – Нет. Никакой войны не было. Все было практически как у нас. Только вот, по разным причинам, распад СССР плавно перешел в распад самой России. О причинах произошедшего говорить можно долго, но вы ведь политикой не очень интересуетесь, да и не это сейчас главное...

У меня по спине пробежали ледяные мурашки. Это он что... это он всерьез?! То есть наш престарелый сосед на самом деле руководил какой-то закрытой лабораторией? На самом деле проводил эксперименты с параллельными мирами? На самом деле сделал открытие? Бред! Так не бывает!

Я с трудом сглотнул и, уже очень надеясь, что все вышесказанное было просто шуткой, выставил руку перед собой, призывая собеседника к молчанию, и твердо произнес:

– Игорь Михайлович, вы меня, конечно, извините, но хотелось бы кое-что уточнить. Из всего рассказанного мне понятно – данные о «турнике» относятся к высшей категории секретности. И судя по тому, что за все эти годы никто из властных структур вас не побеспокоил, похоже, вы остались единственным человеком, кто о нем вообще знает. То есть вы, единолично, много лет были владельцем бесценной информации, способной перевернуть мир. Вот и возникает вопрос – почему именно я? В смысле, почему и зачем вы это все мне рассказали? Мы ведь знакомы буквально месяц, и у вас нет никакой гарантии, что я с этими новостями не рвану в ФСБ.

Игорь Михайлович молча поднялся и, выплеснув остывший чай, налил нового. А потом, сев, спокойно сказал:

– За этот месяц я вас узнал достаточно, чтобы понять – вам можно доверять. А если учесть, что вы совсем недавно были командиром подразделения, относящегося к структуре ГРУ, то по умолчанию являетесь человеком, который отлично осознает, что полученные вами сведения имеют гриф «особой важности» категории «А». И поэтому отнесетесь к ним не как какой-нибудь гражданский шалопай, которому хватит ума придать всё услышанное огласке...

– Это-то я как раз отлично понимаю! Я не понимаю другого – почему вы думаете, что я не пойду с этими сведениями в компетентные органы?

Сосед пожал плечами и, тяжело вздохнув, ответил:

– Потому что я вас об этом попрошу. Просто по-человечески попрошу повременить с походом в госбезопасность. Неужели этого мало?

Я подозрительно посмотрел в выцветшие от старости глаза Сосновского, которые так и лучились доверием, и чуть не сплюнул. Нет, ну надо же так попасть?! Зараза! Вот как задницей чувствовал, что ничем хорошим его байка не кончится. Ха – «просто попрошу»... тут гостайна высшей категории, а он в игрушки играет. Или... или не играет? Еще раз глянув на старика, я задумчиво пожевал губу.

Так, надо мыслить логически. Начнем с того, что дураком «профа» точно не назовешь. Дурак просто не в состоянии двадцать лет хранить ТАКОЙ секрет. То есть ума, выдержки и скрытности у старика вполне хватает. А тут вдруг Сосновский решил раскрыться малознакомому человеку. Ладно, допустим, у него безвыходная ситуация и понадобился помощник. Но почему я? Понятно, что на тракториста Васю или студента Петю, могущего случайно разболтать доверенные сведения, я не похож. Не зря сосед упомянул мою службу в подразделении ГРУ. Но ведь он должен сообразить, что трепать языком собеседник, конечно, не будет, только вот именно в силу своего офицерского прошлого, понимая, КАКОЙ важностью обладает полученная информация, с огромной долей вероятности доложит о ней наверх. И все эти «просто попрошу» являются в данном случае наивной отмазкой. Игорь Михайлович не может этого не учитывать.

Нет, тут что-то другое. Профессор, похоже, уверен, что я его не сдам. Тогда получается... Еще раз взглянув на своего собеседника, я только зубы сжал. Вот змей, неужели он НАСТОЛЬКО смог все просчитать? Мне ведь действительно в органы бежать совсем не с руки. До поездки в Израиль – без проблем. А сейчас... М-да, не зря я, как только заподозрил, что рассказываемая им байка может быть РЕАЛЬНОЙ историей, холодным потом покрылся. И все из-за своего еврейского приключения. Причем если бы дело ограничилось только террористами, то это еще было бы ничего. Стычка с арабами воспринималась бы как несчастный случай, не более того. Но как уже говорилось, я слишком хорошо знаю СИСТЕМУ. И это знание дает уверенность в том, что как только Корнев законтачил с представителями израильских спецслужб, в лице Майиного жениха, то его моментом взяли на карандаш. И в ФСБ, и исходя из моей ВУС³⁰ – в военной контрразведке. Нет, свежезавербованного шпиона во мне не подозревали. Но сведения о контакте нашли отражение в личном деле. И вовсе не потому, что меня решили «закошмарить», а потому что так было положено.

В обычной жизни это практически ничем не грозило. Единственно что, даже работая на гражданке, я не сумел бы получить допуск, имеющий хоть какое-то отношение к государственной тайне. К примеру, не смог бы работать главным инженером на режимном предприятии. Или шишкой в какой-нибудь внешнеполитической госструктуре. Ну и фиг с ним. Я туда, в общем, и не рвался.

Но в случае с Сосновским все становится гораздо сложнее. И если всплывет информация о моей причастности к информации грифа «особой важности», то я даже боюсь предположить свою дальнейшую судьбу. Будь даже я чист аки агнец, и то – жизнь бы круто поменялась. Причем с непредсказуемыми последствиями. Но вот отметка в личном деле о контактах с представителями забугорных спецслужб лишает каких-либо иллюзий напрочь. Что контрразведка, что безопасность – особыми сантиментами не страдают, и если будет хоть малейшее подозрение, что тайна ТАКОГО уровня может попасть к иностранцам, то Корнева в самом лучшем случае упакуют так далеко и глубоко, что я имя свое забуду, а солнце буду видеть раз в полгода. Чего

³⁰ Военно-учетная специальность.

тут говорить – уж я-то точно знаю, что это обычная практика, принятая в любой серьезной стране. Только мне совершенно не хочется «упаковываться». Так что ни о каком походе в ФСБ не может быть и речи.

Тут Сосновский все верно просчитал. Но ведь он мне не только рассказал про свое открытие, он еще и про помощника намекнул. Поэтому очень интересно, почему сосед считает, что я не пошлю его на три буквы и не сбегу куда подальше? Это было бы вполне логично с моей стороны.

Нет, что-то не то получается... Тогда какой ему был смысл вообще про «турник» рассказывать? Но он рассказал, значит, почему-то считает, что я стану ему помогать. Почему?!

Хм... задумчиво поскребя щеку, я машинально глотнул чаю и, не найдя прямого ответа, решил прервать затянувшееся молчание:

– Допустим, я уважу вашу просьбу и сохраню все в тайне. Но мне одно непонятно – с какой стати вы решили, что я воспылаю желанием вам помогать?

Сосновский как-то лукаво сощурился, неуловимо став похожим на кота Базилио из старого фильма, но ответил вполне серьезно:

– Знаете, Сережа, вы, разумеется, можете отказаться. Тем более что мне и оплатить вашу помощь нечем. Ну... практически нечем. Только имейте в виду – вам я могу доверять всецело, будучи твердо уверенным, что вы человек слова и информация об «объекте 18–36» нигде не всплывет. Не всплывет, так как вы отлично понимаете, какое отношение должно быть к сведениям подобного уровня. Но в случае вашего отказа мне придется искать другого помощника. И нет никакой гарантии, что он не будет гораздо менее опытен вас в отношении сохранения информации категории «А».

Вот гад! Я аж фыркнул от неожиданности. Как он все продумал! Теперь все стало понятно... Ну да, к примеру – я отказываюсь. И что? Этот «профессор Мориарти» ищет другого. Но если другой хоть как-то проболтается, то мне точно – кирдык! Безопасность, выйдя на Сосновского с помощником, начнет их трясти как груши (да еще и наверняка с применением фармакологических средств). В данном случае никто стесняться не будет. И в результате этой «тряски», помимо основной информации, появятся сведения о причастности к этому делу некоего Корнева. То есть лично для меня получатся те же яйца, только в профиль. Но так как подозрений в этом случае у госбезопасности будет больше (типа – почему скрывал?), то на «упаковку» можно не рассчитывать. Найдут, допросят и закопают. Ну я и влип... Вот только этого геморроя мне ко всему прочему и не хватало. Для полноты, блин, ощущений!

Ладно... «Проф» у нас человек головастый, но и я не пальцем деланный. Он думает, что все учел, но почему-то упускает возможность того, что и я могу кое-что спрогнозировать в его поведении. Так что поиграем... Сделав задумчивое лицо, я шумно выдохнул и, криво улыбнувшись, поинтересовался:

– Игорь Михайлович, вы себя в роли шантажиста до встречи со мной не пробовали? А то хватка нешуточная чувствуется...

Сосновский всплеснул руками:

– Бог с вами, Сережа! Вы о чем?!

Непонимающего строишь? Хорошо, а если так:

– Задам вопрос по-другому. Ответьте честно, если бы не мое еврейское приключение, вы бы мне стали рассказывать о своих исследованиях?

Игорь Михайлович потарабанил пальцами по столу, побряхтел, а затем, глядя мне в глаза, твердо ответил:

– Но ведь оно было? И знаете, Сергей Васильевич, я очень рад, что не ошибся в вас. Рад, что вы все смогли трезво взвесить и понять...

После этих слов у меня исчезли последние сомнения. Этот жук очень четко просчитал ходы собеседника. И сейчас практически прямым текстом ответил, что если бы не моя стычка с

террористами, а самое главное, последовавшая за ней встреча с Натаном Блохом, он бы никогда ничего мне не стал говорить.

Я поудобнее уселся на стуле и, достав сигарету, щелкнул зажигалкой. Раньше себе такого не позволял, всегда спрашивая разрешение, прежде чем закурить, но сейчас мне нужно было показать, что наши отношения перешли в несколько иную плоскость. А потом, выпустив к потолку струю дыма, выдал:

– Ладно, расклад ясен. Теперь можете говорить, для чего вам так понадобился помощник?

Сосновский, который понял, что я хоть и покраснел от злости, но не собираюсь его прямо сейчас душировать диванной подушкой (хотя, честно скажу, даже этот вариант с перепугу мелькнул было у меня в голове), встрепенулся и торопливо сказал:

– Поверьте, Сергей, ничего сложного! Надо только сходить на ТУ сторону, добраться до Радужного-два и, достав из тайника «турник», привезти его сюда. То есть ваша помощь и состоит в этой единичной акции. После которой я больше вас никогда не потревожу.

– Пф! – Я поперхнулся дымом. – Э-э-э... Что-то я недопонял. Если этот «турник» ТАМ, то как я ТУДА вообще попаду?! Вы... ничего не путаете?

У меня внезапно вспыхнула надежда, что вся эта история все-таки бред впавшего в неожиданный маразм собеседника, но сосед ее быстро развеял:

– Не путаю. Просто в ТОМ мире, приблизительно до путча девяносто первого года, все было совершенно так же, как и у нас. И объект «18–36» был найден и передан в нашу лабораторию. Но его так и не удалось активировать, хотя исследования шли гораздо дольше, чем у нас, – вплоть до 2009 года. А вывод о том, что и в параллельном мире работа с находкой зашла в тупик, я сделал после того, как артефакт обнаружился в тайнике. В противном случае объекта бы там не было. Сами понимаете, что активированный портал никто...

Внимательно слушая Профессора, я уловил некую нестыковку в его рассказе и перебил:

– Извините, вы сказали, что в «параллели» исследования шли гораздо дольше. Но это значит, что и последующая ситуация там была иной. Откуда в таком случае вы могли знать, что в тайнике что-то есть? Да и само местоположение тайника... оно ведь тоже изменилось? Согласитесь – не может быть, чтобы человек, действуя в разное время и в разных условиях, нашел для тайника одно и то же место.

Собеседник в ответ лишь вздохнул:

– Мне понятны ваши сомнения. Я и сам не знал наверняка, есть там объект или нет. Шел наудачу, думая для начала найти своего двойника и получить от него необходимую информацию. Но, добравшись до Радужного, узнал, что пенсионер Сосновский через несколько недель после окончательного закрытия центра был убит во время бандитской перестрелки. М-да... – «Проф» с силой потер лоб и продолжил: – Что же касается местоположения тайника... Просто, согласно внутренней инструкции от 19 августа 1991 года, для моей лаборатории были приняты четыре точки возможных «захоронок». Вот, узнав о «собственной» смерти, я по ним и пошел. Деваться-то все равно было некуда, плюс оставалась крохотная надежда, что инструкция осталась неизменной и в ТОМ мире, да еще что Сосновский-два четко следовал ее выполнению. Хотя честно скажу – шел, совершенно не рассчитывая на успех. Так, для очистки совести. Но неожиданно даже для себя, обследуя второе место возможного тайника, нашел то, что искал.

– Так что же вы его сразу не забрали?

Профессор удрученно пожал плечами:

– Потому что артефакт весит двадцать девять килограммов. Я его просто пытаюсь поднять чуть не надорвался, не говоря уже о том, чтобы куда-то нести. В упакованном виде он, конечно, объем занимает достаточно небольшой, но на вес это не влияет...

– Ага, понял. Так получается, что «турников» две штуки? У нас и ТАМ?

Игорь Михайлович, подняв палец, торжественно заявил:

– В том-то и дело! В том-то и дело, что две!

Сложив пальцы домиком и щурясь от попадающего в глаза дыма, я подвел черту:

– Значит, вы хотите, чтобы я сходил в «зазеркалье», прошел по его территории... – на секунду запнувшись и прикинув расстояние, продолжил: – Тысячи полторы километров, взял спрятанную в тайнике хреновину и принес ее вам? Так?

Сосновский, удивленный внезапно изменившимся тоном собеседника, настороженно подтвердил:

– Так.

А вот теперь, доктор наук, держись! Думаешь, что все прикинул? Тогда – заполучи:

– Нет. Никуда я не пойду. Ищите другого дурака за пять сольдо!

«Проф» от такого заявления откровенно растерялся:

– Э-э-э... Но...

– Чего «но»? Или вы думали, что я, отлично понимая свое положение, никуда не денусь? Зря! Да, я знаю отношение спецслужб к секретносителям такого уровня. И знаю, чем мне может грозить возможная утечка. Тут вы все правильно рассчитали. Но не учли того, что и я могу предвидеть ходы оппонента. Так вот, уважаемый Игорь Михайлович, никакой утечки просто-напросто не будет! И объясню почему: вы двадцать лет хранили тайну. Но главное не это. Главное, что, совершив глобальнейшее открытие, которое переворачивает все представления человечества о мироздании, вы не обнародовали его. Кстати, насколько мне подсказывает пусть и небольшой жизненный опыт – ученые тщеславны. И я даже не могу представить, что кто-то из этой ученой братии смог бы поступить аналогично. Но вы поступили именно так. Понятно, что вы человек старой закалки, да плюс со своими тараканами в голове относительно ныне существующей власти, так что тут, наверное, есть свои резоны. Но именно эта закалка и позволяет мне с уверенностью сказать – никто ничего не узнает. И к подходу поиска другого помощника вы отнесетесь ничуть не менее тщательно и взвешенно, чем сейчас. Так что МНЕ опасаться нечего. А засим – позвольте откланяться!

Я встал и, воткнув сигарету в пепельницу, глянул на собеседника. Тот молчал, не поднимая головы, упершись взглядом в вытертую полировку стола. Молчал до тех пор, пока я не сделал шаг к двери. А потом, уже мне в спину, сказал:

– Вы во всем правы... Извините меня, Сережа, я действительно хотел поступить непорядочно, воспользовавшись вашей откровенностью...

Обернувшись, я уже хотел было ляпнуть что-нибудь типа «бог простит», но, увидев выражение лица Сосновского, осекся. А он продолжал:

– И вы, разумеется, вправе думать обо мне как о старом, неудачливом шантажисте. Но вы для меня были последним шансом. Из-за этого все так и получилось. Мне ведь далеко за восемьдесят, и у меня просто нет знакомых, которым можно было бы раскрыться и попросить о помощи. Кто уже умер, кто дряхл, а кто потерялся. Знать бы заранее... Но восемнадцать лет жизни прошли в исследованиях, а весь прошлый год был посвящен изучению проблемы прохода через портал. А когда она была решена и я провел на себе серию завершающих экспериментов, вот тут-то и встал вопрос с помощником. Я, грешным делом, даже по ту сторону портала думал найти хоть кого-то из старых друзей, только потом от этого решения отказался. Ведь вполне могло статься, что ЗДЕСЬ ты знал его как честного и порядочного человека, а ТАМ за эти годы он превратился в полную свою противоположность. Поэтому все так и вышло...

Блин... Вот терпеть ненавижу, когда у людей такие глаза становятся! С пустыней внутри. М-да, так не сыграешь, и сейчас он вполне искренен. Оно и понятно – если здраво рассудить, то второй подобной возможности у соседа просто не будет. С такими подходами и требованиями к кандидату «проф» точно никого не найдет еще ближайшие лет двадцать. А столько ему не протянуть...

Тут еще совсем некстати вспомнился рассказ о его семье: о сыне – боевом летчике, навсегда оставшемся в Афгане, и о жене, не перенесшей эту потерю. И подумалось, что этот железный мужик не спился, не опустил, а, собрав волю в кулак, продолжил жизнь. Да какую жизнь! Куда там до него нашим агентам, работающим «на холоде»! Почти двадцать лет изображал из себя невзрачного пенсионера, а сам оказался гибридом инженера Гарина³¹ и нелегала Абеля³². Это ведь какую выдержку надо иметь? И сломался он только сейчас, после моего отказа...

Почувствовав какой-то комок в груди, я скрипнул зубами и, досадуя на свою внезапно проявившуюся сентиментальность, опять шагнул к столу. После чего, оседлав старый венский стул с высокой спинкой, произнес:

– Ладно! Я обдумаю ваше предложение.

До Сосновского, видно, не сразу дошло, что ему говорят. Он покивал головой, потом достал из кармана рубашки какой-то флакончик с таблетками, вытряхнул парочку на ладонь и, только поднеся руку ко рту, вдруг застыл:

– Простите?

Я вздохнул и грубовато сказал:

– Вы таблетки-то выпейте, а то вдруг сейчас от неожиданной радости с вами карачун приключится. А сказал я, что готов помочь. Точнее говоря, обдумать этот вопрос. Вы ведь туда уже ходили и вернулись живой-здоровый. Значит, и я могу сходить. Там хоть не стреляют?

Оживший на глазах «проф» суетливо закинул таблетки в рот и несколько шепелявя ответил:

– Ни в коем разе. Там все вполне спокойно. И я, на попутках, довольно быстро добрался до нужного места. А потом так же вернулся обратно.

– Понятно... ну насчет того как, куда и каким образом вы добирались, мы попозже поговорим. А сейчас мне нужно переварить полученные сведения, – ухмыльнувшись, я добавил: – Не каждый день, знаете ли, предлагают участие в столь необычных проектах. Да еще и шантажируя перед этим!

Игорь Михайлович смущенно потупился, а потом неожиданно встал и, прохромав к комоду, достал из него какую-то папку с завязками. Вернувшись к столу, он положил ее передо мной и сказал:

– Вот, чтобы вы не думали, будто я решил устроить мистификацию, возьмите – он подвинул ко мне папку. – Здесь несколько газет ОТТУДА. – А потом, повздыхав, продолжил: – Вы уж извините старика, что так получилось. Просто иного выхода не было, вот и пришлось... Но скажите откровенно, неужели вам самому не интересно посмотреть на совершенно иной мир? Это ведь... Это... – видимо, не находя слов, он взмахнул руками и продолжил: – Это гораздо более значимо, чем полет человека к Луне или Марсу. Да в мое время...

Я фыркнул в ответ, перебивая чересчур быстро очухавшегося собеседника:

– Мне поровну, что там происходило в былые времена. И сразу скажу, чтобы не было неясностей – энтузиазмом от вашей идеи не фонтанирую. Я не этот, как его... не комсомолец, чтобы с восторженным визгом совать свою башку черт знает куда! Так что не надо моральных накаток. А пока давайте ваш талмуд. Я его дома читаю.

Сосновский, протягивая доисторическую картонную папку с завязками, на которой крупными буквами было отпечатано «ДЕЛО №», виновато улыбнулся и тихо сказал:

– До встречи, Сережа! Я буду ждать вашего решения. И не держите на меня зла...

³¹ *Гарин* – персонаж романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина».

³² *Абель* – Рудольф Иванович Абель (настоящее имя – Вильям Генрихович Фишер) – легендарный советский разведчик.

* * *

Возвращаясь от соседа, я сначала было ругательски ругал себя за не вовремя проявившуюся добросердечность. Надо было просто послать этого долбаного первооткрывателя и жить себе спокойно. Но позже успокоился. Чего теперь крыльями махать без толку? Тем более что сделал все правильно. Нет, я вовсе не добросердечный человек, и легкий приступ жалости никогда не заставит меня рисковать шкурой. Тут другое. Тут скорее интуиция сработала. Просто когда я увидел состояние старика, до меня дошло – нет никакой гарантии, что после отказа Игорь Михайлович, впав в полное отчаяние, не начнет себе искать другого помощника. При чем спешно и суетно, наплевав на всю конспирацию. И тогда всем может быть очень плохо.

Нет уж! Правильно говорят – если хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам. Вот и сделаю. Тем более что, насколько я понял, ничего сложного в поручении нет. Если старый, больной человек смог пройти этим маршрутом, то что – я не смогу? Зато потом буду жить спокойно. Не опасаясь каждый день, что за мной придут.

Да и любопытно, черт возьми! До меня ведь только сейчас стала доходить вся фантастичность предложенного. Сначала-то было не до этого. Сначала я просто не верил рассказу. Потом перепугался того, что в одночасье стал секретноносителем высшей категории, со всеми вытекающими из этого проблемами. Тут уж не до удивления или восхищения... Потом обозлился на Соснов-ского за то, что он, путем ненавязчивого давления, или, по-другому говоря – скрытым шантажом, вообще впутал меня в эту историю. Но сейчас... Епрст! Ведь еще два часа назад чинно кушал суп с клецками, переругивался с Зойкой и думать не думал, что, зайдя в гости к соседу, получу предложение, как будто взятое из фантастических книг. Тряхнув головой, я покосился на папку. Да уж, кто бы мог подумать... Но сейчас я слишком перевозбужден, чтобы ее читать. Так что надо как-то отвлечься и уже потом, на свежую голову, заняться изучением этих газет.

Глава 5

Придя домой, я, как бы это ни показалось другому человеку странным, вовсе не стал вчитываться в переданные мне материалы, а засунул папку в свою дорожную сумку и позвонил Запашному с предложением «посидеть, развеяться». Развеялись хорошо, практически до полной отключки, чего я, кстати, и добивался, подбивая Женьку на пьянку.

На следующий день, как положено – болел под теткино ворчание. И только в воскресенье взял удочку, папку и утопал к пруду. Там, расположившись в тенечке, положил это «ДЕЛО №» себе на колени и, не развязывая веревочек, принялся размышлять на тему, что же мы имеем?

Ведь если исключить сам факт фантастической составляющей, то мне надо просто смотреться во Владимирскую область и притащить оттуда хреновину размером приблизительно со связку из двух «Шмелей»³³ и весом под тридцать килограммов.

То есть в карман это не спрячешь, но на себе утащить вполне возможно. Если бы сосед попросил проверить все здесь, то проблем не было бы никаких – и максимум через три дня он был бы обладателем своего вожаемого объекта... как его там? А – «18–36 бис»! А вот как обстоят дела в параллели? Ну что ж, будем посмотреть... Я медленно потянул завязки и, раскрыв папку, взял первую газету – «Курский вестник».

А еще через полчаса сложил всю прессу обратно и задумчиво почесал затылок. М-да... Круто! Прямо как в кино... Параллельной России действительно – каюк. Судя по прочитанному, теперь на ее территории есть масса стран, которые к тому же в основном активно «любят» друг друга. Да так, что пух и перья летят! Вон, в «Ростовских новостях» есть статейка, в которой говорится, что Ичкерский каганат опять выступил с территориальными претензиями к Шамхальскому эмирату. Я сначала даже не врубился, с кем это нохчи и их союзники опять сцепились. Вроде от Чечни до всех известных мне эмиратов путь неблизкий и границ общих нет. Или Турция с Ираном тоже решили в этот каганат войти? Но когда прочел, что в Шамхальском эмирате столица называется Махачкала, понял – абрекам далеко ходить не пришлось. Так теперь Дагестан называется...

Что за Уралом творится, вообще непонятно. Там вроде еще Россия, но один раз промелькнуло – мол, американский госсекретарь Ричард Райли был с визитом в какой-то Дальневосточной республике. Значит, тоже все не слава богу...

Да, кстати, башкиры и татары теперь имеют суверенные государства. И как ни странно, тоже с претензиями друг к другу. Во всяком случае, был упомянут конфликт, когда башкиры пытались перегнать через границу стыренный в Татарстане крупный табун лошадей, а татарские пограничники в запале преследования заскочили на сопредельную территорию, где и устроили небольшую войнушку. Причем с жертвами с обеих сторон.

На западе страны ситуация тоже была совсем не фонтан. Карелия теперь вообще финская территория, а у Германии снова появилась маленькая Восточная Пруссия, бывшая некогда Калининградской областью. Остальное пока считается Россией. В которой президентствовал человек с ничего не говорящей мне фамилией – Лизанов. Про этого чувака я и слыхом ни слыхивал, но вот еще несколько имен, почерпнутых мною из статьи, заставили удивленно покрутить носом. Во всяком случае, если Ходорковский – это тот самый Ходорковский, что у нас до сих пор сидит, то жизнь там точно – «веселая». Кстати, судя по фото, это именно он. И именно его в тамошних газетах называют величайшим меценатом и человеком, возрождающим душу России. При этом душа России, исходя из статьи, обитала в свежееоткрытом приюте для умственно отсталых, строительство которого этот хмырь и проспонсировал. А Абрамович? Этот-то яхто-клубо-острововладелец как умудрился на должность премьера пролезть?

³³ Реактивный пехотный огнемет «Шмель».

Еще троих фигурантов из другой статьи я опять не знал. В репортаже было описано, что какие-то Бурбулис и Гусинский поздравляли с вступлением в должность нового мэра Москвы – Ишванидзе. А вот того, кто в связи с этим знаменательным событием подарил Ишванидзе «Ролс-ройс» – знал! У нас этот ухарь помер в прошлом году, в Англии, при невыясненных обстоятельствах. А тут Березовский, оказывается – живее всех живых! При этом не просто живее, а, как аж два раза было упомянуто, является самым богатым и влиятельным бизнесменом России.

Хм, кажется, я начал понимать скрытый антисемитизм Игоря Михайловича. Если подобные Березе люди дорвались до власти, то можно тушить свет...

Кстати, еще одна интересная особенность. В папке газет было всего три штуки. И если в двух помимо информационных выкладок насчет московского мэра и Ходорковского основное место занимали криминальная хроника и статьи о разных барабашках, колдунах и прочих инопланетянах, то третья была из породы чисто рекламных – с объявлениями.

И мне очень не понравилось, что в рекламной присутствовали тексты типа – «ищу любую работу, можно с риском для жизни». Это что же за работу респондент ищет? Одноразового снайпера-убийцы?

Еще привлек выполненный во весь разворот призыв какой-то «элитной, европейского класса клиники» о купке органов. При этом клиника гарантировала аж двухдневный послеоперационный контроль. Благодетели, маму их! Получается, у тебя почку вырезали и через два дня коленом под зад? А если вдруг на третий день у выпотрошенной тушки появятся осложнения, то никого это совершенно не трахает? Но дальше – больше. Я просто обалдел, когда увидел – «юные мальчики и девочки выполняют ваши самые невообразимые желания». Это что же выходит? Детская проституция там существует вполне законно?! Просто нет слов...

Вообще, даже не из статей, которые никакой информационной нагрузки практически не несли, а именно из частных объявлений я и составил приблизительную картину происходящего в той стране. И эта картина была, мягко говоря, – страшноватая. Вот уж где бы точно не хотелось жить, так это ТАМ.

Закурив, я хмыкнул. Нет, ну насколько все в жизни взаимосвязано. Ведь не дай Мишка путевки, я бы не поехал к евреям. Не поехал к евреям, не влип бы в историю с террористами. Без этой истории не познакомился бы с женихом Майи. А без встречи с израильским представителем спецслужб фиг бы Профессор мне открылся.

Но путевка была взята, и теперь вот... Я невольно бросил взгляд на газеты – все пошло как в сказке. В смысле – чем дальше, тем страшнее. М-да, страшнее... У нас на работе народ, особенно тот, кто постарше, любил побухтеть на нынешнюю действительность. Но ведь все познается в сравнении! И сейчас, изучив иномирскую прессу, могу сказать одно – мы, конечно, не в раю живем, только вот горестно завывать по поводу особой хреновости нашей жизни причин нет, это точно! Тут только радоваться нужно...

А вообще, я сам себе удивляюсь – после прочтения никаких особых эмоций не было. Как будто просто под руку попала очередная «чернушная» фантастика. Ну или посмотрел новостной блок, рассказывающий о ЧП за рубежом. Я ведь никак не переживаю, когда в новостях говорят о том, что где-то в Африке кто-то кого-то очередной раз съел или подорвал. Наверное, поэтому и эта «газетная» страна мною просто не воспринимается как Россия. Так – абстрактная территория, на которой творится бардак похлеще, чем в Сомали.

И кстати, весь творящийся там беспредел для выполнения моей задачи подходит как нельзя лучше, полностью соответствуя пословице насчет рыбки и мутной воды. Если бы на ТОЙ стороне было какое-нибудь полицейское государство, то шансы выполнить задуманное стремились бы к нулю. А так даже в самом крайнем случае полное отсутствие документов или какой другой случайно допущенный промах вполне реально компенсировать взяткой. Прямо как у нас в начале девяностых: «Подсудимый, ваше последнее слово? – Двасат тысяч. – Вы

признаете себя виновным? – Нэт! – Ну, на нет и суда нет!» Единственно, что – взятка, конечно, должна быть не рублевой, так как фиг его знает, как тамошний рубль выглядит, а валютной. Глядишь, несмотря на отличия в истории, их дизайн баксов или евро будет таким же, как у нас. И для надежности надо еще прикупить несколько золотых колечек, которые там же и можно будет продать, обзаведясь местными деньгами.

А вообще, пора топтать к Сосновскому, брать его за жабры и досконально выяснить, что там и как было во время его прошлого посещения. Ведь сосед как-то добрался до своего тайника, и никто его не тормознул. Тем более что предварительный вопросник я в голове уже накидал...

С этими мыслями я притоптал окурок и, собрав вещи, двинул к дому Профессора.

* * *

Оглянувшись в последний раз на сизую дымку портала, похожую на застрявший в желто-красно-оранжевой листве клочок тумана, я сделал несколько шагов, продираясь через кусты, и, встав на кучку полусгнивших досок, оставшихся от сарая, огляделся. Да, с прошлого моего выхода ничего не изменилось. Так же стоят несколько покосившихся изб, тот же заросший проселок и та же тишина, нарушаемая только карканьем одинокой вороны.

Вот и хорошо. Мне свидетели сейчас не нужны. Да и потом, в общем-то, тоже они никуда не уперлись. Внимание привлекать вовсе не с руки. Тихо пришел, сделал дело и тихо ушел. Все как в старые добрые времена, когда на учениях я, еще будучи офицером СпН, носился по родным полям и весям с автоматом. Только сейчас у меня руки развязаны и на хвосте не висит толпа раздраженных мужиков, у которых стоит задача найти и обезвредить разведгруппу условного противника. Так что по сравнению с тем, что было, предстоит сплошной позитив и отдых! Никакой беготни, никаких путаний следов, никаких рывков от места выхода в эфир, никаких ночевок в болотистом лесу и питания всухомятку. В общем – сплошной шарман! Во всяком случае, я очень на это надеюсь...

Ухмыльнувшись радужным мыслям, я три раза сплюнул, чтобы не сглазить, и, поправив сумку, прыгнул с дровяных руин. Нечего тут топтаться, быстрее начну – быстрее закончу. Сейчас надо в первую очередь добраться до шоссе, а там действовать по плану. И желательно побыстрее добраться, а то, похоже, скоро дождь начнется. Взглянув на хмурое небо со свинцовыми тучами, я поежился и быстрым шагом направился к проселку. Не хватало еще, чтобы меня непогода на здешней дороге прихватила. В этом случае, пока до шоссе доберусь, в грязи буду по уши, и тогда уже далеко не каждый водитель возьмется подвезти уханьканного пассажира.

Хотя это, конечно, мелочь. Но мелочь показательная, в смысле того, что даже в самые продуманные планы жизнь всегда может внести свои коррективы. Вроде бы обсосешь каждую деталь, но хоть какой-то косяк да вылезет. Хотя надо сказать, что маршрут и все свои действия я продумывал буквально до шага. Да и Профессор помогал, как мог. Но, наверное, надо по порядку...

* * *

Две недели назад, когда я с папкой наперевес шел к Сосновскому, то по пути был озарен супергениальной идеей. Во всяком случае, она мне казалась именно такой. А мысль была проста как валенок – загрузить «объект 18–36» на машину, приехать к месту, где с ТОЙ стороны находится тайник, и – вуаля! Включаем портал, я делаю пару шагов, извлекаю «турник» и тут же возвращаюсь назад. Все довольны, все смеются. Никаких заморочек, лишнего риска и физического напряжения. Как по мне – гениально!

Но все разбилося о хитрую непредсказуемость науки. Оказывается, объект, сволочь такая, привязан к месту первого включения. Точнее, не к конкретной точке, а к окружности радиусом километров в триста. Я было выразил сомнение и указал, что в таком случае эта штука должна работать лишь в окрестностях Аркаима, где ее, судя по всему, активировали в последний раз. Только «проф» быстро меня переубедил. Он сказал, что за тысячу лет бездействия портала могло произойти его обнуление, или его могли не включать в Аркаиме, или включать, но каким-то другим способом, не влияющим на пространственную привязку. Короче, когда он мне начал рассказывать десятую или одиннадцатую гипотезу, я предложил не парить мозги и согласился принять этот факт как данность. Расстроился, конечно, но, честно говоря, был бы удивлен, если бы все оказалось настолько просто.

Поэтому пришлось начать основательный допрос соседа. И первое, что выяснилось – «турник» находился вовсе не у него дома, а в Михеевке – старой, полузаброшенной деревеньке, километрах в тридцати отсюда. На мой удивленный вопрос: «Почему так далеко?» – Профессор логично заметил, что на ТОЙ стороне в его доме живут другие люди. И вряд ли им сильно понравится, что в их спальне из какого-то сизого марева начнут появляться посторонние личности. То же относится не только к дому, а вообще ко всему участку. Хватит того, что самому Сосновскому крупно повезло, и при первом переходе он не наткнулся на хозяев.

Хотя изначально предполагался такой поворот событий, поэтому и эксперимент с проникновением в параллельную Россию он проводил в маленьком сарайчике на заднем дворе. А поняв, что дом заселен, тут же прекратил включения портала и начал соображать, где же найти подходящее для дальнейшей работы место. Вот так, методом проб и ошибок он вышел на Михеевку. У нас это – полузаброшенная деревушка, в которой живут три десятка человек. А там она была полностью покинута людьми.

Выяснив этот факт, Игорь Михайлович за три ящика водки приобрел у местного тракториста Васи избу с сараем и заросшим сорняками огородом. В ней когда-то жили Васины родители, а ныне она давно пустовала, и поэтому счастливый селянин, отвергнув деньги, согласился расстаться с ненужным жильем исключительно за булькающий эквивалент оплаты. Ну а всем заинтересованным Сосновский пояснил, что давно мечтал завести себе дачу, но никогда не мог ее позволить из-за отсутствия финансов. Местные только покрутили пальцем у виска и списали эту мечту на причуды городского лоха. Тем более что пустых хат в Михеевке было много – в любую заселяйся и живи. А три ящика «Родниковки», по их мнению, были выкинуты зря. Но «проф» знал, что делал, так как в его отсутствие Васька брался приглядывать за домом. Не за бесплатно, конечно, а за бутылку беленькой, да и охранник из него был совершенно никакой, но это всяко-разно лучше, чем просто бросать недвижимость без охраны.

Кстати, таскаясь с «турником» по области, Сосновский заработал межпозвоноковую грыжу, и, когда дело дошло до дела, то именно больная спина помешала ему выполнить задуманное.

Выслушав эту историю, я сочувственно покачал головой и начал выяснять другие подробности. На этот раз касающиеся его путешествия в «параллель». В принципе, подробностей было немного. Главной из них была та, что билеты на междугородние автобусы ТАМ продают без документов и что здешние доллары ничем не отличаются от тамошних. Евро отличаются, а баксы – один в один как у нас. Сильно порадовавшись этому факту, я продолжил расспросы, которые продолжались еще четыре дня. Кстати, в их процессе было принято решение не преумножать сущности и не заниматься полным штудированием деталей жизни параллельного мира. Общие впечатления я уже получил из газет и рассказов Профессора. А чтобы узнать частности, нужна очень серьезная многомесячная подготовка. Только какой в ней смысл? Я ведь туда буквально на несколько дней попаду и общепросветительных политических диспутов с аборигенами устраивать не собираюсь. Да и вообще – общаться мне там не с кем. А уж если попадется назойливый попутчик, то всегда можно отделаться общими фразами

типа: в правительстве одни козлы, коммунальщиков надо стрелять, раньше жилось лучше, и – бандиты совсем распоясались. Этого выше крыши хватит для поддержания любой беседы. А человек так устроен, что больше всего любит слушать себя родимого, так что если рядом со мной и окажется какая-нибудь «птица-говорун», то вполне можно будет обходиться лишь согласными и поддерживающими междометиями. Да еще при этом расстаться чуть ли не лучшими друзьями!

Правда, вначале мне такой «прыжок в неизвестность» показался довольно стремным. Но делать предварительные разведывательные выходы с целью затариться тамошней прессой, а то и школьными учебниками, чтобы разяснить себе реалии «параллельщиков», я не стал. Во-первых, во время этих выходов можно будет спалиться точно так же, как и если бы я просто сразу поехал за «турником», а во-вторых, у меня была твердая уверенность, что даже из учебников никаких РЕАЛЬНЫХ событий я не узнаю. А мысль о взятии «параллельного» «языка», из которого можно было бы вытрясти все нюансы, Сосновский отверг с таким негодованием, как будто я этого «языка» к стенке собираюсь поставить, а не подержать в подполе до моего возвращения ОТТУДА и не выпнуть в свой мир к чертям собачьим. «Проф» тогда разразился целой речью, а потом, успокоившись, заявил, что, дескать, он год назад спокойно прошел туда и обратно, совершенно не заморачиваясь разными шпионскими штучками. Вот и мне не следует пытаться себя укусить за левую пятку через правое плечо. После чего, несколько устыдившись своей чрезмерной осторожности, я согласился с доводами соседа.

А на пятый день было принято решение ехать в Радужный-2. В смысле, в наш Радужный, чтобы Игорь Михайлович мне показал конкретное место, где именно с той стороны находится тайник.

Тетке, которая заинтересовалась, куда это я намылился, сказал, что как-то соскучился без работы и что, мол, друг предложил калым в Ростове. Теть Маша эту идею поддержала, так как, по ее мнению, здоровый и бездельничающий мужик – это нонсенс. Пусть даже у него отпускных денег много, но человек без работы расхолаживается. В общем, получив «добро» от родни, мы поехали во Владимирскую область. Но по пути я захотел лично лицезреть портал. Так сказать, обнюхать и ощупать то, с чем в ближайшее время придется иметь дело.

Да уж... до сих пор, как вспомню первые впечатления, так вздрогну. И дело касалось вовсе не функционирования турника, а хитроумности Сосновского. Начнем с того, что объект он спрятал не в доме, а в сарае. И когда мы, отдав «пузырь» моментально возникшему при нашем появлении сизоносому Ваське, прошли в хату, я еще одобрительно кивал. Но вот когда, проверив целостность вещей, потопали в сарай, настроение резко изменилось.

И все из-за страшной вони, от которой меня чуть не вывернуло. Но я сдержался, только, выпучив глаза и стараясь дышать ртом, сдавленно спросил:

– Кхе! Кхе! Игорь Михайлович, чем здесь так несет?!

А невозмутимый сосед, снимая с кривоватого стеллажа, стоящего возле стены, какие-то мутные и замшелые банки с тошнотворным на вид содержимым, рассеянно пояснил:

– Тут в бочке кислая капуста стояла... Давно стояла... Она своим амбре меня и натолкнула на интересную мысль. Вот я кое-какой химии и добавил. Для усиления эффекта. – И, отставив особо мерзкую на вид банку в сторону, пояснил: – Местные сюда не сунутся, а если кто из хулиганствующих лоботрясов решит залезть, то тут же выскочит. Брать нечего, а запах лучше любого сторожа отпугнет... Не на Ваську же надеяться... Ну-ка, помогите снять доски.

Отодвинув Профессора плечом, я, брезгливо морщась, скосил со своего места четыре покрытых плесенью горбыля, которые служили полками, и, повернувшись к Сосновскому, вопросительно поднял брови. Он же, довольно ухмыльнувшись, молча кивнул на стену.

Приглядевшись, я только уважительно крикнул. Действительно – маскировка была что надо! Даже зная, как должен выглядеть «турник», я его не сразу заметил. Оказывается, он был просто составной частью стеллажа. Передняя рамка была деревянной, а вот задняя, вся в под-

теках коричневой краски, да еще и присобаченная какими-то ржавыми скобами к стенке сарая, и являлась «объектом 18–36 бис». Во всяком случае, я узнал его из ранее полученного устного описания. Две трубки, сантиметров пяти в диаметре и высотой около двух метров, соединились по верху перекладиной. Перекладина была где-то с метр, имела П-образное сечение и сильно походила на швеллер-«десятку». Да уж, на таком «турнике» не поподтягиваешься. Он только контуром на этот спортивный снаряд похож...

А потом Сосновский, пока я с разглядывал внешний вид «артефакта», споро подцепил «шарик с молниями» к электророзетке, поставив в буфер принесенный UPS, и торжественно объявил:

– Включаю!

Я на всякий случай отодвинулся и с интересом принялся наблюдать. Хотя по большому счету смотреть особо было не на что. Просто темная стена сарая внутри «турника» потемнела еще больше, и всё. А ведь как в фильмах обычно красиво смотрится! Тут тебе и свечение, и эффект вертикальных волн. Блин... тогда даже как-то разочаровался. Но Игорь Михайлович на мой кислый вид не обратил никакого внимания и, сделав приглашающий жест рукой, сказал:

– Ну что, готовы?

Я замотал головой:

– Нет, не так сразу. Сейчас привыкну немного, огляжусь, а потом уже...

После чего, подобрав с пола длинную щепку, подошел к «объекту» вплотную. Хм, вообще ничего не чувствуется. Ни движения ветра, ни хоть какого-нибудь звука. Такое ощущение, что внутри прохода просто стусилась темнота – и на этом все эффекты закончились. Я осторожно сунул щепку в темноту. Деревяшка вошла без всякого сопротивления. Поболтав ею в проеме, я извлек палочку обратно и внимательно оглядел, ощупал и обнюхал. По виду с ней ничего не произошло. На ощупь тоже – палка как палка. По запаху... тут сложно что-либо сказать, так как в сарае стоит такая вонизма, что ею все пропахло.

Профессор, глядя на мои манипуляции, улыбнулся:

– Сережа, ну ведь я вам все рассказал. Проход совершенно безопасен. Я сам много раз его пересекал, когда проводил испытания. Так что можете смело шагнуть в новый мир!

Угу, «смело шагнуть»... Это только Сосновский, у которого в зобу дыхание сперло от собственного открытия, мог туда-сюда безбоязненно бегать. А потом вообще почти на неделю в «параллель» уйти, понадеявшись на то, что самый обычный таймер (пусть и дублированный) включит портал с нашей стороны и впустит его обратно...

Но под подбадривающим взглядом «профа» долго топтаться было неудобно, и я двинулся вперед. Как в ледяной омут головой. Хотя трусил страшно, во всяком случае, гораздо сильнее, чем когда впервые совершил прыжок с парашютом. Там хоть предварительная подготовка была, а здесь... Но все-таки пересилил себя, закрыл глаза и шагнул в непроглядную черноту. При этом подсознательно ожидая удара лбом о стенку. Только вместо встречи с облезлыми досками я ощутил, что вонь, царящая в сарае, исчезла, а по лицу мазнули какие-то ветки.

Глаза сами собой открылись, и, оглянувшись, я увидел, как за спиной, прямо в воздухе, на по-осеннему цветных листьях ракивного куста висит сероватое, похожее на клочок тумана облако. Четких контуров у него не было, да и вообще, даже в утреннем свете оно было не очень заметно.

А вокруг была Михеевка. Точнее, то, что от нее осталось. Она и в моем мире новизной не блистала, а здесь превратилась в очередную покинутую людьми деревеньку, которых у нас в России до черта и больше. Поэтому сейчас взору предстали покосившиеся, вросшие в землю дома и разбитый, конкретно заросший травой проселок, на обочине которого сиротливо стояла проржавевшая кабина от грузовика, сквозь которую уже проросло молодое деревце.

Ну а у меня никаких особых чувств не было. В смысле ни торжественности, ни значимости от того, что я стою не в своей, а в «параллельной» реальности. Были только острое

чувство дискомфорта и желание поскорее шмыгнуть назад. А ну как портал вдруг забарахлит и я тут останусь? Да и смотреть здесь, в общем-то, нечего... Поэтому не фиг, не фиг, надо обратно двигать! Что я и сделал, вновь оказавшись в заполненных невыносимым амбре сарайных сумерках. Только на этот раз они мне даже родными показались...

Но в конце концов под ободряющим взглядом Игоря Михайловича я еще несколько раз пересек портал и, окончательно убедившись в его нормальном функционировании, прекратил издевательство над собой. Работает? Работает! Чего тут еще проверять? Да и ехать надо... Так соседу и сказал. После чего, подхватив сумку с UPS, потопал обратно к машине.

Тем более что и душой-то не сильно кривил, когда призвал завязывать на сегодня с дальнейшими экспериментами. Мы ведь сюда заскочили исключительно для того, чтобы я имел возможность пощупать «турник» своими руками. Так что пощупал, и хватит. Мне еще за рулем до ночи колбаситься, и очень хотелось бы за световой день доехать хотя бы до Рязани. Сосновский мои доводы принял к сведению, поэтому мы, быстренько восстановив прежний вид мерзкого стеллажа, подперли дверь сарая палкой и, заперев дом, загрузились в джип.

А до Владимирской области добирались вполне нормально. Единственное, что – местные «продавцы полосатых палочек» делали стойку на московские номера и поэтому тормозили на каждом углу. Но правил я не нарушал, поэтому они особо не цеплялись и, проверив документы, отпускали с миром. Таким макаром к следующему дню и добрались до нужной точки, где, не доезжая километров пятнадцати до Радужного-2, на бугре торчала потемневшая опора тригонометрического пункта. Глядя на забетонированную в землю трубу, я поднял брови и спросил:

– Что, теперь как в пиратских фильмах – сто пятьдесят шагов на северо-северо-запад?

Профессор улыбнулся:

– Зачем такие сложности? Да и шаги у всех разные... Кстати, учитывая, что геодезические пункты делают на века и вдобавок охраняются законом, их никто просто так ковырять не будет. Поэтому одна из точек для тайника находилась прямо здесь, в метре от бетонной заливки. Я его в свое время сюда закопал, а позже, когда уезжал отсюда, спокойно выкопал. Видите, до сих пор ямка осталась...

Сосновский подбородком указал на землю, а я, озаботившись внезапно пришедшей мыслью, поинтересовался:

– А «захоронка» глубоко находилась? А то мне ТАМ с лопатой бегать как-то не комильфо. Увидит кто, что я скажу – червей решил накопать? Да и где лопату искать буду?

Игорь Михайлович утешил:

– Нет, не глубоко. Просто смысла не было сильно в землю зарываться. Поэтому объект находится буквально под дерном, на глубине сантиметров двадцати, не больше. И когда я был на ТОЙ стороне, то проверил его сохранность даже без лопаты. Возле дороги нашел кусок арматуры, подрезал ею дерн, чуть разрыхлил землю и спокойно добрался до упаковки. Так что не волнуйтесь.

Поковыряв землю каблуком, я согласился не волноваться и, еще раз оглядевшись на всякий случай, снял GPSom координаты. Этот бугор, конечно, приметный, но лучше перестраховаться. Неизвестно, конечно, будет ли мой «Ерощ» работать в зазеркалье, но если уж даже доллары там один в один, то надеюсь, и здешние приемники подойдут к их спутникам.

А потом мы поехали обратно в Юрьево. Добрались без приключений, и даже гайцы в этот раз практически не тормозили. По приезде же я вытребовал у Сосновского пустую упаковку от «турника» и озадачил Зойку сшить на нее брезентовый чехол. Кстати, в свое время меня очень порадовало, что «объект» был как будто бы предназначен для удобной переноски. А то я себе слабо представлял, как можно, особо не привлекая внимания, тащить двухметровую «дуру». Но оказалось, что у него не только швеллерная перекаладина снимается, но еще и боковые трубки разъемные. То есть вся конструкция отлично помещается в пластиковый контейнер чуть больше метра в высоту, сантиметров сорок в ширину и двадцать в глубину.

Сам контейнер, разумеется, был сделан уже в Радужном, и сделан по-советски надежно. Чемодан из толстого черного пластика закрывался на четыре замка типа «лягушка» и был выложен изнутри поролоном с гнездами под крепление частей «турника».

Но меня сильно не устраивал его вызывающе-внушительный вид. Пройдись я с таким по улицам, ни один мент меня не обделит вниманием. Уж очень этот чемодан выглядел «военным». Да и лямок у него не было, а тащить в руке тридцать килограммов, конечно, можно, но руки эта ноша отмотает – мама не горюй! Поэтому было решено сделать чехол с лямками. А за образец для чехла был взят рюкзак «Ермак», который остался еще с тех времен, когда мой братан Вовка увлекался туризмом.

Паразитка Зойка сначала было выпендривалась и не хотела становиться портняжкой, но узнав, что я скоро уеду почти на три недели и оставлю ей свой ноутбук в личное пользование, тут же прониклась энтузиазмом и даже нашла на чехол кармашки и приспособила шильдик от «Ермака». Правда, пока шила, все мозги вытряхнула, интересуясь, зачем мне понадобилась подобная тара. Я сначала даже растерялся, не зная, как отмазываться, ну а потом ответил почти честно – для удобства переноски. Кивнув на «чумадан», внушительно пояснил:

– Я ведь с топографами пойду. А эта упаковка с прибором на мне числится, значит, мне ее и тащить придется. Согласись – за спиной гораздо удобнее нести, чем в руках?

Сестренку это объяснение удовлетворило, но зато появились другие вопросы. Типа как я вообще с топографами снюхался, что именно буду там делать и когда я в конце концов собираюсь жениться? На ходу придумывая «легенду», отвечал легко и быстро, благо что Зойка так же шарит в геодезии, как и я в марках косметики, но вот последний вопрос своей нелогичностью и выпадением из контекста беседы вверг меня в ступор. Постояв с открытым ртом, я посоветовал ей не лезть не в свое дело и вообще – лямки крепче пришивать, а то если они на маршруте оторвутся, ей будет больно об этом вспоминать. Причем в прямом смысле – больно! Зоя угроз не испугалась, а я, поболтав еще какое-то время с пришедшей тетей Машей и втянув ей ту же историю про топографическую партию, рванул готовиться к выходу.

Подготовка заняла еще четыре дня, и вот сегодня утром мы с Игорем Михайловичем выдвинулись в сторону Михеевки...

Глава 6

Гудок здорового трейлера отвлек меня от воспоминаний, и я, подняв голову, убедился, что уже почти дошел до шоссе. Машин на нем, в отличие от моей «параллели», было довольно мало. Лишь тот разрисованный рекламными надписями грузовик, сильно коптящая «девятка» и затрапезно-сельского вида «газон». Только, пока я выбирался к асфальту, эта троица уже проехала и дорога стала совсем пустой.

Поэтому, перекурив на обочине, с опаской поглядывая на хмурищееся тучами небо, я не стал ждать милостей от природы и потопал в сторону Юрьево, рассчитывая на то, что долго трасса пустовать не будет и кто-нибудь меня да подберет. Кстати, пока курил, мимо проскочили два джипа и «лупоглазый» «Мерседес». Затонированные в ноль «джиперы» проскочили, ничего не замечая вокруг, а сидящий в «мерине» белобрысый мордатый водитель, радостно скалясь, ни с того ни с сего показал мне «фак». Что он этим хотел сказать – непонятно. Я ведь проезжающим иномаркам даже не голосовал, рассчитывая на что-нибудь более демократичное, типа грузовика или давешней «девятки».

Но даже гремящие на ходу грузовики не останавливались, и только когда стал накрапывать мерзкий осенний дождь, а я, матерясь сквозь зубы, прикидывал, что, похоже, оставшиеся двадцать пять километров до города мне придется топать на своих двоих, на практически безнадежный взмах руки остановилась белая обшарпанная «жиг». Я вприпрыжку рванул к ней и, сунувшись в открывшуюся дверь, заискивающе сказал сидящему за рулем пожилому мужику:

– Здравствуйте! До Юрьево не подвезете?

– Сколько?

Хм, хороший вопрос... Из денег у меня только баксы. Можно и ими, конечно, заплатить, но мне совсем не хотелось лопухнуться и сделать так, чтобы первый же встреченный абориген запомнил денежного пассажира. Из прочтенных газет я сделал вывод, что тут – нищета страшная, и даже десять долларов для них – большие деньги. А у меня меньше пятерки купюр просто нет. Значит, как и планировалось, буду задействовать обменный фонд. На секунду замывшись и не прекращая улыбаться, я извлек из кармана перочинный ножик и сказал:

– С деньгами у меня туго, может, это возьмете? Совсем новый, двенадцать предметов...

Мужик, покрутив нож в руках, хмыкнул:

– Китайский?

А после моего кивка махнул рукой:

– Ладно, садись, все равно по пути. Сам-то откуда?

Забросив сумку на заднее сиденье и торопливо юркнув вперед, я ответил:

– Из Тулы. Сюда на источники приезжал, да вот поиздержался малость...

Водила криво ухмыльнулся:

– Ничего себе – малость! Без копейки остался. Да и печень, наверное, после того лечения отваливается?

Смущенно потупившись, я развел руками, показывая, что собеседник угадал верно. А потом стал в свою очередь ненавязчиво интересоваться, как и чем в этих местах люди живут. Водила оказался не дурак поговорить, поэтому за те полчаса, что мы ехали, я более-менее уже представлял себе ситуацию в ЭТОЙ России. Причем не надо считать, что полученные от него сведения выпытывались какими-то каверзными и хитрыми вопросами. Вовсе нет. Я, просто глянув на лобовое стекло, с которого дворники сгоняли капли холодного дождя, задумчиво выдал беспроегрышную фразу:

– М-да, зима на носу... Опять в хате дубак будет. У вас тут хоть юг и можно более-менее прожить, а у нас...

Этих слов вполне хватило, чтобы подпрыгнувший в возмущении собеседник вывалил все, что думает и о югах, и о коммунальщиках, и о правительстве, и о ценах на продукты, и о разгуле бандитизма, и об иностранных миротворцах, и о местном губернаторе, и о соседке Клавье, торгующей паленой водкой. В общем, за время этой познавательной поездки я успел узнать достаточно, включая как расклады внутри страны, так и краткий обзор международной обстановки с комментариями и историческими экскурсами. Причем, как ранее и предполагалось, мое участие в беседе ограничивалось только звуками и междометиями типа «о, ага, угу, ото ж» или просто кивками. Мужик этого вполне хватало, и он в эмоциональном запале то стучал по рулю ладонями, то грозил в серое небо кулаком, то вообще, бросив баранку и повернувшись ко мне всем телом, руками пытался изобразить свое отношение к ныне действующему президенту.

Так что, выходя в Юрьево, я был уже малость подкованным в здешних реалиях человеком. В принципе, эти реалии вполне укладывались в предполагаемые рамки, за исключением небольших нюансов. Водитель, который оказался бывшим воякой, рассказал, чего не было в прочитанных мною газетах и что ему самому было близко. Например, о том, что армия как таковая пока существует, но вот бежит из нее народ со страшной силой. В смысле – офицеры и контрактники бегут. Срочников в ней давным-давно не осталось, так как «комитет нерожавших матерей» (дословное выражение моего спутника) еще семь лет назад добился принятия закона о том, что молодого человека не могут призвать на службу, если нет согласия родителей. Совершенно неконкурентоспособные заводы тоже приказали долго жить, и теперь активно функционирует лишь газонефтедобывающая промышленность, металлургическое и химическое производства. Вот там люди более-менее нормально зарабатывают. А остальные выживают, как придется.

Короче, слегка уяснив обстановку, я махнул на прощание говорливому мужику, довезшему пассажира до центральной площади города, и потопал искать обменник. Да, насчет курса валют он меня тоже просветил – один к полутора тысячам. И не думайте, что в пользу рубля. При этом пенсия была двадцать тысяч рублей. Ха, хорош бы я был со своей «зеленой» пятеркой в виде оплаты за проезд... Такого транжиру этот водила до конца жизни бы запомнил.

Ну а теперь, обменяв сотню на целый ворох розоватых десятитысячных купюр с изображением какого-то ласково улыбающегося и смутно знакомого лысого старичка, пошел брать билет на автобус до Ростова. А там, возле касс, произошла встреча, к которой я вовсе не стремился.

В продуманном изначально маршруте встреча с юрьевскими родственниками была категорически исключена. Я ведь не знал, что тут с «параллельным» мною стало. Может, я помер или женился, или еще какой казус с Корневым произошел. И что тетя Маша, что братовья могут совершенно неадекватно отреагировать на, к примеру, внезапно восставшего из мертвых племянника. Поэтому: Ростов – Воронеж – Рязань – Владимир – Радужный – четыре километра по трассе от деревни Липцы, и ни шагу в сторону. Обрато тем же путем. И чем четче я его буду придерживаться, тем целее буду.

А тут, отходя от окошка с билетом, я был остановлен каким-то заросшим сивой щетиной мужиком, который, дохнув на меня застарелым перегаром, попросил финансовой поддержки на предмет опохмелки. Алкашам обычно не подаю в принципе и хотел уже шугануть попрошайку, но вдруг увидел в одутловатой помятости физиономии просящего знакомые черты. Мать моя женщина! Это ведь Вовка! Вовка-Капитан, мой брат! От неожиданности я брякнул: – Вован, ты?!

А братан, подняв мутные, в красных прожилках глаза, секунды две фокусировал взгляд, а потом, ухватив меня за рукав куртки, обрадованно замычал:

– О-о!!! С-серега! Тебя прямо не узнать! Ты как здесь оказался? Столько лет ни слуху ни духу – и вот на тебе... Где пропадал? А, да какая разница! Главное, что появился! Ну, так пойдём, чего тут стоять-то? Сейчас пузырь возьмём и отметим это дело!

Толкущиеся на автовокзале люди стали на нас обращать внимание, поэтому, подхватив качающегося Вовчика и ругательски ругая себя за проявленную несдержанность, я быстро потащил его к выходу, говоря:

– Появился, появился. Я же звонил, предупреждал! А ты, гад, что – специально к моему приезду укушался?

«Зазеркальный» братец, которого я уже вытянул из здания, внезапно затормозил и, подняв палец вверх, обиженно вякнул:

– Право имею! Годовщину грех не отметить!

Блин, какую он годовщину отмечает? Точнее – чего именно? Хотя, судя по его виду, у него повод на каждый день найдется. А замолкший на пару секунд Капитан громогласно продолжил:

– Катька хоть и стерва была, но всяко – человек душевный!

Епрст! Еще и Катька какая-то появилась... Нет, это дело надо прекращать, пока менты на нас внимания не обратили. Я их еще не видел, но по-любому они где-то рядом пастись должны. Автовокзал, как ни крути, считается местом массового скопления людей, и значит, наряд просто обязан тут находиться. И если они сейчас к нам доколуваются, то можно сливать воду, так как первым требованием у служителей МВД будет – «предъявите документы».

Поэтому, достав из кармана розовую бумажку, я сунул ее Вовке со словами:

– Убедил. Давай, дуй за «огненной водой», а я еще в одно место заскочу и часа через полтора к тебе приду. Отметим встречу.

Получив десять тысяч, Капитан радостно ощерился, показав щербатые желтые зубы, и довольно воскликнул:

– О, «сахарок»! Теперь живем!

После чего, потеряв ко мне интерес, рванул в сторону нескольких палаток, стоящих по периметру площади. Правда, уходя сказал, что будет ждать и без меня не начнет, поэтому советовал поторапливаться.

Я, глядя ему вслед, только головой покачал. Интересно, что же ЗДЕСЬ не так пошло, что убежденный трезвенник Вовка, в моем мире блестящий морской офицер, капитан второго ранга, чемпион ТОФ по плаванию, настолько опустился? Хотя чего гадать, здесь ВСЕ не так... Но одно можно сказать наверняка – судя по тому, что брат меня пусть с трудом, но узнал, я тут точно не помер и даже мордально не очень сильно изменился. Вот интересно, кто я здесь? Офицер? Такой же алкаш, как Владимир? Просто клерк в конторе, считающий копейки от получки до получки? А может, наоборот – олигарх местного разлива? Хотя это вряд ли. Для того, чтобы стать олигархом, надо талант соответствующий иметь и подходящую фамилию. А у меня из всех талантов только умение стрелять да быстро бегать. Так что на олигархию и крупные деньги можно даже не надеяться.

Хм, думая о деньгах, я вспомнил слова брата про какой-то «сахарок» и неожиданно понял, почему старичок на купюре мне показался знакомым. Достав из кармана полученную в обменнике бумажку и прочтя подпись под портретом, я убедился в правильности догадки. Точно – Сахаров! Был, говорят, в прошлом такой правозащитник. Глобальная научная величина и пламенный борец за что-то... Или против чего-то... Не помню уже, так как у нас про этого деятеля практически не говорят. Но здесь он, похоже, в фаворе. Вон, даже на десяти тысячную бумажку его фэйс поместили. Интересно, за какие такие заслуги?

Хотя, честно говоря, мне глубоко плевать на причины попадания данной личности в денежный оборот. Сейчас надо где-нибудь спокойно пересидеть эти полтора часа, что остались до отхода автобуса, и валить отсюда. А то, чувствую, повторная встреча с кем-нибудь из

знакомых может закончиться не так мажорно. Покрутив головой и увидев вывеску «Быстрые обеды», я понял, что это как раз то, что надо, и направился туда.

А через два часа уже трясся в потертом «Икарусе» в сторону Ростова. Пассажиры в нем как-то сразу либо заснули, либо нацепили наушники от плееров, поэтому никаких новых данных об этом мире я не приобрел. Единственно – когда автобус остановился в чистом поле и водитель быстренько выскочил по нужде, выходя, он задел кнопку радио, и, вместо своего обычного шансона, сопровождавшего нас всю дорогу, я услышал вальяжный говорок то ли ведущего, то ли просто участника какой-то передачи:

«...лись. Уже в 2009 году Россия существенно отошла от советского наследия. Была сделана попытка направить страну в правильную сторону, где главенством являлся не чекистский беспредел, а принципы и идеалы защиты прав человека, свобода слова и западных ценностей. Однако тогда, приезжая в любой без исключения город России, я все равно сразу же окунался в атмосферу Империи Зла. Везде сохранялись большевистские названия, повсюду стояли памятники чекистам. А вот приедешь, например, в Ташкент, и сразу душа радуется. Узбеки хоть и восточный народ, но гораздо более привержены принципам демократии, чем русские. Я смотрел тогда на названия улиц, и душа радовалась, как быстро они избавились от тяжелого и долгого бремени оккупации. Изменили все фашистские названия, даже улицу Пушкина, хоть он и был афроамериканцем. Ну а когда попал на бывшую площадь Ленина, хотелось произносить новое название вновь и вновь – Мустакиллик Майдони, ведь каждому цивилизованному человеку становится понятно, что это площадь Независимости»³⁴.

Услыхав сей перл, я сначала несколько обалдел, но потом подумал, что, возможно, это какая-нибудь своеобразная юмористическая передача. Вон, как прикольно насчет этой Муст... Муск... а, в общем, насчет «площади Независимости», задвинули. Да и про «афроамериканца Пушкина» тоже неплохо вышло. Но позже меня охватили сомнения. Уж очень торжественно вещал говоривший. Прямо со слезой в голосе:

– «Ну а теперь о грустном. Тогда же, в конце 2009-го, я приезжал в Москву вместе с группой правозащитников на конференцию Amnesty International. После конференции мы решили прогуляться на метро, чтобы посетить уважаемую Люсию Алексееву. Первый шок у иностранцев был, когда они увидели, что метро до сих пор имени Ленина. В процессе поездки они были неприятно удивлены, что диктор наотрез отказывался произносить названия станций на цивилизованном языке. И это на фоне предыдущей поездки в Тбилиси, где объявляют станции метро исключительно на английском. Я хоть и почти коренной нью-йоркец, но мне было очень стыдно смотреть в глаза коллегам, пришлось стыдливо потупить. Ну а когда мы прибыли на станцию „Курская“, случился и вовсе полный конфуз. При виде сталинского гимна на потолке станции, у пожилой правозащитницы из Дании случился сердечный приступ. А ведь эта храбрая и честная женщина, не боясь пуль террористов, беззаветно защищала права человека в Ичкерии, Намибии и Белоруссии. После этого инцидента Люсия Алексеева сделала нам очень строгий выговор и объявила, что российские правозащитники давно бойкотируют эту проклятую станцию. Пришлось еще раз поразиться мудрости и прозорливости диссидентки и поклясться, что на „Курскую“ больше ни ногой»³⁵.

Блин, он что – всерьез?! Я имею в виду слова насчет старой гримзы из Дании, которую хватил кондратий? Или она специально для этого язык изучала? Чтобы окочуриться при виде кириллических букв, складывающихся в слова гимна.

³⁴ Текст фрагментов приведенной «радиопередачи» был слово в слово скопирован из реально существующего личного блога ярого демократа Льва Шаранского, расположенного по адресу – <http://lev-sharansky.livejournal.com/>. Автор лишь изменил даты.

³⁵ Текст фрагментов приведенной «радиопередачи» был слово в слово скопирован из реально существующего личного блога ярого демократа Льва Шаранского, расположенного по адресу – <http://levsharansky.livejournal.com/>. Автор лишь изменил даты.

Хотя вряд ли. С какого переполоха буржуи русский учить станут? Для них же есть «цивилизованный» язык... А из радио продолжало литься:

«Но уже тогда, несмотря на столь удручающую картину, я верил, что настанут светлые времена. И очередной московский интеллигент, выпив чашечку эспрессо с утра, спустится на станцию „Демократическая“ московского метрополитена им. В. И. Новодворской, откуда доедет (культурно сделав пересадку на Площади Джохара Дудаева) до „Правозащитной“. От нее пешком дойдет до Майдана Свободы, где, преклонив колени, возложит букет незабудок и томик Осипа Мандельштама к самому большому в мире памятнику Андрею Сахарову (на месте бывшего Мавзолея). А из всех колонок будет звучать не чекистское „Любэ“, а римейк либерала Тимати „Пройдусь по Либеральной, сверну на Диссидентскую и на Джордж Буша улице я скушаю Бигмак“»³⁶.

Пх... поперхнувшись от неожиданности, я закашлялся. Нет, наверное, все-таки это что-то юмористическое. Хотя если Сахаров тут на купюрах изображен, то вряд ли они с его именем шутки шутить станут. С деньгами, как говорится, не шутят. Или все-таки станут? Но разрешить данный вопрос так и не сумел, так как в этот момент появился водитель, сделавший на природе свои нерукотворные дела. Он, услышав картавенький монолог, выразился семиэтажно и крайне неполиткорректно, после чего ткнул в кнопку, и радио снова заголосило про «голуби летят над нашей зоной».

Хм, почесав щеку, я подумал, что, судя по реакции водилы, передача явно не была юмористической. Сто пудов, это были воспоминания какого-то местного «борца с режимом». И хотя после прочтения газет и слов подвозившего меня на «жиге» мужика я был готов к чему-то подобному, но услышанное сейчас ввергло в оторопь. Ведь раньше ко всем этим демократам, либералам и прочим «общечеловекам» относился совершенно равнодушно. Ну трендят себе и трендят. Причем очень часто декларируя вполне достойные вещи. А теперь, увидев своими глазами, на что способны эти люди, я просто охренел от их прыти. Правда, долго над странным перерождением белых и пушистых поклонников «истинной свободы», дорвавшихся до власти, я раздумывать не стал, а просто, откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза и потихоньку задремал.

* * *

В Ростове все прошло штатно, и я, очень удачно разминувшись с троицей служителей правопорядка, фланирующих по залу, прикупил билет до Воронежа. Эта поездка оказалась несколько более информативной, так как, несмотря на позднюю ночь, две тетki, сидящие сзади, обменивались последними новостями и живо обсуждали налет на поезд Ставрополь – Волгоград. Я, услышав о произошедшем, наострил уши и, внутренне охреневав, слушал душе-раздирающие подробности.

Вот надо же – о том, как бандиты останавливают поезда, видел исключительно в старинном, еще черно-белом, фильме «Адъютант генерала». Или не «генерала»? Или «превосходительства»? А, не важно! Важно другое – в 2015 году в ЭТОЙ России оказались вполне возможны акции, которые у нас происходили еще во времена Гражданской войны. Хотя нет, не только в Гражданскую. Помню, в детстве слышал, что и в девяностых в Чечне местные абреки так же развлекались. Но они грабили поезда исключительно на своей территории, и это довольно быстро прекратилось. А тут, выходит, подобное времяпровождение у них вошло в привычку. Да и географию набегов горцы тоже очень сильно расширили...

А одна тетка тем временем возбужденно рассказывала другой:

³⁶ Там же.

– Вещи пассажиров прямо в грузовики грузили. Да что вещи – серьги чуть не с мясом выдирали! Несколько парней убили, а с десятков девчонок, покрасивей, забрали с собой.

– Ох ты ж, хосподи! А полицаи?

– Да какие полицаи, ты что? Это ж за Элистой было, а в Калмыкии чечены с Каганата как у себя дома ходят и полиция из своих укреплений нос боится высунуть! У нас хоть станичники кавказцам рога обламывают, а там...

Ничего себе! Задумчиво почесав мочку уха, я решил, что как бы мой путь ни сложился, восточнее Сальска не соваться ни в коем случае. Ну его на фиг! Нохчи, они на ногу быстрые, и если уж под Элистой шалят, то нет никакой гарантии, что в более дальний рейд не двинут... И еще одно интересно – тетка несколько раз упомянула слово «полиция». Не милиция, а именно полиция. Немного подумав над этим вопросом, я, кажется, понял, в чем дело. Ведь та троица пэпээсников, виденная мною в Ростове, была одета с сильным закосом под американских копов. Очень похожая черная форма, и даже шапки – не наши обычные круглые ушанки, а какие-то идиотские, с короткими ушками и большой кокардой. Вот, видно, вместе с введением «почти заграничной» униформы здешние власти решили сменить и название. Надо же, тут прямо как у нас. Только мы к этому лет двадцать шли, а здесь ударными темпами переименовались. Но самое смешное, что в обоих случаях бывших ментов презрительно обзывают полициями. Не полицейскими, а именно полициями. Как во время войны называли тех, кто пошел служить оккупантам. Гы... а что – тутошним служителям правопорядка это очень подходит! Хотя и наши порой ведут себя так, что иначе как полицаи их не назовешь...

Тетки еще какое-то время обменивались мнениями по поводу произошедшего, но больше ничего интересного так и не сказали, поэтому я спокойно закемарил.

А еще через тринадцать часов чинно въехавший в Воронеж «Икарус» умудрился сломаться на первом же перекрестке. В его нутре что-то хрупнуло и заскрежетало, после чего водитель, матюгнувшись себе под нос, подхватил громыхнувшую железом сумку и скрылся в морозном тумане. Минут десять мы слушали производимое им позвякивание и шебуршание, а потом появившийся в дверях шофер громко объявил:

– Все, мля, приехали.

Какой-то дед решил поинтересоваться:

– Это надолго?

Водила, вытирающий руки ветошью, злобно сплюнул:

– Навсегда! – И в ответ на раздраженный гомон добавил: – Радуйтесь, что до города дотянули, а не в чистом поле встали, так что неча бухтеть! Поэтому, господа пассажиры, освобождайте автобус и топайте по домам.

Вздохнув, я вытащил из-под кресла свой баул и вместе с остальными вышел из «Икаруса». Вышел, чтобы тут же поежиться от порыва холодного ветра. Уй, блин, не май месяц, однако! А ведь дальше еще холоднее будет... Или от этой мысли, или от голодно забурчавшего желудка неожиданно стало грустно. Люди, вон, сейчас по теплым квартирам разбегутся, а мне еще топать и топать. Хотя нет. С теплыми квартирами здесь оказалась сильная напряженка. Во всяком случае, подслушанный разговор говорливых соседок полностью подтвердил слова первого встреченного в этом мире человека о том, что уже года три каждый спасается, как может. За исключением небольшого количества элитных районов, которые есть в каждом городе, остальной народ про центральное отопление давно забыл, поэтому кто-то буржуйку в квартире ставит, а некоторые, скинувшись всем двором, мини-кочегарку оборудуют в подвале. Так что еще неизвестно, кто кому завидовать должен. Я сейчас по маршруту проскочу, дело сделаю, и домой. А вот им здесь еще жить и жить...

Попутчиков до автовокзала не было, и я, без всякой зависти поглядев на разбредающихся пассажиров, поднял руку, ловя такси. А когда рядом остановилась некогда серебристая, а ныне ржавая и покрытая красными пятнами шпаклевки «Тойота», бодро спросил:

– Шеф, до Центрального автовокзала довезешь?

Странно заторможенный водила несколько секунд молча пялился на меня, после чего кивнул, и я влез в пропахшее какой-то кислятиной нутро машины. А затем шофер вознамерился меня покатасть вдоль левого берега. Видя, что едем не туда, я ему раз пять сказал, что мне не пригородный автовокзал нужен, а Центральный. В конце концов, поняв, что на вежливые внешние раздражители этот «тормоз» никак не реагирует, продолжая рулить в другую сторону, рывкнул на него от всей души, помянув и мать, и перемать. И тут произошло нечто неожиданное – водитель резко дал по тормозам и, вывалившись из своей развалюхи, с громкими воплями кинулся бежать.

Удивленно глядя ему вслед, я только затылок почесал. Вот зараза! Выходит, с первым впечатлением я не промахнулся. Не зря мне его крохотные и как будто стеклянные зрачки сразу не понравились. Подумалось еще – как у обдолбанного нарка. Только вот никак не ожидал, что наркоманы могут быть столь почтенного возраста. Ведь этому хмырю лет под пятьдесят... Зато теперь все сходится. Вон – бежит, орет, от редких прохожих шарахается. Явно, как это у них говорят – «упал на измену». Но как он таксует-то под таким кайфом? И куда здешняя дорожная полиция смотрит?

Кстати, про полицию. Надо и мне быстренько делать ноги, пока на его вопли не нагрянул какой-нибудь патруль. Выскочив из машины, я быстрым шагом дошел до ближайшего переулочка и нырнул в него. Потом несколько раз менял направление, и так до тех пор, пока не понял, что заблудился где-то в недрах частного сектора. Возвращаться тем же путем, что я сюда забрел, было довольно боязно. Вдруг местные менты среагировали на вопли «тойотовладельца» и сейчас осматривают ближайшие дворы на предмет поимки злобного грабителя или террориста, обвешанного взрывчаткой, как новогодняя елка игрушками. Или что там еще этому придурку привиделось? Так что пусть они спокойно ищут наркологическую галлюцинацию водителя, а я лучше дворами, дворами... В конце концов, рано или поздно на нормальную дорогу все равно выйду, там и поймаю другую тачку. Надеюсь, в следующий раз шофер попадется вменяемый и меня таки довезут до Центрального автовокзала?

Утешая себя подобными мыслями, я топал по кривым, как будто вымершим улочкам, периодически попадая в тупики. А минут через пятнадцать этих блужданий, свернув за очередной забор, наконец-то наткнулся на людей. Только эта встреча меня не очень порадовала. Уж очень вид у трех парней и двух девчонок, что стояли на довольно большом пятачке возле остова сожженного ларька, был откровенно босяцкий. Но и назад поворачивать нельзя – они ведь меня тоже увидели. В таких случаях как с собакой – повернешься спиной, а у нее сразу сработает инстинкт погони, даже если она и не собиралась нападать. Так что вперед и только вперед.

Эх, говорил «профу», что ствол надо брать с собой! Но Сосновский тогда уперся и убедил – дескать, если я попадусь служителям Фемиды, то всегда смогу откупиться. А найди они у меня пистолет, разговор будет иной. В этом он, конечно, был прав, но зато сейчас я бы просто продемонстрировал свой «макаров», и все вопросы, даже если бы они у этой шпаны были, исчезли сами собой. С другой стороны, чего теперь сожалеть? Я и без пистолета люлей наваяю всякому, кто поперек пути встанет.

Поэтому как шел, так и шел, делая вид, что в упор не вижу эту заинтересованно разглядывающую меня компашку. Но когда до них оставалось шагов десять, здоровый парень, на неестественно широком лице которого находился маленький, теряющийся между щек носик, тягуче сплюнул и произнес:

– Э, мужик, тормози, сигарету дай!

Нет, я просто тащусь! Интересно, почему уже столько лет прелюдия к мордобойю не меняется? Правда, одно время гопники кирпич предлагали купить, но это быстро вышло из моды, так как ситуация, бывало, складывалась таким образом, что жертва била этим кирпичом по

башке назойливому «продавцу». Зато классическое «дай закурить», наверное, останется жить в веках!

После этой кодовой фразы, поняв, что мирно уйти не удастся, я шагнул к ларьку, чтобы за спиной было прикрытие, и насмешливо уточнил:

- Только сигарету?
- А вот мы сейчас поглядим, что у тебя еще есть...
- Гляделки потерять не боитесь?
- Ха, борзый? Будем учить!

Компания, видать, была третья, потому что сразу после этих слов девки чуть подались назад, а парни медленно пошли на меня, охватывая полукругом. Посередине двигался плоско-мордый, который, картинно щелкнув вынутым из кармана «кнопарем», процедил:

- Ну все, коз-зел, считай, ты нарвался. Теперь мы...

Договорить здоровяк не успел, так как я, не обращая внимания на нож, просто взмахнул рукой, отвлекая его внимание и, сделав быстрый шаг вперед, пнул противника под коленку опорной ноги. Качественно пнул. Настолько качественно, что парень даже не заорал, а просто упал, отрубившись. Ну дык, еще бы, в лучшем случае – чашечка выбита. Вот тебе и шок с одно-моментной потерей сознания. Правда, его кентов это не остановило, и они одновременно бросились с двух сторон на обидчика. Броситься-то бросились, но тоже потерпели фиаско. Один налетел переносицей на прямой удар открытой ладонью, а второму я по-рабоче-крестьянски засветил в ухо.

Вот и всё. Дольше разговоры разговаривали... Хотя, как ни крути, навыки я один черт растерял. В ранней молодости, бывало, из подобных ситуаций выпутывался исключительно за счет хорошо подвешенного языка. А сейчас, получается – деградирую помаленьку, уповаю исключительно на грубую силу. Сплюнув и поглядывая в сторону визгливо ругающихся девок (исходя из воспоминаний юности, от них тоже можно было ожидать довольно решительных действий), я наклонился за сумкой и в этот момент краем глаза увидел какое-то движение сбоку-сзади, метрах в семи от меня. Как раз где находился дырявый забор. И тут же загрохотали выстрелы. Причем стрелок попал с первого раза, поэтому, когда я рефлекторно дернулся, уходя в перекат, стремясь попасть в «мертвую зону» за киоском, вместо переката, получив удар пули в сумку, поскользнулся и бездарно упал. А упав, успел заметить третью деваху, которая, стоя в проломе забора, садила прямо в меня из чего-то наподобие «Осы»³⁷.

Следующий ее выстрел был «в молоко», но еще раз кувыркнуться я просто не успел, так как соплюха оказалась снайпером и третий «бабах» был весьма результативен. В голове будто граната взорвалась, и я банально отрубился.

* * *

Очухался довольно быстро. Наверное, через несколько секунд. Только в башке сильно шумело и тело не очень слушалось. А про время сообразил, потому что гопники еще не ушли. Да что там «не ушли»! Парни так и лежали, где я их уложил, а их подружки меня активно грабили, переругиваясь между собой:

- Кожанку, кожанку с него снимай!
- Тяжелый, падла!
- Сумка почти пустая. И в ней одна лажа – мешок какой-то да трусы с носками!
- Валька, сучка, зачем ты в баул полезла?! На хазе посмотрим, что там, а сейчас давай быстрее!
- О, лопатник! Ого!!

³⁷ «Оса» – бесствольный пистолет, относящийся к гражданскому оружию нелетального действия.

– Чего там?

– Во!

– Ни х... себе!!! Грины! Да, вовремя Людке поссать за забором приспичило! И своим резинострелом она здорово управляется! Не то что наши лохи, которые втроем одного уделать не могли!

– Хватит болтать, карманы проверяй!

В этот момент я попытался отмахнуться от множества рук, шарящих по одежде, но получил пинок под ребра, и чей-то голос удивленно сказал:

– Гляди ты – очухался! Видно, в башке одна кость, вот и не пробило...

А другой в приказном порядке выдал:

– Людка, добавь ему. Он, наверное, из братвы, если с такими деньгами ходит. А нам проблемы не нужны. Давай стреляй!

Японский городской! Да мне сейчас, похоже, еще раз по башке прилетит! И главное – от кого?! Вот позорище! От осознания этого факта в голове сразу прояснилось, да и сил прибавилось. А тут еще и «снайперская» Людка помогла, зло ответив:

– У меня всего три патрона было! И все три я в этого лузера пульнула. Так что, вон, берите палку и сами его успокаивайте!

Грабительницы от такого заявления несколько опешили, что и позволило мне, очень удачно крутнувшись на спине, взбрыкнуть ногой и зацепить одну из них. После чего они отскочили, и у меня получилось, пошатываясь, встать.

Девки сразу отступили еще дальше, а когда я попытался сделать шаг к ним, бросились бежать, наплевав на своих вольготно разлегшихся на грязном снегу кавалеров. И буквально в этот момент из-за поворота нарисовался еще один персонаж – мужик в черном длинном пальто, который нес под мышкой какой-то пакет.

Узревший такую странную картину прохожий, проводив глазами удирающих налетчиц, посмотрел на лежащих парней и, секунду подумав, двинул прямо ко мне. А я в это время, стянув свою вязаную шапку, щупал мокрую от крови голову, на которой набухла огромнейшей величины продолговатая шишка. М-да, удачно получилось... Похоже, что пуля вскользь прошла. Она хоть и считается резиновой, но внутри имеет железный сердечник, так что при удачном попадании можно было свободно обзавестись лишней дыркой в башке. Так что вдвойне повезло: и что только чиркнула, и что расстояние до стрелка было достаточно большим.

Пока я себя пальпировал, подошедший мужик хмыкнул, увидев мою окровавленную руку, и спросил:

– По голове получил?

– Ага... Только не получил, а из резинострела достали. Совсем обнаглела шантрапа малолетняя. Уже среди бела дня грабят...

– Хм, а я хлопок слышал, но не думал, что это выстрел... Ну-ка дай гляну, что у тебя там.

Я подчинился, и через несколько секунд осмотр закончился уважительным присвистом:

– Да-а-а... неплохо тебе прилетело. И хорошо, что не в висок. А так – шишка здоровенная да кожа рассечена. Но в больничку все равно надо, мало ли чего там еще повреждено...

Я, кряхтя и пробуя натянуть свою «пидорку» обратно на голову, ответил:

– Никаких больниц, так очухаюсь. У меня дел еще море...

А мужик, вдруг отвлекшись от меня, заинтересовался тихо лежащим здоровяком. Его дружки еще как-то подстанывали и даже пробовали шевелиться, а главарь не подавал вообще никаких признаков жизни. Хорошо я его уконтрапутил!

Хотя, если говорить честно, любой опер на моем месте управился бы не хуже. Да что я говорю – лучше! Во всяком случае, он бы так глупо не подставился. Это я, не считая девчонок за серьезных противников, расслабился. А те, кто постоянно с этим шакальем дела имеют, небось, ни на пол, ни на возраст скидок не делают.

Но с другой стороны, никто не мог ожидать того, что эта невовремясущая соплюха появится из-за спины, да еще и с резинострелом. Она ведь ни во время прелюдии, ни во время драки себя никак не проявила. Вообще никак. Сидела там беззвучной, тихой мышкой. Поэтому я и предположить не мог, что за забором кто-то есть. А потом ругань ее товаров да гавканье собаки из-за забора хорошо заглушила шаги этой стервы. И на «травматик» я никак не рассчитывал. Логичнее было предположить наличие нормального огнестрела у кого-то из парней, но, видно, эта шпана еще не успела обзавестись чем-нибудь серьезным. Непонятно только почему «Оса» была у девки, а не у главаря. Хотя надо отдать ей должное – управлялась со стволом она очень хорошо. В голову с такого расстояния попасть не каждый сможет.

От воспоминания, как мне в череп прилетела пуля, шишка начала дергать болью, и я, скривившись, довольно невежливо спросил у незнакомца, сидящего на корточках рядом с бандитом:

– И что ты там у него щупаешь?

Мужик поднялся и, оттряхивая руки, глухо произнес:

– Пульс. Которого почти нет...

– Твою мать! Как это – «нет»?

Я, конечно, готов был хорошенько навалить этим малолеткам, но вот убивать... Ведь и в мыслях не держал! Наоборот, когда бил того, которому нос сломал, силу сдерживал, чтобы не прибить наглухо. А с этим-то боровом что приключилось?! Опустившись на одно колено, я приложил руку к его шее и замер. Блин, действительно – с сердцем что-то не то. И, возможно, это от болевого шока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.